

Евгений Алехин

ПТИЧЬЯ ГАВАНЬ

Ил-music
карантин-карман
2016

Содержание

Птичья гавань · 5

Восхождение · 53

Слонопотам и его соображения · 81

Скучный маленький багаж · 97

Безалкогольный дневник · 148

«Я» · 172

ПТИЧЬЯ ГАВАНЬ

Ты говорить разучился?

Прежде всегда было достаточно повернуться на другой бок, чтобы избавиться от навязчивого сна. Но только не сейчас. Этот сон регулярно снился мне, несколько раз за лето, и каждый раз было трудно из него выбраться. Я даже вставал в туалет, потом выходил на кухню выпить воды, тихонько ставил пустой стакан на стол и минуту стоял перед окном, глядя из темноты, как луна подсвечивает силуэт облепихового дерева в соседском огороде. Но я все еще был окружен застывшими в ожидании персонажами, физически чувствовал связь с ними: сон лежал под полупрозрачной реальностью, дразнил, как яркие жвачные вкладыши из-под тонировки оргстекла, и стоит мне положить голову на подушку, он продолжится, с небольшим нахлестом назад, чтобы я не потерял нить. Я смотрел сон как единственный зритель видеосалона, в котором происходящее на экране замедляется, стоит тебе отвлечься; полотно терпеливо ждет, чтобы погрузить в каждую секунду трансляции. Здесь не выйдет остаться невовлеченным. Сон в точности повторял, какими я их помню, события одного дня, произошедшие со мной чуть больше года назад, пятнадцатого июня две тысячи первого. Почему я возвращаюсь туда и что хочу забрать? – задаю я вопрос и одновременно даю себе установку, накрываясь одеялом. Снова вхожу в эту реку, вчитываюсь в пацанскую притчу, смысл которой должен разгадать.

– Жука, ты говорить разучился?

Я сижу на лавочке. Мне не стоит никаких усилий начать угадывать происходящее заранее. Но если я проговорю в уме фразу Лёджика до того, как он ее произнесет, мне

самому же станет страшно. Нужно поверить, что все это происходит в первый раз, прикинуться и проживать сцену за сценой. В этой постановке одного дня из моей жизни я должен быть естественным, но не импровизировать.

Вот он я, здесь, по-настоящему пьяный, и сейчас Леджик скажет что-то про обезьяний язык...

– На обезьяньем только можешь? Человеческий забыл?

Все нормально. Мне удалось синхронизировать внутренний ритм с ритмом повествования. Мой рот распух, он размазан по лицу. Поднимаю на Леджика взгляд, щурюсь, чтобы немного навести фокус. Грозю ему указательным пальцем, отвечаю, еле разжевывая вязкие, как хурма, слова:

– Но не забыл, что ты спиздил у меня пилу.

Я совсем не уверен, что это он, но подозреваю его. И вот я закинул удочку. Не подает виду. Раскусить его сложно, но если это и в правду был Леджик, теперь он знает, что я в курсе.

Леджик смеется надо мной.

– Сегодня ты официально перестал быть человеком, – говорит. – Распрощался с человеческой сущностью. Такого я еще не видел. А ведь ты подавал большие надежды.

Хочу ответить, что он и сам не лучше: с кем это он сейчас увлеченно болтает, кому зачитывает это ироническое сочинение обо мне? – сам с собой же разговаривает, шизофреник. Но не могу острить, дар речи опять покинул меня. Ничего, это быстрое опьянение, скоро оно пройдет, нужно просто держать себя в руках. Качнувшись, встаю с лавочки, кладу ладони на уши и крепко хватаю себя за голову: соберись. Мне удастся выбросить за борт фразу-пустышку, чтобы выиграть время и не пойти ко дну:

– Обратно ты тупого включил.

И меня кто-то резко толкает в плечо.

Откуда ни возьмись появился этот тип и первым делом, без всякого «здорово», довольно сильно пихнул меня. От

неожиданности и адреналина я выпрямляюсь и становлюсь трезвее:

– Что случилось? – спрашиваю я максимально взросло и серьезно.

По-моему его называют Ляля, настоящее имя мне неизвестно. Видел его, но не знаю, кто он такой.

– А ну-ка свалил отсюда! – агрессивно говорит мне он. Стриженный под машинку здоровяк с залысинами, похожий на бешеного краснорожего пупса-альбиноса, оторванный от мира, в котором прилагательное «гуманитарный» имеет хоть какое-то значение. Маленький, но безжалостный двадцатилетний крепыш. Ничего не понимаю. Откуда он свалился? Я развожу руками и открываю рот, пытаюсь выдохнуть все свое недоумение.

Ляля, не размыкая губ, злобно облизывает зубы, гиена, собирательный подонок.

– Потеряйся, – заявляет он мне.

Я молча поворачиваюсь к Леджику. Он с тревогой и любопытством смотрит на меня, на Лялю.

– Леджик, это нормально?

Как будто действительно усомнился, в том ли мире нахожусь, или это уже другой мир, в котором любой мудак может прогнать тебя с места, где ты стоишь, только потому, что ему так захотелось.

– Это мой подъезд, вали отсюда, алкаш.

Леджик вытягивает руку между нами и говорит:

– Стоп. Это же Жука. Спокойно.

Ляля здесь живет, да, но и мой друг Миша здесь живет, это двор моих друзей: Миши, Леджика и Тимофея. Свободная от опасных приключений зона на моей карте мира. Где же Миша и Тимофей, куда они подевались? Если бы Миша был рядом, никто и никогда не решился бы меня толкнуть. Леджик что-то говорит, пытается отцепить Лялю от меня, но тот отпихивает его обратно на лавочку. И толкает меня от

подъезда, быстро и механически, как будто подметает клочок своей собственной земли, на которую недавно оформил документы. Уперся, выбрал меня в качестве предмета для вымещения агрессии, решил, что это его звездный час, что он проявит себя как альфа-самец, хотя на самом деле он просто черт.

– Пошел отсюда, черт! – говорит он мне.

Это я мысленно предугадал его слово. От страха мне хочется действовать. Меня выбросили, я уже стою в нескольких метрах и смотрю на обидчика. Ну и человек, вытолкал меня на дорогу (как шуганул гадающего на участке кота) и теперь пытается завязать с моим другом светскую беседу. По-соседски, как ни в чем не бывало.

– Ну и день. Подрезал меня какой-то хер сегодня. Мы сцепились прямо на дороге, – говорит Ляля Леджику, который не очень понимает, что сейчас произошло.

– До сих пор отойти не могу, – вот что говорит Ляля.

Леджик смотрит на Лялю, поворачивается на меня, немного щурится и водит лицом в поисках смысла, так как ситуация, похоже, вышла за рамки его представления о вечере. Значит Ляля во мне увидел козла отпущения. С кем-то поссорился, может быть, его слегка унизили, и он решил отыграться здесь. Я никогда не нападал первым и не понимаю таких вещей. Как он посмел? «Да кто он такой, обычный гопник, не какой-нибудь авторитетный пацан», – думаю я и пытаюсь завестись, разогнать себя, будто старый мопед. Вдох-выдох, вдох-выдох, моя диафрагма – сцепление, нужно вытолкать слова и воздух, и дальше все произойдет само собой, мотор с ревом заработает, останется только запрыгнуть и покатиться с ветерком под горку.

– Эй, Ляля! Мы с тобой еще не закончили! – мои слова звучат внушительно и объемно, на весь двор. Каждый козырек над каждым подъездом, панельные стены, выложенные

грязно-голубой мозаикой, этажи и окна, лавочки и газон, качели и песочница резонируют моему голосу, подзвучивают и продлевают жизнь фразы.

Меня зовут Женя, и в этом дне мне пятнадцать лет, почти уже шестнадцать. Я только что окончил десятый класс. Друзья называют меня Жукой в честь героя сериала «Секрет Тропиканки», который показывали по Первому каналу несколько лет назад. Прозвище не имеет никакой связи с прототипом, никто даже и не вспомнит, чем был примечателен тот персонаж. Говоря «Жука», все давно имеют в виду только меня, то есть несколько знакомых им до боли существностей:

1) «Это же Жука» – немного юродивый доморощенный поэт и философ, вспылчивый, но не агрессивный;

2) «А, вот и Жука» – начинающий, но уже не подающий особых надежд на выздоровление пьяница, душа своей маленькой компании;

3) «Жука» с устало растянутым «у» – человек, который, как ребенок, задает много вопросов, пытаясь найти смысл там, где его нет; умник и демагог, любитель вывести на чистую воду, хотя и сам знатный мифотворец;

4) «Хорош, Жук» – зануда в отношении мелких и никому не интересных деталей, хотя и плевал на вещи поважнее.

Несколько месяцев назад у меня появилась первая работа или подработка, если хотите. Три-четыре раза в неделю по вечерам за мной заезжает Серега, и мы развозим питьевую воду на его «каблучке».

– Как сам? – спрашивает Серега, протягивая мне руку.

– Нормально. Сколько сегодня? – отвечаю и спрашиваю я.

Обычно мы развозим 25–30 бутылей за вечер. По выходным бывает больше, пятьдесят или шестьдесят. Договоренность такая: мои два рубля с каждой бутылки. Но Серега всегда округляет мой заработок в большую сторону, плюс

иногда мне достается на чай. Серега спокоен и серьезен, не болтлив, таких называют «настоящий мужик». Мне приятно, что он со мной на равных, не как с подростком. Я привычно закидываю двадцатилитровую бутылку на плечо, свободной рукой набираю код домофона, если домофон есть, и легко вбегаю на лестницу или в лифт. Забираю деньги и пустую бутылку у клиента – бегу вниз по лестнице, – и мы едем на следующий адрес.

Неделю с лишним назад я сказал себе: хватит все пропивать и просто бездарно тратить, нужно скопить немного денег. Решил откладывать понемногу каждый раз, ограничить карманные расходы, чтобы пригласить девушку на свидание. Есть одна девушка, я познакомился с ней в Доме творчества, куда хожу репетировать рэп. Она на два года старше и красива. По моим подсчетам, нужно скопить рублей четырехста, чтобы пойти с ней гулять. Думал о ее коже, когда упаковывал деньги в целлофан и убирал за шкаф. Потом доставал пакетик, пересчитывал и вкладывал в него новые купюры. Она такая ухоженная и скромная. Скоро я позвоню ей.

А сегодня пил спирт с Мишей и Тимофеем. Мишины родители уехали на дачу, а у Миши сломана нога, вот он и остался. Мы пришли в гости с бутылкой. Миша прыгал по дому на костылях, смеялся и расставлял рюмки; он быстро напился. Даже Тимофей ушел к себе домой спать, а мне все было мало. Вышел на улицу и пока решал, идти ли домой или искать продолжения праздника, встретил Леджика.

– Какие люди! – сказал он.

– У меня дома есть немного денег, – сказал я сразу, чтобы пропустить все ненужное.

Пока Леджик ждал за оградкой, я отодвигал шкаф у себя в комнате, чтобы разрушить едва заложенный фундамент, обменять на выпивку собственное будущее счастье. Так и потерял все свои сбережения плюс надежду на любовь. Но

я не позволю этому Ляле безнаказанно унижить меня. Вот моя краткая самопрезентация, мое рестлерское резюме перед выходом на ринг.

Ляля говорит:

– Как ты меня назвал?!

Пока он пытается изобразить крутого, скорчить гримасу в стиле «Последнего бойскаута», я успеваю напасть. Понто-рез, он даже не защитился. Опрокидываю и прижимаю его тушку к бетонной площадке. Он крепкий и на несколько лет старше, но правда на моей стороне. «Не подпускать его к себе. Соблюдай дистанцию, у тебя длинные руки, в дальнем бою он проиграет», – командует внутренний тренер. Но Ляля и так только беспомощно отбрыкивается, то ли пытаюсь оттолкнуть меня, то ли обнять и сделать захват. Несколько раз приподнимаю и бросаю его молодым жирком на бетон. Потом резко выдергиваю из лежачего положения, ставлю на ноги, как ребенка, будто он мой сын-недоумок, которого я сейчас обувал. Но еще не собираюсь отпустить его на прогулку, нет, моя постановка не закончена. Больше трех лет упражнений с гантелями и ежедневного онанизма сделали мою правую руку сильной, как у гориллы. Или это спирт вывел меня на новый уровень, за рамки моей человеческой природы. Леджик был прав, я утратил человеческую сущность. Крепко хватаю Лялю за грудки и с силой швыряю о дверь подъезда. Еще и еще раз бью его о деревянную дверь, так, что шарниры стонут и дверная коробка трещит. Отступаю на несколько шагов, выпячиваю руки и резко ныряю на Лялю, вспоминая фильмы о кунг-фу, хочу размазать его по двери, чтобы он прошел через нее, пробив доски: отправить парня домой, в его вонючий подъезд.

Но я чувствую тупую боль в макушке, и кровь заливает мне глаза. Значит, что-то пошло не так. Я выхожу на середину

площадки перед подъездом. Заходящее солнце ласково тянет ко мне из-за домов остывающие лучи.

– Эй, Конан-варвар, – говорит Леджик. Он так и сидит на лавочке, попкорна только не хватает.

Оборачиваюсь на дверь – Ляли уже и след простыл – дверная ручка (вот на что я напоролся) и сама дверь в крови, бетон в крови. Пытаюсь дружески улыбнуться Леджику, насколько позволяет мое состояние, и получается не очень. Видимо, я не знал элементарных алгоритмов, по которым можно было нормально закончить этот вечер.

– А где же мой друг Ляля?! – вот и вся моя наспех сочиненная шутка.

Ирония получается свирепая, и я развожу руками: сработано не по плану, но в моем ключе: травмы получаю я сам. Устал, подставляю окровавленное лицо остывающему дню и вспоминаю, что могу проснуться. На сегодня хватит, это ведь не вечер, а утро настоящего.

* * *

Это случилось чуть больше года назад. А сейчас стояло затянувшееся межсезонье двух периодов моей жизни, но я никак не мог выбраться из прошлого. Несколько дней назад завершились вступительные экзамены. Леджик покончил с собой еще в ноябре, девять месяцев назад, Тимофей тихо грустил по другу, не забывая по временам натягивать телочек, а я все еще был девственником, только подработки у меня уже давно не было. Теперь вместо меня работал друг Вова, о котором я пока не хотел рассказывать, не в этой истории – у него еще будет бенефис.

Самый конец июля, еще месяц до начала занятий. Я не знал, на что потратить это время. Собирался дописать поэму о загробном мире, пролог уже был готов. Две недели назад я попросил отца (у него на работе была возможность) скачать

и распечатать для меня переводы стихов Тумаса Транстремера. Читал и перечитывал, почти выучил эти несколько страниц – все, что нашлось в интернете, – и чувствовал: это новое для меня. Скоро смогу отойти от футуризма, от Серебряного века, от всей программы одиннадцатого класса, и начну писать лучше, если буду в теме. Но сначала нужно было расстаться с девственностью. Эта заноза мешала сосредоточиться на стиле. Я даже написал список на одной из страниц.

- Так выглядели нескромные планы на остаток лета:
- заняться сексом;
- дописать поэму «Гейм овер»;
- прочитать «Илиаду» и «Золотого осла».

Последний пункт не был для меня важен, но я слышал, что «Илиада» – главное проблемное произведение первого семестра. Возле надписи «Золотой осел» мной уже был нарисован ослик и было мелко дописано: «необязательно». Да нет, честно говоря, я и не собирался читать эти две книги до начала учебы. Просто дописал, чтобы в списке было три пункта. Если вдруг отец или мачеха возьмут из любопытства стихи Транстремера и увидят мои пометки, список из двух пунктов будет выглядеть жалко. Два пункта – это даже никакой не список, а так, фуфло. В любом списке должно быть как минимум три пункта, это вам любой дурак скажет. К тому же «прочитать Гомера» обязательно вызовет уважение, реабилитирует меня после этого наивного и жалобного «заняться сексом» и самовлюбленного «дописать поэму». Я пытался замаскировать от посторонних и от самого себя, как это важно, как мне хочется встречаться с девушкой. Отвлекал от главного неуклюжими жестами. И в то же время хотел кричать и стонать о своих мечтах, о том, как хочу любить, держать ее за руку, кутаться в ее волосы и ладони, целовать губы, прижиматься к ней каждым сантиметром

своего тела и страстно трахать. Настоящая моя поэма была не о загробной жизни, а о плотской любви. И вся эта поэма состояла из двух слов, приписанных ручкой к чужим стихам: «заняться сексом».

Пару дней назад, 20 июля, был день моего рождения и крайняя неудача на этом поприще. Если бы я не отравился, мог бы случиться секс. Мы целовались с девушкой. И она мне очень нравилась, не считая большой родинки на шее. Но я целовал и эту родинку, выпивал, и готов был принять все как есть, без проблем, привыкал к родинке, ничего в ней страшного не было. Но к полуночи, вопреки собственным планам, не ложился с девушкой в постель, а ползал по кустам и грядкам Мишиной дачи, заблеывая желчью посадки и землю, сотку за соткой.

Так всегда. Каждый раз какое-то «если бы»:

- было подходящее место;
- у меня не перестал стоять со страху;
- вы вышли из комнаты.

Лет с тринадцати я ждал дня рождения с опаской и надеждой. До дня рождения – и особенно в этот день – чудо может произойти. А после него ясные дни резко заканчивались, небо становилось совсем серым и вера в чудо пропадала. Шанс снова был упущен, проходил очередной год моей жизни. Последний месяц лета – всегда как одно утро затянувшегося пасмурного дня перед нежеланным учебным годом. В этом угрюмом однообразии строить планы не имеет смысла, все утонет в скуке и лени.

Почти каждый вечер мы с Тимофеем заходили в гости к Леджику, как будто он и не думал умирать. Мы немного выпивали на кухне, общались с его семьей: родителями, сестрой, зятем. Потом они отправлялись в комнаты, но даже не намекали, что нам не стоит здесь быть. Мы допивали чай со спиртом, мыли за собой кружки, вытряхивали пепельницу

и тихонько уходили. Пару раз я пытался играть с Тимофеем в шахматы, как они играли с Леджиком. Но быстро стало понятно, что шахматы – не мое. Я с детства помнил, как могут ходить определенные фигуры, но понятия не имел, что с этим делать. Тем более после дозы алкоголя.

Тимофей жил на два этажа ниже Леджика; мы пожимали друг другу руки в подъезде, и он оказывался у себя дома, один на один со своим горем. Я тоже жил близко, семь минут пешком. Но я растягивал это расстояние, плелся домой, порываясь вернуться: хотелось бессмысленно тусоваться с Тимофеем до утра и дальше. Стать его лучшим другом, забрать часть горя.

Под открытой форточкой стоял в своей комнате площадью шесть с половиной квадратных метров, а сон не торопился выветриваться. Я держал на весах странные задумчивые вечера, этот сон и вялые летние дни. В мою комнату вмещался продавленный диван, занимая все пространство от стены до двери, так что надо было перешагивать через край дивана на входе, маленький журнальный столик, старая подушка, заменяющая мне кресло, и шкаф. Возле столика я приставил к стене большое зеркало, которое откопал в кладовке и отмыл. Если чуть скрючиться, можно разглядывать себя в полный рост. В центре комнаты оставался целый метр свободного пространства. Я с тоской смотрел в окно на наш палисадник, ментовскую общагу и тучи над ней со своего личного квадратного метра. Мне было отмерено жизнью полшага.

На столе были разбросаны поломанные сигареты. Я быстро понял, в чем тут дело, догадался за секунду. Ночью было холодно, и я вернулся домой в куртке Тимофея, а у него в кармане лежала пачка «Святого Георгия». Сам-то я не оставляю сигареты в таких легкодоступных местах, как карманы куртки. Да и вообще стараюсь их не покупать – курить,

только когда выпиваю, чтобы быстрее накрыло и можно было сэкономить на алкоголе. Но отец прощмонал карманы и, не поняв, что куртка чужая, нашел то, что искал. Он методично разломал каждую сигарету и бросил их на мой столик, пока я спал. Твой порок обнаружен, и отец негодует.

Некоторые сигареты были сломаны удачно для меня – рядом с основанием. Я аккуратно починил их, а остальные отнес на кухню и выкинул в помойное ведро. Вышел на участок и закурил. Хочу курить открыто, думал я. Мне редко хочется закурить, и любые посягательства на это право сработают с точностью до наоборот, так и знайте. Если бы ты не сломал их, я бы и не стал курить, вот что я думал. Но меня затошнило от сигареты, скуренной до завтрака. Я отошел в тень общаги по дорожке, засыпанной щебенкой, бросил мерзкий бычок у обочины и сверху засыпал серыми камнями.

Время пить чай и собираться. Мне нужно было попасть в районо.

Я прошел через парк, вышел на дорогу и поймал маршрутку. Сел у окна и, въезжая в Ленинский район, внезапно обрадовался, что у меня есть дела на этот день. А когда ехал по центральному району, сочинил несколько рифм и приятно разволновался. Близость учебы в университете, новых знакомств и возможность оторваться от липкого, как лента для ловли мух, пригорода не пугали, а радовали. Пересел на трамвай и доехал до Заводского района. Заводский район испортил мне настроение. Неизведанная территория, здесь даже утром можно наткнуться на гопника «есть пять рублей?» или на гопника-учителя жизни. Уличная риторика мое слабое место. К тому же пока шел к нужному зданию, уже забыл свои удачные рифмы. Носи с собой блокнот, подумал я. Это же так просто: купить блокнот или попросить отца, чтобы принес с работы. У него там есть блокноты и

толстые тетради на любой вкус, единственное, на каждой из них будет позорный логотип «Межрегионгаза».

В коридоре района не работала лампочка, только немного тусклого света попадало через окно, выходящее в темный двор. Я присел возле нужного кабинета на обтянутое дерматином раскладное кресло. Вместо того чтобы сходу зайти в кабинет, решил подготовиться, нашел проблему. Сейчас ведь придется общаться с какой-нибудь чиновницей. Иногда начинаю переживать из-за таких мелочей. Впадаю в ступор перед необходимостью обращаться к незнакомому человеку. Я представлял себе очередь, а здесь никого не было. Поэтому я сидел и ждал, как будто мне нужно пропустить несколько человек. А потом войду я. Здравствуйте. Доброе утро. Мне нужно написать заявление, отказ от целевого направления. Здравствуйте, мне в школе выдали целевое направление для поступления в вуз, но оно не понадобилось.

Ладно, я резко встал и постучался. Не дожидаясь ответа, зашел и сказал:

– Доброе утро.

– Ничего себе. Привет, – ответили мне.

Но это была не усталая чиновница средних лет, а совсем молодая девушка, которую я знал. Она удивленно смотрела на меня, может быть, узнала сразу, а может, и пыталась вспомнить, как мы познакомились.

– Привет, Оля, – сказал я. – Что ты тут делаешь?

Она была одной из моих надежд, мечт и проходящих влюбленностей. Удивительно было снова ее встретить, тем более здесь. Мы танцевали как-то ранним майским утром. После бессонной ночи в открытом гоп-кафе на бульваре Строителей. Играла музыка одного из проектов Сергея Жукова, какой-то полумедляк, слишком энергичный

для парного танца и слишком медленный для одиночного. Тогда я не думал, какая это пошлятина, а аккуратно и крепко держал Олю за талию, пока она что-то говорила, и мое сердце таяло на рассвете, как очищенная картофелина, которую забыли сварить. Оля умела выражать свои мысли, в отличие от девушек, с которыми мне доводилось общаться прежде. Хрупкая и смешливая, на вид она была не старше меня, но оказалось, уже заканчивала юридический факультет. На ней было легкое платье, сандалии и кофточка.

– Работаю здесь.

Несколько секунд я подбирал нужный ответ.

– По-моему, это место тебе не очень подходит. Я ожидал столкнуться с какой-нибудь усатой тетенькой.

– А, я здесь ненадолго, – сказала она. – Надеюсь, что ненадолго.

Я был всего лишь одиннадцатиклассником-переростком. На мне была та же одежда, что и сейчас: джинсы с китайского рынка «Дружба», туфли из кожзама с блестящей пряжкой (сейчас один башмак уже расклеился и слегка приоткрыл пасть, из которой обломками крокодильих зубов торчали куски картона) и тонкий летний свитер с катышками. Стоит на секунду задуматься, во что ты одет, и кожа под ним начинает зудеть; дешевый полиэстер электризует волосы и пробирается под верхние слои, впивается в плоть, как обломки ногтей. Но в этом кафе я был к месту, такой же неудачник, как и любой из посетителей, зато у меня был выигрышный лотерейный билет, но его было ни на что не поменять, принцесса, но с ней мне было некуда пойти. Только неловко покачиваться между пластиковых столиков, заставленных пивными бутылками. Я случайно здесь оказался и выиграл приз, а двум моим не очень близким приятелям достались девушки на порядок хуже.

- Рад встретиться, – сказал я.
- И я рада.

Оля сразу выбрала меня, вот и все. Села со мной рядом и заговорила. Я решил ничего не выдумывать, отвечать прямо. Сколько мне лет, где учусь, не пытаться показаться интересней, чем я есть.

«Он младше меня на пять лет, – говорила она подругам, – а выглядит как мой старший брат». Все разошлись, а мы гуляли вдвоем по бульвару, утренние люди выходили в магазины и на остановки. Был выходной день, нам некуда было спешить. С вечера я сказал отцу, что ночую в гостях и вернусь не раньше полудня. Мы уселись на траве с сигаретами и бутылкой минеральной воды, солнце начинало греть. «Что будешь делать после школы?» – спросила Оля. Я сказал, что собираюсь поступать на журналистику.

И у меня есть идея одного эссе, которое нужно напечатать в какой-нибудь газете. «О чем это эссе?» Я сказал, что это эссе вряд ли я смогу предъявить на вступительном творческом экзамене, но можно попробовать его написать. Тема приблизительно такая: «Кинолента “Американский пирог” как шаг в сторону от пацанских понятий». О том, что благодаря этому фильму для нас, детей, рожденных в середине восьмидесятых, стало возможным избавиться от табу, которые мы донашиваем за старшими товарищами. О важности этого фильма, ведь его популярность заставляет нас теперь более открыто говорить об онанизме (хотя бы в кругу самых близких друзей), даже разговаривать о кунилингусе и минете, даже примерять на себя такие вещи, что пару лет назад было бы автоматическим «зашкваром». Это опора для тех, кому чужда гоповская эстетика, для тех, кому не повезло вырасти крутым и в совершенстве овладеть языком улиц.

Оля поцеловала меня, чтобы заткнуть, или потому что ей понравилась моя речь. Я чувствовал себя отличником,

которым никогда не был. «У моих друзей не было таких предрассудков», – сказала Оля. «Ты живешь в городе», – сказал я. «Через пятьсот метров начинается другой мир». И показал в сторону улицы Марковцева, там за гаражами город заканчивался, и глиняная дорога вдоль поля вела к моему поселку. Хотя все это ничего не значило, на самом деле никакой черты не было, просто сейчас нас спасал день, а ночью именно здесь, на бульваре Строителей, было легче всего получить по башке. Стать жертвой изнасилования или нападения с целью ограбления можно было и здесь, в пределах города.

– Мне нужно написать заявление. Отказаться от целевого направления, – сказал я.

– А почему ты отказываешься? – наши майские поцелуи никак не вязались с нынешним разговором.

Воспоминание о ней не могло быть настоящим. Что мне не светило, так это встречаться с ней, взрослой, все понимающей и умной девушкой. Я для нее был развлечением на одно утро, погуляла и забыла. Что бы я смог ей предложить? Я на всякий случай держался подальше от студенток юрфака. Они учились с мажорами, которые с восемнадцати лет ездят на собственных тачках, а некоторые цыпочки даже водят сами. Еще они ходят в клубы «Метро» или «Сказка», знают там охранников, пьют коктейли и отплясывают целую ночную дискотеку за счет парней, которым даже не дают. Если мне и суждено с кем-то связать судьбу, так это с ровесницей-абитуриенткой или одинокой задроткой с филфака, биофака, а может, с некрасивой студенткой мединститута. Они там не очень искушены в парнях.

Оля снимала квартиру со своими подругами, которые как раз и отсыпались после ночных посиделок. Я проводил ее до места и запомнил адрес. Надо было на что-то решиться,

застолбить ее для себя, не знаю, ухватить за вагину, дать ей понять, что она теперь моя. Мы попрощались, а я даже номер телефона не записал.

– Потому что поступил сам, – сказал я. – Набрал проходной балл, так что направление не понадобится.

– А куда поступил?

– В универ, на филфак.

Она вроде бы что-то вспомнила. – Точно. На журналистику?

Я развел руками:

– Нет. Пошел все-таки на отделение русского и литературы. Все говорят, что там образование лучше.

В действительности дело было не в образовании. Мне просто не хотелось идти в редакцию. Даже несмотря на то, что мой отец раньше работал в газете «Кузбасс» и легко мог все устроить, мне все же нужно было прийти туда и обсудить мои материалы с главным редактором, чтобы их напечатали. Внести какие-то правки, или просто редактор хотела со мной познакомиться, прежде чем публиковать. А я все собирался, да так и не пошел. И время творческого конкурса прошло. Объяснять это Оле сейчас было бы неуместно. Поезд ушел два месяца назад, зачем теперь делиться бесполезной информацией. Это все пустое для нее, всего лишь информация. Моя жизнь.

– С целевым мог бы пойти на любой другой факультет, – сказала Оля. Это я и так, конечно, знал.

– Да мне нормально. Я, может, и хочу стать филологом. Хотя это и не самый сильный бабий магнит, – нерешительно сострил я. И через секунду молчания добавил:

– С таким дипломом не заработать миллион, зато я буду знать многое о Стейнбеке и Кафке. Это мне ближе, чем машины и дискотеки. Хотя я не против машин и дискотек.

Она усмехнулась, но не клюнула на эти фамилии. Иногда я ни к селу ни к городу вбрасывал имена полюбившихся писателей в разговор, ожидая, что кто-нибудь схватит наживку и окажется моей родственной душой. Ведь люди обсуждают марки автомобилей и телесериалы. Но пока этот ход ни разу не сработал.

Оля дала мне лист бумаги А4 и объяснила, как и что написать. Через минуту все было готово.

– Спасибо. Это все?

– Да, – ответила она.

– Как ты вообще поживаешь? – спросил я.

– Нормально.

Сердце билось между ушами и глазами.

– Ладно. Теперь я знаю, где ты работаешь. Пока, – сказал я и вышел.

Голова кружилась, мне хотелось убежать подальше от невозможности схватить и изнасиловать ее прямо в этом кабинете. Какой там изнасиловать! Я не смог бы даже в воображении овладеть ею, даже во сне потерял бы контроль над телом, просто прикоснувшись к ней. Она наверняка почувствовала мою нерешительность и потеряла интерес в ходе неловкой беседы, если он и был изначально. Сколько раз я видел, как это делается. Парни, которые не смогли бы написать правильно два предложения, получали желаемое, потому что были уверены, что заветное отверстие в женщине принадлежит им.

Я заставил себя остановиться в коридоре на минуту, ожидая, вдруг она выйдет посмотреть мне вслед. А я бы стоял здесь, готовый быть с ней. Не вышла.

Мне вспомнился один давний случай. Я тогда был шести или семиклассником, и наш класс возили на какое-то театральное представление в другую деревню Кемеровского района. Там, в местном ДК, я познакомился с симпатичной

девочкой, очень открытой, моей ровесницей. Мы сидели на соседних местах и разговаривали, обсуждали учебу и популярные песни, пока ждали выхода артистов. И даже во время спектакля она продолжала говорить, комментировать и шутить. Мне это понравилось. Пришло время дружить с девочками, подумал я. А потом она взяла меня за руку и утвердила свои права:

– Теперь ты будешь моим парнем.

Я даже малость онемел, как это было хорошо. В одиннадцать или двенадцать лет (точно не помню) у меня уже возникла девушка, вот так неожиданно появилась. Она подергала меня за плечо, ожидая комментария.

– Ладно, – сказал я максимально равнодушно, стараясь не смотреть ей в глаза, чтобы она не видела, как меня это все радует.

А потом нас, тех, кто приехал, стали как овец загонять в специальный автобус. Я сказал своей «девушке», что только зайду, отмечусь, но скажу, что забыл что-то, и вернусь ненадолго к ней. Вырву еще минутку перед расставанием. Сам не понимаю, зачем я придумал эту сложную схему, ведь нужно было просто договориться о том, как мы свяжемся, записать номер телефона и ехать домой. Но я уже предвидел сложности. Думал ли я о том, что мне придется звонить и спрашивать: «А Настя дома?» – а потом объяснять, что это звонит ее парень, – и родители, скорее всего, запретят говорить со мной подолгу, ведь она еще маленькая, и мы живем в разных пригородных зонах, а значит звонки стоят дорого?

Через окно я видел ее: ждала. И вдруг я пригнулся, спрятался от ее глаз. Автобус поехал. В детстве я верил в осознанные сновидения, хотя и не слышал, что это так называется. Увидимся во сне и договоримся, оправдывался я, протискиваясь в конец салона, где были свободные места. Меня сразу укачало, и пришлось закинуть голову на спинку сиденья. Школьники галдели в автобусе, а я смотрел в

потолок, глубоко дышал, сдерживая тошноту. Наверное, такая целеустремленная девочка недолго страдала и уже давно нашла себе нового «парня», а к настоящему моменту, может быть, сменила дюжину парней.

Недавно прочитал «Глаза голубой собаки». Жаль этот рассказ уже написан пятьдесят лет назад усатым латиносом, а то бы я когда-нибудь смог соорудить подобный текст.

* * *

Тимофей еще не оделся, и вид у него был помятый. Мы молча прошли на кухню, я сел, а он так и стоял над душой в одних трусах.

– Я тебя разбудил? – спросил я, разглядывая его туловище.

– Нет. Не мог уснуть всю ночь. Но как будто все равно отдохнул. Надо прицепить монитор к потолку и играть в компьютер вместо сна или смотреть кино.

– Правда, зачем время терять.

Пока он умывался, я тыкал в пульт, переключая каналы на маленьком кухонном телевизоре. Остановился на заставке мультфильма «Котопес» о сдвоенном существе, у которого не было задней части, зато было две передних: торс кота и торс пса, смотрящие в разные стороны. Тимофей даже высунулся из ванной, чтобы спеть пару строк песенки «единственный в мире малыш Котопе-о-о-с». Нужно было срочно придумать, куда деть этот бессмысленный день.

– Давай приготовим еду в горшочках, – сказал Тимофей, закончив свой утренний туалет.

– Можно я сперва приму душ?

У нас в частном секторе отключают горячую воду на все лето. Поэтому я пользовался возможностью принимать душ у Тимофея или Миши. Залез в ванну и долго поливал себя почти горячей водой.

– Я думал, ты там сдох, – сказал Тимофей, когда я вышел.

Он достал новый блок отчимовских сигарет «Святой Георгий» с кухонного шкафа, ловко сорвал целлофан и отделил пачку.

Включил вытяжку, и мы закурили.

– Предлагаю приготовить картошку с грибами и мясом, – сказал Тимофей.

– Давай готовить, чего бы и нет. Только выпить бы сначала.

– Сначала приготовим. Я ведь только встал, – возразил Тимофей.

Я почистил картошку и морковь, пока он отогревал в микроволновке и нарезал свинину, потом он нарезал лук. Мы уложили еду в глиняные горшки и поставили их в духовку. Пялиться через темное стекло, как еда запекается, было не очень интересно, и у меня подоспел аргумент:

– Погоди, Тимоха. Ты же не спал всю ночь, не мог уснуть?

– Да. Зато дочитал твою книгу. Последний роман, «Почтальон».

– Но я не об этом. Получается, у тебя не утро, а поздний вечер, тебе давно пора выпить.

Тимофей уважительно ухмыльнулся:

– Ты не так глуп, как кажешься.

Он подмигнул мне и достал из тумбочки полбутылки водки и рюмки.

– Пока готовится, по одной.

Тимофей предупредительно вытянул палец и ткнул в бутылку:

– Но уровень не должен упасть ниже этой отметки.

Значит, по одной и еще по одной, прикинул я. – Водой разбавишь, если что.

За ожиданием еды и куревом мы обсудили книгу. Составители поместили под одной обложкой три романа: «История любви», «Над пропастью во ржи» и «Почтальон всегда звонит дважды». Иногда Тимофей брал у меня книги

и довольно быстро прочитывал. Он сказал, что все три романа ему понравились, более-менее. Я сказал, что «Почтальон» слишком жанровый, а «История любви» слишком сопливая. Но Сэлинджер – классика на все времена. Даже Миша, который считает чтение пустой тратой времени, прочел его за три дня. А я за год перечитывал роман несколько раз, и каждый раз открывал там что-то новое.

Трахнувшись, я уже буду читать его по-другому, – об этом я не сказал вслух, только внезапно подумал с тоской.

– Не знаю, что вы носитесь с этой «Пропастью». Все три рассказа нормальные.

– «И тогда я сделал то, чего не делал при нем, ни до, ни после: заплакал», – попробовал процитировать я концовку «Истории любви».

– А ты бы не заплакал, если бы у тебя девушка умерла?

Я ответил:

– Если бы ты знал, сколько времени у меня не было девушки, ты бы и сам заплакал.

– Ничего страшного, Жука. Помнишь Олесю «С кем?»

– Олесю как? – не понял я.

Он назвал фамилию.

– Ну. Конечно.

– У нее даже погоняло «С кем?» Говорят, дает каждому, кто ее захочет.

– Я понял о ком речь, но, к сожалению, не знал об этой слабости. И насчет «с кем» впервые слышу.

– Так вот. Мне пришлось целый месяц с ней гулять, чтобы дала. Целый месяц. Ты бы стал с ней гулять?

– Гулять бы, наверное, не стал. Я ее один раз встретил на вещевом рынке. Она продает лифчики. Мне даже показалось, что это мило. Надо было догадаться и предложить ей пожариться прямо там, на белье.

– Ага. Кусай теперь локти. Продавщица лифчиков – мечта поэта Жуки.

Еда была готова. Тимофей поставил горшочки на стол, и мы ели прямо из них, ложками. Получилось очень вкусно, даже морковь пропиталась бульоном и имела насыщенный вкус. Никогда еще на моей памяти морковь не была такой вкусной.

Несколько часов мы играли в «Need for Speed: Porsche Unleashed», параллельно я слушал истории о работе на хлебзаводе. Тимофей окончил второй курс биофака, и мама устроила его на лето грузить палеты с горячими булками и батонами. «Кемеровохлеб», по словам Тимофея, не очень заботился о соблюдении санитарных норм. Подсобники трогали хлебную продукцию голыми руками, а если что-то падало на заплесанный и усеянный окурками пол, то просто отряхивалось и продолжало ленивый путь к голодному покупателю. График – сутки через двое, и половину смены Тимофей обычно боролся с похмельем и потел, а вторую половину ждал свободной минутки, чтобы подремать. Он продержался месяц. Потом просто перестал ходить на работу. Его мама более-менее нормально это приняла, понятно, такая работа не каждому по душе. Но недавно ночью Тимофей привел к себе телочку. Прodelав с ней все, что собирался, вывел из комнаты и показал, где ванная комната. Сам зашел в туалет, а когда вышел, – мама стояла в коридоре.

– Шалав своих будешь водить? – спросила она довольно громко. – Опять привел?! Это тебе не смена на хлебзаводе, да? Сукин ты сын!

– Тихо, мам. Всех разбудишь, – ответил Тимофей.

Мама высказала все, что думала, минут за пять. А телочка еще час не выходила из ванной.

«Почему я привязался к этому человеку?» – задавался я вопросом, слушая, как Тимофей матерился, управляясь с виртуальным «порше» на фоне красивого пейзажа

Альпийских гор. Мне казалось, что я могу помочь ему раскрыться. Все считали Тимофея интересным и умным парнем, но никто, я уверен, не смог бы сказать, в чем он особенный. Он как будто специально не хотел выделяться, стремился быть средним, не требуя ничего ни от себя, ни от других. Меня бесило, что он был поклонником КВН-овского юмора и «Властелина колец» в переводе Гоблина, но при этом он мог быстро прочесть любую книгу, которую я ему давал. Просто потому, что книга нравилась мне, отнестись с вниманием к ее содержанию. Даже такой кирпич, как «К востоку от Эдема», он прочел меньше чем за месяц. Еще он был старше меня на два с половиной года, но никогда не воспринимал свое старшинство как достижение. Тимофей был не очень обязательным, зато никогда не конфликтовал, это мне в нем нравилось. И он пережил потерю лучшего друга, эта трагедия для меня имела значение. Его лучшего друга больше не существовало физически. Но кем был сам Тимофей для меня? Был он глуп или умен, я не знал. Почти всех моих друзей и знакомых можно было описать несколькими точными фразами, а с ним так никогда не получалось.

«Это Тимоха, мой любимый друг», – скажу я, и здесь не будет запоминающегося хрестоматийного абзаца, только фотокарточка и сухие данные: ФИО, дата рождения, улица и дом.

* * *

На столе стояли бутылка самогона и квашеная капуста. С нами сидел Дима, зять Леджика. Дима был на редкость умным узбеком, почти без акцента и со светлыми волосами. Я что-то хотел спросить у него, но сейчас забыл.

- Ты поступил? Можно праздновать? – спросил Дима.
- Думаю да, хотя формально зачисление завтра.

– Ну, тогда за тебя. Только мне наливай поменьше, – сказал он Тимофею.

Мы выпили, и Дима вспомнил одну из своих любимых тем. Все ему не давал покоя русский язык:

– И все-таки я не понимаю приставки «по-». Теперь ты филолог. Тебе не уйти, пока мы не разберемся в вопросе.

– Валяй, – ответил я. – Будем разбираться. Тимофей покачал головой: опять.

– Нет, подожди, – продолжил Дима. – Я думал на этот счет сегодня по дороге на работу. В маршрутке написано: «Об остановке предупреждайте заранее и погромче». Почему «погромче»? Почему не просто «громче»? Зачем «по»?

– Давай я тебе объясню через пять лет. Диплом буду защищать на эту тему.

– Нет, мы «по-думаем» сейчас. Это что? «Подумаем», приставка указывает на будущее? И причем тут «погромче»?

Пока мы распивали первую бутылку, купленную у местного алкобарыги, я пытался отмахнуться от Димы, найти что-то убедительное:

– Выходит, она используется «по-разному». Например, с наречиями.

– Что такое наречие?

– «Погромче», «помедленнее», «получше». Она, видимо, указывает на незначительный сдвиг. Не знаю я.

Местный самогон действовал сильнее, чем водка или спирт. Не просто отуплял, но и превращал все в мультфильм. Стоило мне начать что-то говорить, становилось лень развивать мысль. Скучные части речи извивались в воображении, гипнотизировали и усыпляли ум.

– Говорить «по-английски», трахаться «по-собачьи». Дима, это слишком сложно. Не хочу думать сейчас об этом.

Дима торжественно сказал:

– «Погромче» в маршрутке. Это ведь не значит чуть-чуть. Это значит, наоборот, во весь голос.

Тимофей тоже попытался вставить свое слово:

– Здесь есть действие. Не просто «громче». А с добавлением субъекта. Кто-то воздействует на громкость.

– Ага, ребята, – сказал я, – это точно. Здесь добавляется тот парень, который будет использовать определенную громкость. Дима, который едет в маршрутке на работу.

Я вспомнил, что хотел спросить у Димы:

– Ты можешь меня устроить на месяц поработать? Вам не нужен подсобник?

– Не знаю. Вроде бы не нужен. Зачем тебе это, Жука? Отдыхай перед учебой, еще надоест работать.

– Попробуй меня устроить, пожалуйста.

– Узнаю. Подумаю.

Через секунду он уже забыл о моем вопросе:

– Вот, например, в словах «помахать» или «поговорить»? Какое значение тут?

Я ходил в туалет и над унитазом замечтался о работе на стройке. Как это здорово: весь день работать, а вечером читать книгу или вот так говорить за выпивкой. И ты никому не должен денег. Все просто: честная хорошая работа и заслуженный досуг. От суеты и жестокости меня сейчас отделяла полоса любви и дружбы. Мир стал нежнее, эмоции яснее, раскрылась чувственность. Предметы утратили резкость, остроту очертаний, больше не было границ между мной и миром, я больше не был обездоленной соринкой, а был частью целого. Но говорить теперь было сложнее. Пока мочился, я бормотал: «Дима, устрой меня к себе подсобником. Подсобным рабочим». А когда вернулся, Димы уже не было. Ночь наступила раньше, чем ожидалось.

– Похоже, он ушел спать, – сказал Тимофей.

– А как же моя работа на стройке?

– Меняйся с Димой, Жука. Ты на стройку – он в универ.

– Да я серьезно. Все забывал с ним обсудить, поработать бы немного. Наверное, завтра не вспомнит.

Тимофей достал вторую бутылку из морозилки.

– Передержали!

Самогон замерз, стал густым, как подсолнечное масло. Тимофей опять поднял рюмку за мое поступление:

– Рад, что ты поступил, будешь меня будить.

– Да, оно того стоило, – ответил я, и мы чокнулись.

Мы пили холодную гущу по чуть-чуть, чтобы не простыть. Маленькими порциями. И даже когда самогон давно оттаял, мы все равно цедили, и чем экономнее были порции, тем быстрее время летело мимо.

Я подошел к окну и вслух заметил, что уже светает. Со стороны мое замечание походило на максимально умное заявление, которое способен промычать средних способностей теленок. Облака ползли по розово-синему небу. Тимофей истолковал мое мычание, будто я его к чему-то призываю, тоже встал и распахнул окно. Выглянул наружу, повернулся к столу: что-то соображал. Подтащил табурет, поставил на него бутылку и рюмки. Окно состояло из двух секций, разделенных рейкой, и я понял – это два посадочных места для нас. Тимофей уселся на одно из них и мотнул головой, приглашая меня. С речью у него тоже было не все в порядке, жестами оказалось проще. Я аккуратно залез на второе место. Утренняя свежесть запахом травы и обещанием долгой молодости ударила в нос, так, что я чуть не упал с четвертого этажа. Пока пытался совладать с координацией – не свалиться вниз от счастья и избытка кислорода, – Тимофей уже разлил и теперь протягивал мне рюмку.

– На, держука, – сказал он, хмельно подмигнув.

Я приспособился: можно было одной рукой жестикулировать или ухватиться за подоконник, а второй – держать рюмку. Мы чокались и пили, свесив ноги на улицу, а задницы держали в доме.

– Тимоха, спасиза туночь, – сказал я, обнимая его в этом окошке, и мы оба чуть не выпали от пьяной нежности.

Влажный от росы зеленый газон дружелюбно призывал к падению. Я наклонился к своим коленям и смотрел вниз: прыгнуть, не прыгнуть? Самоубийство постоянно было рядом, и мне нужно только одновременно сказать «нет» и «да». Но я всегда догадывался, что эту жвачку много лет буду пережевывать, не зная, выплюнуть или проглотить. «Сейчас или никогда».

Мой затылок обожгло чем-то неосвязаемо трезвым. Чьим-то взглядом. Этот взгляд со стороны высветил мои интимные мысли: так светом фар внезапно выхватывает срущего ночью в кустах человека. Я обернулся в кухню и увидел, что мама Леджика с брезгливым испугом смотрит на нас. Я резко выпрямился прямо в окне, прикидываясь нормальным.

– Простите, мы как раз уходим, – сказал максимально внятно. И после этого память выключилась, отказавшись фиксировать нашу позорную капитуляцию. Видео- и аудио-приборы не работали, было только смутное ощущение, что я выхожу в подъезд, спускаюсь по ступеням и сразу, без перехода по улице, уже нащупываю постель. Включился автопилот, а я видел продолжение регулярного сна.

* * *

– Его мама домой увела, – говорит Леджик. И уходит в подъезд.

Не видел я никакую маму.

– Ляля! – кричу я на весь двор. – Я жду тебя! Выходи!

Отхожу к детской площадке, чтобы лучше было видно окна последних этажей, где-то там он живет. Наверняка слышит. В окнах появляются чьи-то головы, но среди них нет Ляли. Подхожу к дому и несколько раз со злостью пинаю стену.

– Я накажу тебя! Покажу тебе твое место!

Леджик вернулся:

– Ты мозги себе вышиб? Присядь, – говорит он.

Подводит меня к лавочке, усаживает, протягивает влажное полотенце.

– Голову вытри.

– Что это?

– Голову вытри. Миша дал.

Но я вместо головы вытираю туфли. Вокруг собираются зрители. А я, согнувшись, матерюсь и бешено чищу обувь.

– Голову, а не ботинки, Жук.

– Что?

Я недоумеваю: чего они от меня хотят? Как Мел Гибсон, которого посадили решать квадратные уравнения. Появился сонный Миша, доковылял на костылях.

– Приведите его мне! – командую.

Миша тычет меня костылем с опаской и любопытством:

– Как свинья резаная пахнет, – говорит.

А еще говорит:

– Мы тебе «скорую» вызвали, так что притухни и положи тряпку себе на голову.

Со слезами в голосе я отвечаю:

– Он нарушил мое пространство. Мне не нужны лавры, но его надо наказать.

– Тебе надо башку зашить, – говорит Миша.

Мне резко все надоедает: прыгать и злиться на Лялю. Заряд моторчика закончился. Плевать я на него хотел.

Я просто сижу, жду, пока не появляется фельдшер.

Миша объясняет ему:

– Другу надо башку зашить.

Фельдшер с сомнением смотрит на меня и на Мишу: один весь в крови и с кратером на макушке, другой – похмельный, на костылях, нога до колена в гипсе.

– Все с ним в порядке, – отвечает фельдшер.

Я молчу. Все надоело.

Леджик куда-то пропал, здесь кроме нас троих только местные дети, и уже почти темно.

– Ладно, сейчас посмотрим, – говорит фельдшер и идет к «скорой», на которой его привезли. Открывает двери, роется в салоне. Возвращается с флаконом и куском марли.

– Не надо ничего зашивать, до свадьбы заживет, – с этими словами фельдшер поливает мне голову. Поливает марлю, кладет ее на рану. – Держи так. Через полчаса можешь выкинуть и лечь спать.

Я уже проветрился и чувствую: что-то здесь не так.

– И это все?

– Это все. Я пошел.

Фельдшер уходит, и через полминуты газель «скорой помощи» покидает двор. Миша садится рядом со мной, вытягивает больную ногу.

– Мне кажется, или он халатно отнесся к работе? Врач этот нормальный, по-твоему?

– Да он сам бухой в жопу, – объясняет Миша.

– Счас я зайду к тебе умыться, и домой, – говорю.

– Оклемался?

Миша внимательно смотрит на меня. Вдруг ласково улыбается:

– Дегенерат.

Оглядываю себя – мне явно нужно сменить футболку, чтобы не палиться. Но мое мысленное «не палиться» срабатывает наоборот: в следующую секунду, как я об этом подумал, из-за дома выходит мой отец. Я вижу его отсюда, приближается. Кто-то сообщил ему, красная лампочка «внимание!» мигает с нарастающей силой, отец идет вдоль дома не спеша, ступает твердо и внушительно, но приближается очень быстро.

– Ладно, Жук. Я пошел.

Миша хватает костыли и ловко упрыгивает к себе.

И мы с отцом молча идем домой. Я едва поспеваю.

Он не ругается, просто поглядывает на меня через плечо, и в этом поглядывании читается его слово «придурочный», – еще несколько стремительных шагов, – и опять этот взгляд на меня. Сожаление и непонимание, что с сыном не так, почему он вырастает таким идиотом?

– Кто тебе сказал? – спрашиваю я, но он не отвечает.

Я помыл волосы и теперь сижу на кухне. Мачеха снимает с меня окровавленную футболку и обрабатывает голову зеленкой.

– Господи, чем это тебя так?

– Ударился о дверную ручку, – отвечаю я. – О дверь в подъезде.

Голова кружится, подташнивает. Мое первое сотрясение. Отец провожает меня в комнату.

– Застелю, – говорит он.

Я посторонился – стою возле окна, прижавшись к батарее. Не задеваю отца в этом тесном пространстве, пока он накрывает мою подушку старым полотенцем, чтобы я не пачкал постельное белье. Он переступает через диван и встает в проходе. Наблюдает за мной, пока я снимаю штаны с носками и ложусь.

– Спи и не ворочайся, – говорит как маленькому.

Еще какое-то время стоит в дверном проеме и смотрит на меня. Я лежу с закрытыми глазами и слишком отчетливо чувствую это. Даже позу не выбрал, а уже прикидываюсь спящим. В детстве плохо засыпал. Когда мне было лет пять, отец, случалось, сидел рядом и запрещал шевелиться. «Не ерзай», – говорил он так, будто я причиняю ему страдания каждым движением. Чем сильнее старался не шевелиться, тем больше было необходимости. Конечности чесались, любое положение казалось неудобным. Отец все не уходит, от его изучающего взгляда все зудит сильнее.

– Ты мне мешаешь, – сухо замечаю я, не открывая глаз.

Мне не нужно его видеть, кожа заменяет мне зрение, этот воздух настолько плотный и знакомый, что я чувствую, его каждое малейшее движение: отец кривит рот в горькой ухмылке.

– Придурочный, – цедит сквозь зубы.

Отец закрывает дверь. Я тут же откидываю одеяло, так удобней. Трогаю свою рану в темноте. Кровь все еще понемногу сочится из маленького вулкана. Если прикоснуться к рваным краям жерла, боль пронзает голову. Я лежу, периодически дотрагиваясь до болевой точки, чтобы почувствовать разряд, чтобы ощутить каждый нерв. Уснуть все равно не получится, я знаю это. Долго лежу так, расслабляюсь, потом дотрагиваюсь до фазы, и освежаюсь. Надоедает, встаю. Тихонько приоткрываю дверь в коридор. Отец с мачехой смотрят телевизор в большой комнате, вижу это из коридора через рифленое стекло. Младший брат давно спит. На кухне пью воду, смотрю на часы: полпервого. Я возвращаюсь к себе и зачем-то начинаю одеваться. Тихонько выхожу из дома, аккуратно приоткрываю калитку, покидаю участок: тюрьму ненавязчивого, почти неощутимого режима.

Даже не слышал, но прошел небольшой дождь: дорога размыта. Скольжу по грязи, но на улице прохладно и хорошо. Быть здесь лучше, чем лежать в постели. Иду к «змеёвке» – дому номер 10б по нашей улице, туда, где живут мои друзья. Захожу в пустой двор. Площадки возле подъездов освещаются, как маленькие пустые сцены.

– Жука! – слышу я сверху приглушенный оклик.

Поднимаю голову, и мне кажется, что вижу самого себя в окне четвертого этажа. Неожиданный поворот, и я пугаюсь. Замираю в свете фонаря перед ночным монстром – изогнутой пятиэтажкой. Лже-я добродушно машет сверху – это как увидеть, что отражение вместо того, чтобы копировать твои жесты, жизнерадостно задержалось. Раздается

непонятный шум, скрежет или звон, я верчусь на месте: тьма, дом, окно. Чувствую, что сейчас проснусь, – но успеваю понять, что пугаться было нечего. Это Леджик зовет меня из окна своей комнаты, просто ночью и с мытой головой он похож на меня самого. Звонит домашний телефон. Мне просто показалось, это был Леджик, а не я. Отпускает. Ничего не важно. Проснулся.

***

Это отец позвонил, чтобы разбудить. Своего будильника у меня не было.

– Вставай, – приказал он.

– Да, я уже встаю, – ответил я, едва вытолкнув слова через склеившийся рот.

– Зайдешь ко мне сегодня?

– Наверное, зайду, да.

Быстро умылся холодной водой и включил чайник. Что же случилось? Вдруг Тимофей свалился? Наверное, если бы он выпал из окна, я бы не ночевал дома. Все бы закрутилось как-то иначе, и я сейчас был бы в больнице или морге.

По пути на остановку зашел за «змейку», прошерстить газон. Следов упавшего тела нет, кухонное окно в квартире Леджика закрыто. С этой же стороны дома находилось окно в комнату Тимофея. Я выбрал несколько легких камушков. Пусть покажется, чтобы я знал, что с ним все в порядке. Покидал их в окно, но Тимофей не показался.

В аудитории было полно народу. Я пошел по краю в задний ряд. Голоса тихо и непрерывно гудели. Похмелье понемногу отвоевывало территорию, каждый мой шаг увеличивал его владения. Парней, как я и ожидал, было очень мало: где-то семь или восемь на сотню девушек, самые ущербные из которых пришли с родителями. Забрался в

последний ряд: сегодня я не собирался ни с кем знакомиться или здороваться. Но одна девушка-мутант меня узнала и сказала:

– Привет, Женя.

Нехотя махнул ей рукой. Она была похожа на Фиону, возлюбленную Шрека, в момент превращения в огра. Мы сидели рядом на вступительном сочинении, и я видел, что ее труд начинается со слов: «Итак, в чем же смысл названия “Герой нашего времени”?» Я был уверен, что Фиона не поступит даже на коммерческую основу с такой работой. Но она была здесь и, судя по радостному возбуждению, имела проходной балл. Или на что-то надеялась вопреки здравому смыслу.

Пришли преподаватели, и гул начал стихать.

Сначала зачитали список студентов, набравших по двадцать баллов. Их было немного, четыре человека, круглые отличницы. Особое поздравление для них, приятно будет обучать их в нашем учебном заведении, нашему факультету нужны такие кадры, и так далее и тому подобное. Потом зачитали список тех, у кого всего одна «четверка» – человек пятнадцать, и среди них один парень. Я обратил на него внимание: маленький и коренастый симпатяга с мудрым лицом, украшенным первыми усами светлого пуха. Их – этих хорошистов, а не его усы (в уме я писал репортаж и позволил себе маленький каламбур), – тоже поздравили, но более сдержанно. Далее следовал длинный список набравших не больше и не меньше – проходной балл. Мои фамилия и имя были первыми в этом списке, составленном в алфавитном порядке.

Пришлось обратить внимание, что в аудитории были и красивые девушки: может быть, десять, – затерявшиеся среди деревенских зубрил и уродин принцессы. Но мне не нужна красавица, со сладким похмельным сожалением думал я. Как будто я был ранним мудрецом, адекватным, как

большой немощный слон. Нужно пожертвовать мечтами о принцессах (учебник жизни для самого себя), выбрать золотую середину и создать средних достоинств пару. Сам я не красавец, к тому же у меня совсем нет денег. Так что мне нужна отчаявшаяся отыскать принца девушка. Девушка с невысокими критериями, и умещающаяся в невысокие критерии.

Всех поступивших разделили на группы. Оказывается, особо активные уже изъявили желание стать старостами. Общественная жизнь где-то текла, а я и представления о ней не имел. Я попал в группу номер три, подгруппа «А». Фиона будет моей старостой, сама судьба сводит нас вместе. Тихие глубинные течения выносят меня к ее нетронутой промежности. Если я, стиснув зубы, возьмусь за нее, месяца будет вполне достаточно, чтобы Фиона позволила мне ее дефлорировать. Вдруг я осознал: с такой девушкой у меня все получится, это же не Настя Матвеева, не объект поклонения. Здесь я смогу руководствоваться любым порнофильмом: раздеть, плюнуть на ладонь и грубо овладеть. Она привяжется ко мне. Это будет выгодно обоим: скорее всего, Фиона заучка и станет помогать мне в том, что я плохо усвоил в школе: в истории, географии, обществознании, даже в правилах русского языка (я сдавал ЕГЭ по русскому и отвечал на вопросы интуитивно). А я научу ее писать сочинения. Меня специально этому учили несколько месяцев, и я передам этот навык Фионе.

Я представил, как погружаю член ей в рот, будто в маленький ковшик игрушечного экскаватора, и при этом тянусь рукой к светлым пышным зарослям под ее животом. Определенно нужно было опохмелиться.

Отец работал в шаговой доступности от главного корпуса. Через проходную нельзя было пройти без пропуска, но на первом этаже офисного комплекса имелся внутренний

телефон-автомат. Я снял трубку и назвал свою фамилию. Меня соединили с отцом.

– Да.

– Привет. Все, меня зачислили.

– Хорошо. Сейчас спущусь.

Он спустился, и мы вышли на улицу. Я смотрел на автобусную остановку. У старенького дедушки сломалась тележка, и он тщетно пытался приделать отвалившееся колесо.

– Будь готов, что вокруг будет много девушек, – начал отец издалека.

Колесо совсем не держалось: когда дедушка попробовал покатавать тележку вперед-назад, снова слетело и закатилось под лавочку. Подъехал троллейбус, и дедушка махнул колесу рукой, затащил тележку в салон. Оно так и осталось одиноко лежать на асфальте.

– Не стоит торопиться, – сказал отец. – Половина студентов филфака хотят скорее выйти замуж, а вторая половина – просто сексуально озабоченные. Старайся не терять голову.

Мне захотелось подойти и забрать это колесо от тележки.

– Думаешь, не стоило вам с мамой так рано жениться?

Видение с Фионой-экскаватором вернулось ко мне. Почувствовал, что у меня вот-вот случится эрекция. Это сейчас было ни к чему, нужно было стоять и внимать, чтобы не упустить момент сближения с отцом.

Он не стал отвечать на мой вопрос. Сказал, как будто подглядел сцену, которая разыгрывалась у меня в воображении:

– Попробуй сейчас думать о другом. О том, что у тебя есть пять лет, чтобы разобраться, чем ты будешь заниматься всю жизнь.

Я думал, это только начало, но отец достал кошелек из кармана легкой куртки.

– Сколько нужно денег на одежду?

Прикинул, что мне нужно: обувь, джинсы и какая-нибудь толстовка или новый свитер.

– Тысячи две.

Отец отсчитал две двести и сказал:

– Постарайся не пропить.

Это уже стало рефреном. Когда я получал деньги, просто обязан был услышать это.

– Спасибо, не пропью.

Он вдруг скорчил рожу и достал из кармана пачку жвачки.

Протянул мне, я подставил ладонь.

– Перегаром пасет.

Отец пошел работать, я пошел в магазин, прихватив с остановки колесо от дедушкиной тележки. Выпью бутылку пива и поеду на рынок. Мне нужны были новые вещи, это точно. Мою нынешнюю одежду стоило выкинуть без сожаления. Но хорошо, что отец сам предложил деньги, – я как-то еще не привык, что он бросил журналистику и теперь получает нормально, работая пиарщиком в «Межрегионгазе». Наверное, у него зарплата тысяч двадцать или около того. Семья понемногу выбирается из нищеты.

Я взял бутылку «Жигулевского» и сел в ближайшем дворе. Сделал несколько глотков, и в голове посвежело. Вертел колесико, потом бросил его в урну. Боль с тошнотой отступали. Я погрузился в полуденное спокойствие.

У меня не было ни одной проблемы, все шло как по маслу. Даже экзамены сдал без стресса, чувствовал себя уверенно. Если бы только не врал друзьям насчет своего полового опыта, был бы совершенно свободным человеком. Ложь – работа без зарплаты на каждый день. Нужно только признаться во всем, и перестанешь быть рабом собственных пустых выдумок. Но я так трезво размышляю только пока сижу один. Даю себе клятву никогда не врать, но внезапное

желание оказаться в обойме снова вдохновляет на болтовню, нет-нет, да и сочинишь анекдотец. Скоро меня подловят на вранье, это вопрос времени. Все от праздности, она виновата, надо пытаться устроиться на стройку на август. Труд помог бы мне исправить этот внутренний дефект, не осталось бы сил на такие глупости.

Осенью Серега перестал работать в доставке воды, зато посоветовал меня другому мужику. Сане. Это был начинающий рыхлеть тридцатипятилетний холостяк. Он был дружелюбно настроен, но мне было тоскливо с ним, чувствовал физическое неудобство от его болтливости.

– Здесь живет одна баба, – говорил Саня, пока мы ехали по Тухачевского. – Я у нее иногда бываю. Тесная, горячая, – показывал мне сжатый кулак. – Зацепит тебя, как кожаной прихваткой. Чистая. Трахнет, накормит, только послушай ее.

Мы выезжали с района ФПК в центральный, и на проспекте Ленина, самой протяженной в городе улице, у него был целый гарем.

– Во «Втором универмаге» познакомился с женщиной. Хорошая была женщина, волосатая. Сама с высшим образованием, но любит животный, жесткий стиль. И еще ей нравилось в машине трахаться. А в машине, сам понимаешь, не так просто кончить. У меня восьмерка была. Заедешь во двор, не можешь сосредоточиться, сиденье опять-таки неудобное, а вдруг кто-то в стекло постучит? Или мусора появятся, потом объясняйся с ее мужем.

По его историям я начал запоминать названия улиц, которые никак не были связаны с моей жизнью:

– Приглядел одну телку на Мичурина. Сперва ее подруга запала на меня, но так ведь неинтересно. Мне нужна была Маринка, задачку себе поставил. Целую неделю поджидал, говорил, позови меня к себе. Отшучивалась, но потом сама

позвонила, все-таки потекла, сучечка. Я сцепился с ней на пороге, сорвался с петель. В вещевой шкафу ее запихал и там ей сунул.

Саня ездил на «газели», бутылей вмещалось много. Развозить воду – было одной из его многочисленных халтур, он работал здесь два раза в неделю и брал по много адресов. Наша смена с ним длилась шесть–семь часов.

В первый же вечер, когда мы возвращались домой, он указал мне на женщину у обочины:

– О, зырь. Вылезла. Хочешь шлюху?

Саня дважды просигналил в знак приветствия, и мы проехали мимо.

Я растерялся и что-то забормотал. Мне хотелось поговорить об этом, расспросить его об этой сфере, я ничего не знал по теме. Даже никогда не думал, как отличить проститутку от обычной женщины.

– Ну ты чего? – сказал Саня. – Достаточно знать места. Шлюха сама к тебе подойдет. Они всегда стоят вечерами на Ленина. Но больше всего их на Сибирияков-Гвардейцев. Там шлюший квартал. Отсосет за полтинник.

– И как это? Прямо в машине?

– Ну да. Хочешь? Сделаем крюк? Я могу выйти, если стесняешься.

Он засмеялся:

– А могу остаться и поддержать товарища.

– Что-то мне не очень хочется, – сказал я неуверенно. – Не считаю, что должен платить за такое.

На самом деле я просто не успел обдумать. Мне хотелось попробовать, но не в машине и не при этом человеке. К тому же я немного брезговал. Слышал, что уличные проститутки, как правило, наркоманки.

– Правильно! – обрадовался Саня. – В твои годы платить за еблю – крест на себе ставить. Пять минут – и зарплаты за день нет.

Один раз я попросил друга Вову меня подменить. И, к моему удивлению, он подружился с Саней. Саня больше не звонил мне, а звонил Вове. На третью или четвертую смену Вова получил свой первый минет вместо карманных денег. Он заработал очки опыта, которые я не заработаю, возможно, никогда.

* * *

На рынке «Дружба» я купил одежду: серую толстовку с молнией до груди, классические темно-синие джинсы и коричневые шнурованные полуботинки. Все дешевое и недолговечное, но выглядело нормально. На сдачу купил полтора литра разливного пива. Долго ждал автобус номер двести пять на остановке «Пивзавод», за которой валялся бомж. Зато автобус приехал почти пустой.

Я давил и давил на звонок, но Тимофей не открыл дверь. Наверное, отсыпался. Если прошлую ночь он действительно не спал и сегодня лег утром, теперь может проспять целые сутки. А может быть, не захотел меня видеть. Наверняка догадался, что это я, и лежит сейчас в постели, вспоминает, как мама Леджика нас застала в оконной раме, мучается от стыда. Больше мы не будем заходить к ним в гости, жаль, что мы так перепили вчера. Я обошел дом и уселся возле заколоченного черного хода, с обратной стороны подъезда. Выпью пиво сам, тихонько посижу с видом на гаражи. Я вытащил новую одежду из пакета. Решил переодеться прямо здесь. Сначала передел верх, потом встал на траву, снял обувь и штаны. И когда я стоял на газоне в носках и трусах, продевая ногу в новую штанину, мое одиночество нарушили.

– Здорово, Жука, – сказал подросток по прозвищу Груша и протянул мне руку.

– Черт, откуда ты взялся?

Мне было неудобно сейчас, но я пожал ему руку. В нескольких шагах стояла его подружка, наверное, сидели здесь, сосались за домом и увидели меня.

– Что ты делаешь? – спросил он с любопытством. Вот же социальное существо, надо ему подойти, поговорить.

– Переодеваюсь, разве не видно?

Он серьезно кивнул, взял подружку за руку, пока я продолжил переодевание, ушел на другую сторону заднего двора. Там у них была постелена тряпка, на которую они сели и стали друг друга лапать. Этим, наверное, и занимались до того, как он заметил меня. Но ему понадобилось подойти и поздороваться, у него своя оптика. Даже у пятнадцатилетнего Груши была девушка, не знаю, насколько они продвинулись в своих отношениях, скорее всего, он с ней не только обнимался за домом. Груша, что же у него в голове? Я сел и злобно отхлебнул пива. Отсюда было плохо видно, но мне показалось, что он залез ей в трусы. Может быть, он специально подошел ко мне, чтобы утвердиться. Чтобы я заметил его с девочкой. Чтобы видел и знал, что он с ней делает в свои пятнадцать.

Симпатия Груша, в курсе ли его подружка, что всего года четыре назад он сосал за клей? Леджик был свидетелем. У меня в голове не укладывалось, как Груша теперь живет с этим багажом? Ходит в школу, делает серьезное лицо, смотрит на мир из своей скорлупы, а член навсегда прилип к объективу. Все ведь помнят об этом, но никто вроде его не трогает: пусть разбирается сам. Рефлексирует ли он на эту тему, каждый ли день вспоминает? Сосать за клей. Он же из обычной семьи вроде моей, и что он не мог выпросить у родителей денег, или даже украсть? Сколько вообще стоит тюбик «Момент», наверняка копейки? Или он не совсем нормальный, слегка опаздывал в развитии? Или вообще ему просто хотелось сосать, и дело было не в клее? Я бы никогда

не смог вообразить, что такие вещи происходят где-то рядом. Не в колониях для несовершеннолетних, но здесь, в этих пятиэтажках.

Сейчас он выглядел как нормальный парень, рано повзрослевший подросток. Серьезный, опрятный, вряд ли все еще нюхает клей. У него есть какой-то план на свое будущее, это чувствуется, наверное, мутит какие-то мелкие дела, может, даже уже подбарыживает дудкой. Я ни разу не видел, чтобы он пил спирт.

Вижу сейчас, как Груша лапает свою подружку, чуть ли не раздевает прямо на улице. А я вырядился в новую одежду: пью пиво из «сиськи», поглядываю завистливо на ребяташек, и у меня стоит.

Пиво хорошо легло на вчерашний самогон, и теперь я мог разглядывать себя в зеркало, не испытывая ничего, кроме тихой тупой радости. Я долго крутился перед зеркалом. До сих пор покупка шмоток для меня – причина щенячьего восторга. Все детство я донашивал чужую одежду: за родной сестрой, за сводным братом, даже за двоюродно-сводными братьями, детьми родственников по линии мачехи. Собственной одежды у меня почти никогда не было. Только обувь, как правило, ведь она рвется быстрее, чем растут ноги подростка. В пятом классе мне купили отличные зимние ботинки, которые я очень любил.

– Дорогие, – сказала мачеха. – Носи аккуратней, должно хватить на две зимы.

Мне врезались в память ее слова, и в феврале второго сезона, когда подошва начала отрываться, я испытал тревогу. Побоялся говорить, что порвал такую хорошую обувь. Решил, что это моя личная проблема. Я вбил довольно толстый и большой гвоздь в пятку изнутри, он прошиб подошву и торчал на два сантиметра. Я загнул конец и носил себе башмак, царапая лед под ногами, как шпорой.

Вышло не очень красиво, и в течение месяца меня не покидало смутное беспокойство – стоило просто сказать отцу, что у меня порвался ботинок, а не браться за ремонт самому. Отец заметил этот гвоздь однажды, когда я собирался в школу. Я взял ботинки с батареи и понес в коридор, где меня ждал одноклассник. В это время я столкнулся с отцом. Он с любопытством посмотрел на отремонтированный мной башмак и выхватил его из моих рук.

– Что ты сделал? – спросил он. – Я тебе по морде сейчас этим сапогом дам.

Я догадывался, что можно было сделать лучше, но такой реакции не мог предугадать. У меня уши покраснели, пожалуйста, только не при однокласснике. Он-то жил в коттедже и одевался хорошо. Я надолго обиделся на отца. Во-первых, потому что одноклассник разболтал всему классу – его почему-то рассмешило, что приколотил подошву гвоздем, а во-вторых, потому что отец еще тогда добавил:

– И как я понесу их в ремонт? На меня мастер посмотрит как на идиота, прежде чем вытащит этот гвоздь.

Мой отец, репортер с пятнадцатилетним стажем, любитель шутить про какашки и дразнить деда за отсутствие самоиронии, сочинитель пошлых стишат и рифмованных поздравлений, но интеллигент, ни разу в жизни не позволивший себе сматериться при детях; человек, который сам разводил и убивал кроликов, от которого сладковато пахло их дерьмом, который не мог себе позволить дать мне денег, чтобы я поел на большой перемене, – этот человек в середине своей сложной жизни, в феврале девяносто седьмого года настолько испугался, что какой-то там мастер по ремонту обуви посмотрит на него как на идиота, что даже сказал своему сыну: «Я дам тебе по морде сапогом».

Да любой отец-алкаш просто усмехнулся бы. В тот день был легкий мороз, и я шел в школу в кроссовках сестры,

стараясь не смотреть на одноклассника. А у того уже язык чесался поделиться со всеми этим маленьким анекдотом.

В итоге отец сам без труда вытащил злосчастный гвоздь и заклеил ботинок. Думаю, у него ушло на это не больше десяти минут. Ладно, с тех пор я давно переплюнул отца по количеству мелких и крупных зихеров. Взять хотя бы случаи; с украденной цепной пилой, даже им можно крыть любые отцовские промахи.

* * *

Леджик торчит из окна, жестом подзывая зайти к нему. Пока я поднимаюсь по лестнице, он уже вышел на площадку в тапках, ждет.

– Лялю, что ли, ищешь? – спрашивает он.

– Да я уже забыл о его существовании. Уснуть просто не могу.

– Пошли ко мне.

Я впервые захожу к Леджику домой. Тихо разубаюсь в коридоре. У него в квартире нет неприятного запаха, все прилично, скромно, уютно. Может быть, я немного разочарован. Думал, что такие авантюристы растут в беспорядке, в квартирах с проблемными санузлами, в запахе плесени, каждый день разгадывая маленькие коммунальные головоломки. Мы заходим в комнату Леджика. У него даже есть книги, и это не художественная литература. Я не изучил их внимательно, и они навсегда превратились в книги-болванки, без авторов и названий. Кровать, журнальный столик. Нет разбросанных грязных носков, висит чистый ковер на стене.

– Хочешь поесть?

Я не знаю, хочу ли, наверное, нужно поесть. Киваю, польщенный такой заботой. Здесь я могу есть спокойно, нет никакого повода брезговать и бояться, что посуда окажется

грязной. Леджик приносит жареную картошку и кабачки. Не очень люблю кабачки, но стоит мне съесть кусочек, как понимаю, что очень голоден. С утра ничего не ел.

Леджик расставляет шахматы.

– Придется сыграть со мной, Жука.

Пожимаю плечами:

– Если ты дашь мне фору.

Я передвигаю фигуры, совсем не думая. Нет во мне жажды победы, я наблюдатель, не завоеватель. Играю, просто чтобы скоротать время.

– Помнишь, как мы воровали сварочный аппарат? – спрашиваю я.

Леджик тихо смеется. Конечно, он помнит.

Как-то ночью я возвращался домой и встретил возбужденного Леджика. Быстрее пойдем со мной, сказал он. Там возле ЖЭКа открыт гараж, а в нем сварочный аппарат. У меня не было желания что-то красть, но и отказывать не хотелось. Зачем ему сварочный, спросил я. Как же, он нужен любому нормальному человеку. Продадим, заработаем. Мне не очень верилось, что его легко продать, но Леджику было виднее. Мы забрались в гараж и стали толкать в темноте эту махину весом в центнер, а то и больше. Одно колесико из четырех крутилось. Нам конец, подумал вяло я. Поставят на учет и привет: живи до первого происшествия. Сейчас вернется хозяин, и нам конец. Сложнее всего было перетащить аппарат через порог в дверце гаража. Потом уже проще, под горку и в заросший кустарником кювет. Спрятали в кустах, устали и все прокляли. «Бросим его здесь?» – спросил я. «Да хрен с ним. Кому я его продам», – сказал Леджик.

– Продал ты его, небось, – говорю я.

– Ну конечно. Подумай сам. С утра приходит хозяин, сварочного нет. Следы ведут в кусты. Он же не идиот, он забирает свой сварочный и запирает гараж.

Фигур у меня остается все меньше.

– Наверное, ты прав, – отвечаю я.

Но мне все кажется, Леджик хитрит. Хочу спросить его насчет электропилы. Зная, что Леджик тащит все, что подвернется под руку, я все же однажды позвал его в гости. Мне было четырнадцать, и я очень редко оставался один дома. Не хотел терять шанс устроить свою маленькую пирушку. Пришли еще два моих одноклассника (Леджик учился в параллельном, девятом «Б»), и приехали две девчонки из города.

– Ты сегодня станешь мужчиной, – сказала мне одна из них. Дразнила меня, издевалась.

– Я уже давно не мальчик, – ответил я на всякий случай.

Мы разливали спирт из стеклянной банки. Я проснулся на полу своей комнаты, никого не было, зато все пропахло куревом.

Отец и мачеха могли вернуться в любую минуту. Я в спешке проветривал кухню, мыл посуду и полы. За уборкой меня и застали. Но мое опьянение и беспорядок были не главной проблемой: из сеней пропала цепная электропила, которую отец взял у друга, чтобы обновить стайку, где держал кроликов. Я не закрывал дверь, ее мог кто-то украсть, пока мы пили. А мог и унести Леджик или мои одноклассники. Может, они провожали девчонок, а Леджик в это время стащил пилу. Но наш дом был крайним на улице в ряду частных домов, дальше – милицейское общежитие. Разве стал бы Леджик среди бела дня вытаскивать пилу под окнами этой общаги? Куда пропала пила?

Отец не повысил на меня голоса и не замахнулся. Но мне казалось, что внутри у него что-то перевернулось, появилось горькое сожаление по поводу меня, чувство, что в его сыне есть изъян, от которого просто не избавиться.

– Как насчет электропилы? Это ведь не ты украл ее? – говорю я Леджику.

Леджик смотрит мне в глаза, не мигая. Я вспоминаю, как мы обнимались под песни Михаила Круга, сюжеты которых

одновременно смешили нас и трогали за душу. Леджик говорил: «Жука, теперь ты мой братуха! Родной мой дурак».

– Ладно, давай доиграем, – обрываю я себя. Мне не нужен ответ. Разве меня интересует пила? Разве ее он украл? Он украл у меня гораздо больше. Мою мечту отомстить этому миру, отказаться от него, перебороть страх и спокойно его разрушить. Это я, еще ребенком и подростком, десяти-, двенадцати- и четырнадцатилетним, прятался в кустах малины, рыдая и мечтая о самоубийстве. Всю жизнь растил его внутри, на спор прыгал с балкона на дерево, ходил по краю крыши, переплывал реку, почти не умея плавать, мешал спирт с пивом, подставлял под удар лицо, не умея бить в чужое. Для меня самоубийство было спутником, товарищем, которого я кормил пустыми обещаниями и постоянно предавал.

– Как ты это сделал? – спрашиваю я.

Я встал с дивана.

Уснул прямо в одежде после того, как вертелся перед зеркалом.

Из-за того, что спал в новой обуви, ноги затекли. Я разулся и залез на подоконник, просто посидеть. Только одно окно горело в целом общежитии напротив нашего дома. Холодок щекотал сердце с легкими. Я испытывал тревогу и ревность. Нужно было поделиться этой историей, набросать какой-то план, зацепки и якоря, и рассказать ее.

Но пройдет еще много лет, а она так и не отойдет на задний план, центром мира в моих снах все еще будет оставаться улица Парковая, наш дом, вечно грязная дорога от частного сектора до «змеек», красное ментовское общежитие, школа и стадион, заброшенные коровники, картофельное поле, на котором мы терли коноплю. Если идти через рощу, можно попасть еще дальше в прошлое, в другой город, в совсем маленький Березовский к воспоминаниям

о дне, когда Валера застрелил маму. Но весь новый опыт будет лишь по чуть-чуть расширять географию сновидений, вместо берега Томи можно будет выйти на морской пляж, слишком бутафорский и непроработанный, а постоянно меняющиеся местожительства вообще выпадут из этого мира. Большинство людей, с которыми я встречусь в квартирах, университетах, на стройках, складах, в супермаркетах, офисах, редакциях, клубах, поездах, самолетах, останутся просто статистами. Во мне больше не найдется любви, достаточной, чтобы хорошенько взглядеться в кого-то из них.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Одним из немногих стихотворений вне учебной программы, которое я знал в свои четырнадцать, было «О разнице вкусов». Отец его очень любил, часто читал целиком или цитировал фрагменты, вот я и запомнил. А когда увидел фото автора в передаче «Серебряный шар», сразу сказал:

– Это же Кузьма, мой одноклассник!

Я даже пытался закрепить за Колей Кузьминым новое прозвище – «Маяковский», – но для всех он остался Кузьмой.

Он был старше всех в классе и оправдывал свою «старость» тем, что заболел не вовремя и пошел в школу на год позже, а уже в январе, в первом классе, ему исполнилось девять. Но мы, конечно, дразнили его второгодником. Впрочем, Кузьму мало беспокоили такие подколы, единственным, что он почему-то явно не любил и за что мог дать по морде, было обращение «Кузя». Можно было сказать «Кузьмич», это он прощал, но «Кузя» его подбешивало. К нам Кузьма попал в восьмом классе, и за два учебных года мы с ним стали приятелями, но не друзьями. Меня Кузьма был старше ровно на полтора года, день в день. 20 января 1984 – 20 июля 1985. Это очень серьезная разница, когда ты подросток, для меня он был авторитетом, я невольно подражал ему, часто брал его фразы на вооружение. За ленивой афористичностью Кузьмы и безразличием к учебному процессу, скоростью реакции, умением подобрать нужное слово в любой ситуации, стоял неведомый порочный опыт, к которому я тянулся.

Если бы вы попытались стрельнуть сигарету у Кузьмы на улице, когда сигарет у него не было, он бы невзначай бросил через плечо, не замедляя шага:

– Один папирос и тот прирос.

А вы бы стояли, как вкопанный, пытаясь понять, действительно ли прозвучал такой каламбур или вам послышалось? Надо ли отстаивать свою честь или лучше не связываться с этим коренастым пареньком? Тяжелые кулаки на длинных руках, пытливый и умный взгляд, усмешка человека, который прохавал жизнь, боевой шрам на носу. На самом деле, никакой не боевой – старший брат Кузьмы размахивал бабочкой и случайно чиркнул по носу, – но результат выглядел очень красиво, внушительно. Часто я провоцировал Кузьму, и он без злобы меня поколачивал. Особенно ранней осенью и поздней весной, в сухие теплые дни было хорошо после уроков подраться в парке. Лишь пару раз мне удавалось пробить его оборону, увернуться от рук-молотов, пробраться к туловищу и свалить на землю.

Но максимум, чего я добивался, комментарий вроде такого:

– Лучше заканчивай. Долго держать не сможешь.

Обычно мы вставали, отряхивались, хватали свои школьные принадлежности и дальше спокойно шли домой. Он быстро перевоплощался из воина в поэта. Только что сосредоточенный и твердый как скала, Кузьма уже расслабленно продолжает некогда оборванный рассказ о поездках на дачу с дядей и старшим братом:

– Я вышел покурить, поссал у ограды, вхожу обратно. Встаю в коридоре, как вкопанный: мой дядя прямо на лестнице бьет своей бабушкой телке по лбу.

– Зачем по лбу? – удивляюсь я.

В моем воображении возникали люди, буднично занимающиеся разворотом и живущие в нем, непостижимые, как речные насекомые.

– Ну ради прикола. Расчехлился и для разминки стучит ей членом по башке. Я говорю: «Мозги ей не вышиби, дядя!»

«Членом по башке для разминки», – мотал я на ус. В сексе важно быть изобретательным, думал. Всегда я был очень

доверчивым, и, скорее всего, Кузьма специально сбивал с толку, понимая, что для меня эти истории – инструкции к действию, что я готовлю арсенал, и ему хотелось, снарядить меня в путь к большому сексу самой сомнительной и нелепой инструкцией.

– А ты? Когда уже расчехлишься? – спрашивал я, тут же, как попугай, повторяя новомодное слово.

– Пока не удалось, – отвечал он с искренней досадой. – Была неудачная попытка с одной целочкой. Только ткнул, а она закричала: «Мне больно, я не буду!»

– А сколько ей было лет?

– Шестнадцать. Думал, уже верняк, но попалась нетронутая.

Такая откровенность после драки заставляла меня не только восхищаться его историями, но и сопереживать герою-рассказчику. Несмотря на всю крутизну, Кузьма еще не получил главный приз. Это успокаивало, заставляло тщеславно надеяться, что я смогу превзойти своего учителя жизни на любовном поприще.

Вот бы успеть этим летом. Если я сделаю это до своего пятнадцатилетия, никогда уже мне не сидеть с кислой рожей на втором плане жизни, – вот так я думал. Но возвращаясь к Кузьме, я должен сделать важное признание: он стал для меня одним из самых влиятельных людей в жизни, я видел в нем сильного старшего брата. Я подражал ему, его стилю, а расплачивался своей помощью в учебе и искренней любовью к его рассказам.

* * *

Мероприятие в ДК мне быстро надоело. Директриса говорила что-то в микрофон, называла имена выпускников. В основном говорила для одиннадцатого класса, нас, девятиклассников, только вскользь поздравила и сказала:

– Надеюсь, большинство останется учиться дальше. Мы вас ждем.

Меня правда ждали, и директриса, и учителя, даже в шутку грозились не давать аттестат, чтобы остался в школе. Сам я пока не знал, что делать, вроде бы и хотелось уже распрощаться с ними, но у нас в семье было принято получать высшее образование. Десятилетка в школе, ВУЗ, честный труд, пока не сляжешь в гроб, и никаких лишних мыслей. Даже моя родная сестра-бунтарка уже заканчивала институт культуры, сводный же брат учился в КемГУ на матфаке, а сводная сестра поступила в институт пищевой промышленности.

Предполагалось, что я буду изучать литературу (последнее время я втянулся в школьную программу) или математику. Или, может быть, информатику. Мне хотелось бы заниматься информатикой, я был королем в QBasic среди средних классов, даже пытался изучать «Паскаль», до тех пор, пока сводный брат не переехал к своему отцу вместе с персональным компьютером. К сожалению, учителя ИВТ приходили к нам ненадолго, чтобы получить отсрочку от армии, и преподавали спустя рукава. В итоге каждый раз я писал одни и те же простые программы, чуть-чуть улучшая их, заранее получал свою пятерку, и играл на уроках, забывая навыки.

Все уходило на второй план, пока я думал о голых женщинах и плыл по течению. Решения откладывались на потом.

Директрисе и учителям было больше нечего сказать, на сцену вышли ребята из пятых-шестых классов, учительница музыки села за фортепиано, и началась самая ненужная часть мероприятия.

«Когда уйдем со школьного двора», – завыли ребятишки, мне стало стыдно, и я решил покинуть помещение.

На крыльце стоял Кузьма с сигаретой. Он сегодня надел брюки, светлую рубашку с коротким рукавом и галстук.

Зачем он так вырядился, было непонятно, никогда прежде не видел его при таком параде.

– Вот это красавец! – сказал я. – Дай-ка затянуться. Я взял у него сигарету и втянул несколько раз.

– Осторожней, детям столько нельзя, – сказал Кузьма.

– Сегодня буду пить, – пояснил я, – настраиваюсь на саморазрушение.

Голова сразу закружилась.

– Пошли домой, что там делать? – предложил он.

– Может, буханем сразу? Есть деньги?

– Надо переодеться, – ответил Кузьма, – а потом можно и бухануть.

– Прости, – осторожно заметил я и подмигнул, – но ты похож на фраера.

Он быстро хлопнул меня ладошкой по подбородку и поправил:

– На сутенера.

День был жаркий, мы вяло прошли мимо школы, и вышли на стадион. Я спросил у Кузьмы, не хочет ли он пойти в десятый? Он только отмахнулся.

– Зачем? Ты у нас умник, ты и иди.

– Пошли, – говорю я, – потом вместе в универ поступим.

Он закинул бровь так, что она ударилась о его «ежик»:

– Рехнулся что ли?

– Но тогда ты должен мне один бой, – я даже схватил его за плечо. – Мне надо отыграться. Давай прямо сейчас? Рукопашная без борьбы.

Он скинул мою руку, огляделся по сторонам в недоумении. На стадионе никого не было, солнце пекло уже совсем по-летнему.

– Успеешь еще получить по башке.

– Да ладно, – у меня родилась необоснованная надежда на победу. – Я тебе прощу твой сраный долг, только давай

немного побоксируем. Мне кажется, на этот раз тебе хана. Я созрел. Только галстук свойними.

Ему было лень. Но я знал, что он не сможет устоять, если подобрать нужные слова:

– Ты должен мне сотку, Кузя. Мелкий жулик.

– Ладно, – он бросил свой пакет на молодую травку. – Мне даже галстук не придется снимать. Дрался бы лучше дальше с Кучей, мазохист.

Почему-то я разволновался, как на собственные именины, вот уж сомнительный подарок быть поколоченным. Я прыгал кругами – возбужденная макака. У меня тоже были длинные руки, но я не умел правильно бить. Боролся хорошо, а бить не получалось, если я сильно ударял человека, самому становилось больно. Нужно было избавиться от этого. Я был настырным купальщиком, не умеющим плавать. Кузьма выставил одну ногу вперед, нашел опору, стоял, грозный и бронзовый, толком даже не подняв рук, но это не значило, что он был безопасен. Я подскочил, кинул обманку рядом с его ухом, резко ткнул в бок, срезал лишнее пространство и по инерции чуть не швырнул Кузьму через бедро, но он неожиданно сильно оттолкнул меня, отскочил, успев щелкнуть по челюсти, и сказал, будто одернул заигравшегося пса:

– Без борьбы.

– Извини, забыл.

Я нанес несколько ударов по его корпусу, вроде бы удачно, а потом Кузьма поймал мою руку, потряхнул меня всего, как куклу, крепко втащил в солнышко и бросил на траву. Я даже пернуть не успел, а он уже запрыгнул ногами мне на спину.

Похоже, он просто лично мне впервые продемонстрировал на что способен.

– Успокоился?

– Нет, – промычал я.

Тогда он уселся на спину, крепко взял меня за шею и сказал:

– А уебать и переспросить?

Я пытался повернуть лицо, чтобы ответить как-нибудь остроумно, но успел только почувствовать дыхание табачного дыма и увидеть фрагмент его верблюжьего лица да кусок галстука, и тут Кузьма ткнул меня рожей в траву, а сам слез. Он верблюд, я – лошадь-ублюдок, – подумал я за чем-то, – и нам не понять друг друга.

Только поднявшись я почувствовал боль в груди и подбородке.

Когда мы подошли к моей калитке, он вдруг достал деньги из кармана брюк и сказал:

– Могу отдать тридцатку. Остальное ты уже получил пиздюлями.

– Очень щедро, – ответил я.

Он отсчитал три десятки. Так мы и расстались. Я немного постоял, глядя, как Кузьма идет по улице к пятиэтажкам. Почему-то сердце билось, обидно было, что я не смог забрать у него сто рублей, или черт знает еще почему было обидно. Выклянул тридцатку, что я за дешевка! Невыносимо захотелось отмотать драку назад, провести ее иначе, попробовать переиграть. И если этот путь ведет в тупик, то вообще отменить ее, отказаться от такой стратегии. Но на все у меня была одна попытка, я напросился на махач и погорел. Попутал чего-то, прибор для измерения реальности выдал неверные показатели. Казалось, что я смогу справиться, даже проучить Кузьму, этого беззаботного афериста, но куда уж мне.

Месяца два назад Кузьма потерял мой льготный проездной, и сотня, которую я назначил, – очень скромная сумма за такой зихер. По проезднему даже в пригород, где мы жили, лишний рубль не надо было доплачивать, а из-за Кузьмы мне пришлось выслушать ругань отца, а отцу ехать

в Собес и выпрашивать для меня дубликат, который выдали далеко не сразу. С Кузьмой мы были немного похожи, можно было решить по черно-белой фотографии, что я – это он год или два назад. Вот я ему и давал проездной, без всякого недоверия, а он возьми да и скажи, что потерял. А еще добавил:

– Если придут мусора, ты мне его не давал. У меня чуть глаза не выпали.

– Ты где его потерял, дурень?! – заорал я.

– Нигде. Просто запомни, что ты мне его не давал.

– Опять тачки вскрывали?

– Никогда я не вскрывал тачек. Только если негде передрнуть, – сказал он и пошевелил кулаком в области шинки.

Однажды Кузьма рассказывал, что они с братом вскрыли пару тачек. Мне представлялось, как они утаскивают магнитолу, провернув очередную делюгу, а проездной с моими ФИО остается лежать прямо на водительском сидении. Так что тридцать и пара ударов не тянули на компенсацию.

* * *

До дома Кузьма в этот день не добрался. Мы разошлись, и уже через несколько минут его окликнули возле подъезда одной из «змеек». Два выпускника девятого «Б» уже полезли в бутылку: Леджик и Козырь, а с ними затесался еще один типчик – Кипеш. Козырь был нашим местным сумасшедшим, пару раз остававшимся в свое время на второй год. Молчаливый, жилистый, смуглый, замкнутый, неадекватный, добрый, агрессивный, безотказный, – все сразу. Козырь мог позволить себя эксплуатировать или усыпить, мог быть блаженным или бешеным. Но без провокации он не представлял ни для кого угрозы. Что касается Кипеша – вот от этого чувака я старался держаться подальше.

В свои тринадцать он смачно ругался матом, смолил как паровоз, мог перепить кого угодно и уже сформулировал для себя жизненную философию, которой по зиме поделился со мной.

– Жука, я не хочу прожить сто лет по совести, не хочу делать добро, не хочу становиться ученым, – сказал он мне, неприятно царапая нутро своим высоким тембром, пока я пытался унять головокружение от плохо разбавленного спирта, сидя на ступеньках подъезда. – Я лучше проживу тридцать пять лет в свое удовольствие. Я в рот ебал.

Мне тогда стало жутко от этого темного гедонизма по Кипешу. Вроде бы обычная гоповская ахинея, но эти слова произносил человек младше меня и таким уверенным тоном. Я через силу посмотрел в страшные глаза, потом перевел взгляд на посеревший будто от яда, поглощаемого через рот, резец Кипеша. Эта темная дырка рта загипнотизировала меня. Рябое лицо Кипеша исказила самодовольная улыбка, он затянулся крепкой сигаретой «Магна», от вкуса которой я бы блеванул. Действительно, Кипеш в тот момент жил в свое удовольствие и никак иначе.

Я отчетливо представляю этот еще детский, не сломавшийся, голос, звонко произносящий:

– Кузьма, иди к нам!

Кузьма оборачивается на голос Кипеша. Тот ставит щелбан себе в челюсть, жестом говоря: «давай бухать».

– Конечно, я за любой кипеш, – отвечает Кузьма.

Этот каламбур представляется мне кличем, на который придет беда. У меня такое чувство, будто я сам видел Кузьму в момент, когда он произносит эту фразу. Но я не мог этого видеть, конечно, я уже был дома. Кормил коз, дрочил, мылся, собирался пойти гулять. Это Леджик потом пересказал то, что знал о встрече Кузьмы с Кипешем и Козырем. Сам Леджик пробыл с ними недолго, только чуть выпил и

пошел по своим делам, на собственное счастье отделившись от истории, через день попавшей в заголовки газет.

* * *

Мне позвонил Демон (он же Дельфин или Дельфик) и позвал отмечать последний звонок на бульваре. Я сказал, что идти так далеко не очень хочется. В действительности я просто побаивался появляться на бульваре в теплое время года. С тем же успехом можно было отправиться в джунгли без какого-либо оружия.

– Пошли, будет Юлина подружка. Ты ей понравишься. Это меня заинтересовало.

– А сколько ей лет? – спросил я.

– Почти шестнадцать. Не думаю, что она еще целка, – ответил Демон и заржал.

Он был ушлый тип в этом плане: рано начал и поменял уже несколько девчонок. Я на всякий случай прикрыл динамик трубки, чтобы похотливые интонации Демона не смогли проникнуть в дом.

– Ладно, зайду за тобой через полчаса.

– Давай быстрее. Я буду ждать во дворе. Твоя телка уже ждет тебя.

С Демоном мы подружились год назад. Сначала мы дрались, но не потому что не поделили что-либо, а по долгу. Класс на класс: восьмой «А» против восьмого «Б». Планировалось это как целое ледовое побоище, но в результате многие отпали, кто-то зассал, кто-то не захотел. Им, по сути, некого было выставить. Был Миша, настоящий силач, и был Козырь – с которым просто никто не согласился драться. Все остальные – проходные бойцы. Сперва мне предлагали идти на Козыря, но я сказал, что с психами не дерусь. Многие припомнили мне третий класс. Как-то раз я бил

кулаками по парте и громко орал, на потеху одноклассников, незаслуженно получив двойку. Так что говорили они, давай, будет отличное зрелище, если поставить двух психов. Но я настаивал, что стал нормальным. В действительности я вел себя почти адекватно уже несколько лет, не считая пары резких выпадов: против школьного психолога, проклятого гомосека, одно время достававшего меня расспросами насчет моего детства, и одной тупой учительницы. В результате эти выпады помогли мне подняться на ступеньку, ведь даже здоровяк Миша подошел пожать мне руку: мол, я видел, как ты ругаешься с ней, а потом хрюкаешь в рожу ручичке, вот это номер ты выкинул!

Ладно, я не рискнул выйти против Козыря, и он отпал. По большому счету, все это затевалось, чтобы посмотреть, кто победит: Кузьма или Миша. Остальные два боя были простой мишурой, разминкой перед зрелищем, гвоздем программы. Я даже нарисовал в тот день на классной доске двухмерных бойцов и подписал: «Kuzma vs Misha».

Битва состоялась на полянке в парке, кто-то стоял на шухере, палил тропинку, если вдруг мимо пойдут взрослые.

Сначала с нашей стороны вышел Куча. Его противник был моей комплекции, и я тайно болел за него. Давай, мысленно говорил я пареньку из параллели, не бойся Кучу, он просто шумный здоровяк, пытающийся выглядеть лидером, внутри он очень пугливый, ему гораздо проще дается учеба, чем драка.

В учебе Куча был универсален, как и я. При желании мог добиться хороших оценок, хоть по русскому языку, хоть по химии. А на улице его легко можно было сломать.

Я знал, что если дать Куче резкий отпор и завалить, он будет беспомощным, большой жук, перевернутый на спину. Что он может заплакать от бессилия, что он боится удушья и получить в промежность, и боится настолько сильно, что

готов сдаться при первой угрозе. До появления Кузьмы, мы часто дрались с Кучей, еще с третьего класса, ради тренировки и вследствие ссоры, и я знал его, как облупленного: он быстро выдыхается. Уворачиваешься, заставляешь его немного попотеть, и он теряет бдительность, делаешь подсечку, зажимаешь шею – дело в шляпе. Даже сдавливать особо не надо: Куча сам закричит: «Задыхаюсь!»

Но противник Кучи этого, конечно, не знал, он хотел лишь продержаться пару минут, нанести несколько ударов, заработать очков и выкинуть белый флаг.

Потом вышел я против Демона. Он был даже хуже меня, но не выглядел испуганным. Я понятия не имел, умеет ли он драться. Вообще его практически не знал, парень и парень. Когда мы стояли лицом к лицу, за секунду до начала, я спросил на всякий случай:

– Ты Мамонту можешь вломить?

Это внезапно пришло мне в голову, просто хотел уточнить, чтобы соразмерить силы. Я смотрел реслинг, и отчасти сегодняшнее событие расценивал как шоу, думая, что оппоненты (мы) могут посоветоваться перед боем. Так что, если Демон не мог справиться даже со своим одноклассником Мамонтом, которого я побеждал одним щелчком, мне бы стоило драться аккуратно.

– Я и тебе вломлю, – ответил Демон.

Тут же подпрыгнул, попытался пропнуть мне, но я поймал ногу и ударил по тормозам.

– Сука, – сказал он, и я почувствовал, что его ляжку пронзило током. – Ща получишь!

Он все время матерился, бормотал ругательства. Из-за его болтовни я не понимал, драка это или перепалка. Я привык драться в тишине, если мы с Кучей, Вовой, Кузьмой, со всеми, с кем мне доводилось драться, начинали болтать, значит надо было делать перерыв или прекращать.

Немного потоптались на расстоянии вытянутой руки,

обмениваясь несильными ударами в корпус. Я прикрывал лицо – у меня тогда стояли брекеты на зубах, о которых я часто забывал. Вообще не стоило бы драться, пока их не снимут. Наконец Демон решил пойти в атаку, и это было его роковой ошибкой. Не знаю, какая техника ему бы помогла сейчас, наверное, только держа меня на расстоянии и целясь строго в болевые точки, он бы смог победить.

– На! – Демон кинулся ко мне, видимо, желая повалить на землю, но я чуть уклонился, и он упал сам. Я не растерялся, повалился сверху, и пока Демон извивался, пытался зажать его в капкан. Все уже было понятно – ему не встать. Если уж Куче редко удавалось выбраться из моей хватки, то Демон, наверное, даже за гантелю в своей жизни не держался. Скоро его голова была надежно зажата у меня под мышкой. Демон мог видеть только землю перед собой, а затылком чувствовать мое плечо.

– Сдавайся, – тихо и без злобы сказал я. Дал добрый совет. Но Демон еще минут десять не хотел сдаваться. Он дергал руками, что было очень сложно из этого положения, все не унимался.

– Гондон, рваный гондон, – хрипел он.

Даже раз изловчился и больно попал мне в ухо, тогда я сильнее сдавил тиски и вжал его в землю.

– Деритесь, а не трахайтесь! – сказал кто-то.

Вдруг Демон перестал агрессивно дрыгаться. Я отпустил его и поднялся: все было кончено. Он плакал. Зачем было доводить себя до слез? Демон весь красный, ни на кого не глядя, ушел с поляны в чащу. Он пнул дерево, постоял, закурил, зло повертелся на месте. Сел на корточки, затягивался, продолжая всхлипывать. Там и остался, из своего укромного места следил за боем Кузьмы и Миши.

Это было зрелищно. Кузьма пытался вымотать Мишу, ловко уворачивался от здоровенных рук и ног. Отскакивал, нападал, получал в рожу и бил сам. Миша был очень силен,

к тому же умел драться. Кузьма не мог его загнать, не мог справиться с такой машиной, он ведь с голыми руками вышел на ринг против танка.

– Давай, давай, зарой его, – бормотал я.

Я даже двигался вместе с Кузьмой, быстро позабыв обо всем: и о поверженном Демоне, и о голых женщинах. Наконец Кузьма получил в висок. Рука Миши угрожающе описала дугу и превратила Кузьму в бесполезного зомби. Я сам почувствовал этот удар, у меня тоже ноги подкосились. Кузьма упал на четвереньки, красный Миша пинал его и бил по туловищу. Это было страшно, настоящее зверство, и мы с Кучей подбежали оттащить Кузьму, пока кто-то оттаскивал Мишу.

– Пусть сдается! – орал он.

Куча помог подняться Кузьме, я быстро говорил:

– Ты почти уделал его, пожалуйста, закончи.

– Не могу, – сказал Кузьма. – Все поехало. Моя башка.

Он отодвинул нас с Кучей в стороны, харкнул кровью на землю, поднял руки и сказал:

– Все, я сдаюсь!

– Да нет же! – вскрикнул я и ударил себя кулаком в ладонь.

Напряжение спало, все начали обсуждать победу Миши. Я не стал задерживаться, быстро пошел домой. Мой дом был совсем близко. Я выпил воды, умылся, и сел у окна в своей комнате. Я даже не знал, что меня больше расстроило: моя маленькая бессмысленная победа или большое поражение Кузьмы.

Мне было видно и слышно, как они шли в сторону пятиэтажек: сначала Кузьма с Кучей, потом Миша со своими одноклассниками.

Прошел и Демон, все еще всхлипывая.

На следующий день я подошел к нему в школе и протянул руку. Он недоверчиво поздоровался.

– Давай без обид, – сказал я.

Бороться для меня легче, чем бить человека кулаками, объяснил ему. Не мог же я ждать, пока он разобьет мне рожу? Скоро мы стали общаться на почве рэпа, обменивались кассетами. Демон внешне был немного похож на музыканта Дельфина, я стал так называть его иногда. Демон – было грубовато, Дельфин – лестно для того, кто знает наизусть тексты этого исполнителя.

Кузьма с Мишей тоже подружился, вообще после этой драки отношения между двумя параллельными классами стали теплее.

***

На бульваре установили сцену, на которой выступали лжеартисты. Сначала какие-то клоуны изображали группу «Отпетые мошенники». Толпа подпевала и двигалась. У нас была сиська пива «Балтика крепкое». Демон держал за руку свою Юлю, она молча и послушно таскалась за ним. Симпатичная, хорошая, я не понимал, что они в нем находят? Ее подруга, имени которой я даже не запомнил, «моя телка», хоть и ходила рядом со мной, держалась независимо. Было видно, что пока ей дела нет до моей персоны. Выглядела она неплохо, зрелая и губастая, только нос длинноват. Всем своим видом показывала: я сама по себе. Мы продвинулись ближе к сцене, я старался выпить побольше, чтобы унять волнение: вокруг было много шумных гопников, а чтобы завоевать подружку, надо было о них напрочь забыть, расслабиться.

– Хватай ее, – громко сказал Демон мне в ухо.

Я неуверенно кивнул. Демон дрыгал башкой в такт музыке, покуривая, прямо здесь, в толпе, а наши спутницы принялись неуклюже танцевать. Это было непросто – со всех сторон мелькали локти, морды, бутылки, зажженные

сигареты. Молодежь отдыхала. Пиво быстро уходило. Не зная, как себя вести, пока не накрыло, я стал смотреть на сцену. Освободилось местечко, и я подошел вплотную к деревянному настилу, по которому топтались люди, изображающие пение.

После «Отпетых мошенников» заиграла песня «Гостей из будущего», и на сцену вышла накрашенная девушка. Лже-Ева открывала рот, танцевала, держа в руках пластмассовую розу. Я внимательно наблюдал за ней. Не сказал бы, что эта девушка мне понравилась, но я переживал за нее. Вот она, здесь, одна на сцене, как в клетке, а вся эта шевелящаяся вокруг масса – монстры. Путь к бегству для нее был отрезан.

плачь плачь
танцуй танцуй
беги от меня
я твои слезы

К тому же мне нравилась песня, во мне открывалось второе дно, настоящая чувственность. Хоть Джи-Вилкс, рэп-тексты которого я заучивал наизусть, всегда ругал попсу, все же Ева Польна завоевала место в моем сердце. Я тайно любил ее песни. Стихи Евы рвали душу, но и местами были умны. В них был и ребус, она дразнила гопоту, отплясывающую под ее же музыку, – провоцировала, то прикидывалась лесбиянкой, то намекала на анальный секс.

Крепкое пиво действовало, делало сентиментальным. Какой-то гопник вдруг выставил пятерню для рукопожатия, представился:

- Сашок!
- Я пожал его руку.
- У тебя последний звонок?
- Я кивнул.
- Девятый?

Я еще раз кивнул. С одной стороны было бы приятней, если бы меня приняли за одиннадцатиклассника, с другой стороны – если он искал жертву, то мне было на руку то, что я малолетка. Нет резона штормить школоту, этим даже не похвастаешься потом.

– Нравится? – спросил он то ли про песню, то ли про всю эту дискотеку.

Я на всякий случай пожал плечами, что он смог бы трактовать, как ему угодно.

– Веселись! – приказал Сашок, еще раз пожал мою руку и отвернулся к своим друзьям, а я продолжил наблюдать за лже-Евой. Лет семнадцать-восемнадцать, немного полная (под стать настоящей Еве), под глазами ей подрисовали голубые тени. Она заметила, что я изучаю ее, и зацепилась за мой взгляд. Определилась с точкой, так ей было легче. Я хорошо понимал лже-Еву. Неуютно здесь выступать, на этом бульваре, кривляться в этом прогулочном аду, зажатом между двух автодорог с односторонним движением, по которым сейчас едут в свои крепости люди, задраивая окна машин и тревожно кутаясь в капсулы своих хрупких тел, а подростковые животные вопли все равно пробиваются под кожу.

Я старался смотреть с доброй улыбкой, как бы говоря: «Все нормально, Ева, я с тобой, не бойся, скоро это закончится».

Теперь она «пела» для меня, и мне стало все равно, что она не красавица. Под конец своего номера лже-Ева подошла к краю сцены и протянула мне розу. Я смутился, и сделал, было, полшага назад, но она не опустила рук, ненатуральные лепестки тянулись ко мне всей силой своего алого в сером шахтерском городе, так иногда разукрашивают одну деталь в черно-белом фильме. Фонограмма смолкла. Тогда я взял цветок и, пронзенный нелепой радостью, вместо «спасибо» издал что-то нечленораздельное:

– Й-е-э-а! – этим тупым мычанием перечеркивая весь наш немой и чувственный разговор с лже-Евой, приоткрывая вид на своего внутреннего смердячего пса.

Мой новый знакомый, Сашок, увидев, что я «веселюсь» вовсю, как он и велел, хлопнул меня по плечу и сказал:

– Нормальный подгон!

Лже-Ева робко махнула на прощание и ушла за кулисы. Я хотел обойти сцену, протиснуться как-то к крытой палатке-гримерке, но там стоял охранник. Мне ничего другого не оставалось: я вернулся к Демону с дамами и отдал розу «моей телке».

Предай журавля, схвати синицу; видимо, синица только этого и ждала, для нее это было сигналом. По ходу, ей никогда не дарили даже бутфорских цветов. Она сразу обняла меня, и мы принялись целоваться под «Руки вверх». В песнях Сергея Жукова были заложены коды, мне сразу мерещился запах вагины, хоть я и понятия не имел, каков он. Презирая творчество этого человека, я нехотя признавал его влияние, страшную силу. И даже спустя годы я слышу этот аромат не менее отчетливо. Сейчас, когда мне почти тридцать, и первые признаки старения неприятно, но еще не очень настойчиво, пошаркивают за дверью, я лишь кончиком нерва чувствую этот зуд, необходимость припасть, брызгая гнилой слюной, к свежим и невинным дырочкам, чтобы выпить через них вино юности. Сергей Жуков, должно быть, родился старым, его похоть никогда не была молодой и светлой.

Но в тот вечер я об этом не думал, передо мной было открытое влажное лицо, и гнусный голос из динамиков подталкивал к прыжку в этот бассейн.

но в свои лет шестнадцать
много узнала она
в крепких мужских объятьях
столько ночей провела

Мир, о котором я пытаюсь рассказать, до сих пор интересен мне, сейчас даже интересней, чем когда бы то ни было, и моя повесть – попытка протянуть ему (этому утраченному раю и себе тогдашнему) руку, пройти снова этот путь с новым опытом, опытом любви, осознанной на расстоянии. Повторить все еще раз, имея на руках шпартгалки.

На проигрыше я перевел дыхание. Краем глаза увидел, что Демон показывает мне большой палец.

– Спасибо тебе, Дельфик! – крикнул я, и скоро мой рот опять был занят губами телки.

Весь вечер я шараялся с ней по разным дворам. Целовалась она очень охотно, и давала себя трогать. Мне было позволено лезть руками под блузку, гладить внутреннюю сторону бедер, прикасаться к месту схождения ног. Мы сосались и сосались, губы работали мягко и смачно, а длинный нос установили как необходимое для большего куража препятствие. Он мешал вертеть головой, слегка отталкивая при каждом повороте, но губы тут же сочно втягивали мое лицо обратно. На скамейках и на качелях, возле песочниц и милицейских будок, целовались, пока голова не закружится, курили и делали маленькие перебежки. Моя телка сосала мне мочки ушей. Я неуверенно тянул ее в подъезд или кусты, но она отвечала:

– Не пойду.

Тогда я делал еще круг, прогулка, поцелуи, поглаживания, одна сигарета на двоих, поцелуи, очередная попытка.

– Давай зайдем в подъезд.

– Какой еще подъезд? – отвечала она.

Давай, думал я, пожалуйста, согласись. Мне сейчас это очень нужно.

Я возвращался один совсем поздно. Прошел по пустому бульвару, пересек улицу Марковцева, и дальше вдоль поля. Мимо тепличного совхоза. Еще пару лет назад я был ребенком, ходил по ограждению из панельных плит, изучал местность.

Можно было долго идти по краю ограды, с одной стороны теплицы и технические постройки совхоза, с другой стороны заросшие поля, а потом открывался вид на зону: охранники лениво приглядывали за зеками: те пилили и шкурили бревна, чинили бараки, замешивали раствор. Один раз я смотрел, как зеки, по пояс голые, играют в футбол.

Вошел в поселок. На улицах почти никого не было, а во мне не было страха. Тишину иногда нарушал какой-нибудь пьяный возглас, но тут же исчезал, не задевая и не нарушая покой. Почти получилось, я был близко как никогда, и в следующий раз получится. Мои губы еще так не опухали от поцелуев. Я еле волочил свои рот и ноги, пах еще не остыл, шляпа еще не понимала, что ее облапошили, все еще ждала прикосновений к мякоти. Мне не терпелось подрочить, я уже представлял, как разряжусь и лицемерно буду ругать себя: нормальные пацаны делают это с телками, а не в одиночестве. Я еще не научился прощать себе эту привычку, но уже почти понимал, что дрочить – нормально. Догадывался, что все врут. Однако я дал себе зарок хотя бы не изгаляться: делать это только рукой, как нормальный человек, а не извращенец. Не пихать в свернутые в трубку газеты, не погружать член в наполненный теплой водой презерватив, не запихивать между диванных подушек, в общем, не изобретать симулятор, передергивать по необходимости, но не превращать создание дрочильни в смысл всей жизни.

Совсем недалеко от дома, на глиняной тропе, тянущейся вдоль недостроенных гаражей, я увидел человека. Он шатался, непонятно было, то ли ему плохо и он собирается блевать, то ли пытается идти, но не может настроить автопилот. Края растрепанной рубахи выпали из брюк.

– Какие люди! – крикнул я. – Это же сам Кузя.

Он испуганно распрямился, взял себя в руки и подошел ко мне.

– Братан, я тут подумал, что тридцача, – начал было я, но Кузьма резко схватил меня за обе руки, как взбешенный родитель капризного ребенка. Под фонарем я увидел, что он совсем грязный, глаза красные и усталые, даже шрам на носу и тот выглядел ярче, чем обычно. Налился кровью.

– Да заткнись ты, – я вдохнул его перегар, словно сам замахнул стопарь. Заткнулся и уставился ему на рубаху, перепачканную то ли кровью, то ли рвотой. Из кармана его брюк торчал край галстука.

– Жука, меня здесь не было!

Это все, что он сказал. Кузьма отодвинул меня с дороги, и быстро ушел в тень и дальше, куда-то за гаражи.

Следующим вечером его арестовали, к тому времени история об убийстве была известна всему поселку. В результате Кипеша отмажут по малолетке, Козыря – потому что он был сумасшедшим. Кузьме дадут девять лет, но выйдет он примерно через шесть.

***

Помимо обязательных в девятом классе я сдавал два экзамена: литературу и информатику. В какой-то мере мне удалось совместить подготовку. Я написал две очень простые программы. Первая – игра в крестики-нолики. У меня не получилось довести все до ума, сделать так, чтобы клавишами-стрелками можно было выбирать позицию, куда поставить знак. Вышло так: на экране просто появляется решетка из двух пар линий, образуя необходимые для игры поля. В каждом поле стоит бледно-серая цифра от одного до девяти.

Программа подсказывает: «Введите позицию крестика», вы вписываете в поле ввода, например, «1». На месте единицы появляется крестик. Программа подсказывает: «Введите позицию нолика», и так далее. В конце программа

резюмирует: «победили крестики» / «победили нолики» / «ничья».

Вторая программа была намного проще по своему коду, но, как мне кажется, оказалась интересней.

Я впечатал десяток отрывков из произведений школьной программы, обязательных для экзамена по литературе, заменив имена героев на заданные пользователем значения.

Программа задает несколько вопросов:

- Как тебя зовут?
- Как зовут твоего друга?
- Как зовут твоего врага?
- Как зовут твою девушку?

Затем на экране появляется один из текстов. Недостаток был в том, что не в каждом отрывке использовались все заданные имена. Плюс я мог брать только те отрывки, где не нужно было склонять имена. Ну и, конечно, сложно было подобрать куски из стихов. Почти всегда ритм нарушался, иной раз переменное значение нарушало авторскую рифму:

Когда бы знать она могла,
Что завтра Жука и Кузьма
Заспорят о могильной сени;
Ах, может быть, ее любовь
Друзей соединила б вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывал.
Жука обо всем молчал;
Матвеева изнывала тайно:
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

«1 – еще один текст, 2 – ввести другие имена».

Молодой, хорошо одетый человек приятного вида встретился ей на улице. Она показала ему цветы – и покраснела.

– Ты продаешь их, девушка? – спросил Жука с улыбкою.

– Продаю, – отвечала Матвеева.

– А что тебе надобно?

– Пять копеек.

– Это слишком дешево. Вот тебе рубль.

Матвеева удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, – еще более заскраснелась и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмет рубля.

Мне очень понравилось, каким получился отрывок из «Героя нашего времени»:

Гопник с бульвара стал против меня и по данному знаку начал поднимать пистолет. Колени его дрожали. Он целил мне прямо в лоб... Неизъяснимое бешенство закипело в груди моей.

Вдруг он опустил дуло пистолета и, побледнев как полотно, повернулся к своему секунданту.

– Не могу, – сказал он глухим голосом.

– Трус! – отвечал Кузьма.

Выстрел раздался. Пуля оцарапала мне колено. Я невольно сделал несколько шагов вперед, чтобы поскорей удалиться от края.

– Ну, брат Гопник с бульвара, жаль что промахнулся, – сказал Кузьма, – теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде, мы уж не увидимся. – Они обнялись; Кузьма едва мог удержаться от смеха. – Не бойся, – прибавил он хитро, – все вздор на свете! Гопник с

бульвара, запомни: натура – дура, судьба – индейка, а жизнь – копейка!

Кое-где приходилось вычеркивать авторские слова и отказываться от хороших мест. Пару дней я горел идеей, сидел с библиотечными книгами в кабинете информатики. А потом решил остановиться, расхотелось совершенствоваться дальше. Но информатик сказал, что этого более, чем достаточно, а директриса (она тогда преподавала у нас литературу) пришла в неистовый восторг, так ей польстило, что я применил литературные тексты на ИВТ.

– Это что-то новое! – сказала она.

Реакция меня немного смутила, ведь первая версия программы была написана мной почти два года назад и имела эротический смысл.

Мне только исполнилось тринадцать, и картонные фишки с голыми женщинами я уже перерос. Случай посмотреть порнографию или хотя бы легкое эротическое видео представлялся очень редко. Негде было взять кассету из разряда «для взрослых», у отца и мачехи таких я не нашел; даже если я оставался один дома – максимум, что я мог себе позволить – эротическую сцену в обычном фильме. Прогонять ее по несколько раз. Как правило, чуть ли не в каждом боевике или фантастике девяностых была одна постельная сцена. Но длились эти сцены недолго, секунд по двадцать–тридцать. Только настроишься, надо перематывать. Пока перемотаешь, надо заново настроиться. У меня не получалось синхронизировать руку, член и видео, войти в роль, стать персонажем, который жарит телку. Поэтому я делал так: смотрел несколько раз, а потом уже дробил. Но от этого испытывал разочарование и досаду. Это было недостаточно круто.

Однажды, ночуя у своей тети в отдельной комнате, я

наткнулся на книгу: кто-то поместил под одной обложкой «Эммануэль» и «Тропик рака». До рассвета я терзал себя, перелистывая страницы. Вернувшись домой я понял: если у меня нет доступа к порнографии, я напишу ее сам. Когда брата не было дома, я писал свою первую порнопрограмму на его персональном компьютере, сохранял на дискету и прятал ее под матрас.

Да, первая версия была попроще, нужно было ответить только на один вопрос, то есть ввести одну переменную: имя девушки?

А дальше выпадал наугад один из идиотских самописных текстов. Что я мог написать не зная предмета? В результате, я почти не пользовался этой программой для дочки, мне было неинтересно читать, что получилось. Оказалось, что писать код в Qbasic, сочинять эти истории, держать дискету в тайнике, – это и было моей высокой порнографией, а не результат. На выходе я имел лишь пресный и глупый продукт, на который не встанет даже у самого неискушенного онаниста.

Девятый «а» и девятый «б» объединили в один десятый класс. Со мной стали учиться Миша, Демон и Настя Матвеева – единственная красивая девочка на всей параллели. Уже в мае мне было известно, что она собирается пойти в десятый – это радовало и волновало. Только учителя ее не очень хотели брать, считали тупой. Но желающих остаться в нашей школе было слишком мало, и им пришлось взять всех.

Так Миша стал одним из лучших моих друзей, а Демона выгнали через месяц за прогулы. Он по благу поступил в какое-то ПТУ, где начал пускать по вене ханку. Рэп-группы у нас с ним не получилось, вместо Демона я нашел другого напарника.

Последние два года в школе я много читал. Помимо про-

чего какое-то время не расставался с красным двухтомником Маяковского, заучивал его стихи и целые поэмы. Даже сам начал вырубать из груды мыслей эксгибиционистские стишата. У Леджика дома валялась печатная машинка, и он дал мне ее на время.

Вечерами я выносил машинку в сени, чтобы не мешать домашним. У меня был свой кабинет между улицей, коридором и кладовкой, где я отстукивал:

Сердце свое
на ладонях держу.
Раздел,
как избавил конфету от фантика.
Остальные члены смотрят и ржут.
Лирика сегодня, –
вчера была романтика.

Позже, когда я поступил на филфак, ко мне сразу прилипло прозвище «Маяковский». Каждый раз, когда меня так называли, я удивлялся и вспоминал Кузьму, сидящего на зоне, всего в километре от собственного дома. К этому времени у меня на ноздре появился шрам, почти как у него, только чуть меньше. Быстрая драка, на пальце врага была печатка – наложили два шва: нитки, которые я сам срезал через несколько дней. Так мне досталась еще одна фишка Кузьмы. Перенял то, что мне нравилось, но по сути ничего не изменилось: для филолога я был слишком малообразован и гоповат, для родных трущоб – слишком труслив и интеллигентен.

* * *

Они пили на берегу, и уже собирались уходить, когда неподалеку появился этот несчастный. Он вытащил на сушу

свою надувную лодку и стал собирать рыболовные снасти, подсвечивая фонариком.

– Сейчас прокатимся на лодке, – обрадовался Кипеш.

Лодочник был молодым парнем, студентом. Он явно испугался, когда из тьмы вылезли трое пьяных подростков.

– Пить будешь? – спросил Козырь.

– Нет, спасибо. Мне пора, – сказал перепуганный лодочник.

– погоди, дай нам только на лодке прокатиться, – ответил кто-то из них.

– Нет, – повторил лодочник. – Мне нужно идти.

Он скрутил крышку с клапана и надавил на бортик, стараясь держаться спокойно, как будто рядом никто не стоял.

– Ну нельзя же так, – сказал Кузьма. – Мы тебе пока не грубили.

Фонарик лежал на земле, и можно было определить габариты людей, но лиц было не разглядеть. Лодочник распрямился, определил, кто здесь главный и решил попытать свою удачу. Он совершил серьезную ошибку – толкнул Кузьму в плечо и резко сказал:

– Потерялись все!

– Опа, – удивился Кузьма и ударил лодочника в лицо, так что тот сразу сел в лодку.

Потом за дело взялся Кипеш, он набросился на лодочника, и, радостно похрюкивая, колотил его прямо в резиновой лодке, барахтался там, как малой в песочнице.

Когда Кузьма оттащил Кипеша, лодочник лежал, закрыв лицо руками, и, похоже, не собирался вставать.

Они выпили по кругу, еще раз предложили лодочнику, но тот не реагировал.

– Давай, вставай, хватит притворяться, – сказал Кузьма. – Пойдемте наверх.

Он помог лодочнику подняться и влил ему в рот немного самогонки. Лодочник был в полусознательном состоянии.

– Оставьте меня здесь, – говорил лодочник.

– Да пусть остается, что с ним случится, – согласился Кипеш.

Но все-таки решили помочь ему подняться по крутому склону. Их переговоры сложно пересказать словами, для этого нужно выпить пару бутылок. Козырь пытался свернуть лодку, скрутить в рулон, чтобы забрать себе, но был слишком пьян. Руки не слушались. Оставили ее на берегу.

Самый короткий путь вверх к поселку был самым неудобным, но в обход идти не хотелось. Они все падали на колени, поднимаясь по склону, Кузьма держал и ронял лодочника, тот стонал. Кипеш одной рукой держал фонарик, другой цеплялся за землю, чтобы не улететь назад. Когда они преодолели подъем, Кузьма отпустил лодочника и сам лег на траву. Кипеш тоже улегся отдохнуть и положил перед собой фонарик. Только Козырь стоял, ждал.

Лодочник вдруг немного оклемался и принялся стенать, как баба. Пытался ползти куда-то, проклиная своих обидчиков.

– Да заткните его, – не вставая промышчал Кипеш.

Тогда Козырь и нанес решающий удар. За ним бы стоило присматривать, а лучше посадить на цепь. В его голове безумие добралось до черты, тормоза отказали, комбинация последних событий плюс «заткните его» сработали как клавиши компьютера для удара «фаталити». Козырь зарычал и зарядил лодочнику так, что тот покатился по крутому склону, ударяясь о камни и цепляясь одеждой за кусты.

– Вот же блядь! – вскакивая застонал Кузьма, старший брат моей мечты и один из кумиров отрочества.

СЛОНОПОТАМ И ЕГО СООБРАЖЕНИЯ

Момент прикосновения пера ветра. Синдром утят в ванне. Бред. Мы стояли с Ниной возле нашего корпуса после занятий по режиссуре, закончившихся сегодня немного раньше. Я Нину обнял и поцеловал, и она слегка отстранилась, дескать, стесняется. Она младше меня на два года, только школу закончила. И есть в ней что-то детское. А у меня ни разу не было девушки младше меня, когда ты юн, хочется найти постарше. И еще она моя одноклассница. А я уже третий раз учился на первом курсе, на этот раз – в университете культуры.

Я собирался идти на встречу выпускников, посмотреть на одноклассников и одноклассниц, что с ними за два с лишним года случилось, с бедными.

– Ты там уж смотри мне, – сказала Нина. – Ни с кем ни-ни. Это она мне подражает. Я ей так все время – такими словами.

– Что ты, Ниночка, – говорю, – любовь моя, и радость, и печаль моя, и крест мой, и рок. Уж не с одноклассницами ведь.

– Ну уж-уж, – и пальчиком так грозит, опять же мне подражая.

Незадолго до этого мы с Симановичем ночевали у нее в общежитии. Я сказал ему, когда мы курили в туалете:

– Будешь спать на кровати головой к нашим ногам. Так вот, дергай меня за ногу, как только услышишь, что я вдруг начну приставать к Нине. Понятно? Я буду любить ее любовью светлой и чистой, а посему обязуюсь до первого нашего полового акта побывать в кожвендиспансере.

И, как только я пытался что-нибудь предпринять, дергал он меня за ногу, и ругал я себя за эту просьбу и благодарил. Потерлись мы немного с Ниной, а она вроде бы хотела, но

не совсем. Будто бы не время да не место. Не знаю, была ли она девственницей, я думал, что скорее да, чем нет. И сказал тихонько: «Ладно, давай сделаем это как-нибудь потом», – и она обрадовалась, что я так сказал, и уснула. Но мне уснуть не удалось, штукавина одна такенная мешала. Сделал полезное наблюдение: когда нужно, чтобы эта шняга работала, а она не работает из-за бухла – кажется, что она маленьких-маленьких размеров. А когда не нужно, чтоб она работала, а она, соответственно, работает, кажется, что она могла бы быть и поменьше. А на следующую ночь мы опять с Симановичем остались в общежитии. Этот говночист отвратительно играл на гитаре и пел Нине тупые, но забавные песни о моих похождениях. Потом я один не спал, тупо сидел при тусклом светильнике да смотрел на спящую Нину, зная, что наступит тот момент, когда я перестану видеть ее в таком свете, что-то отключится. С тех пор, как меня бросила Элина, я постоянно влюблялся и всегда ненадолго.

Но Нина была как-то даже нереалистично красива во сне, и ничего больше не надо было, и я смотрел и смотрел на нее, а потом не стал ложиться с ней, чтобы случайно не разбудить. Лег на полу, как монах.

Но, собственно, это – дело прошлое. Вернемся сюда.

Посмотрел, как Нина идет от корпуса к общежитию, и пошел в сторону дома. Мне было идти минут тридцать. Денег на проезд не было, потому что я отдал все имеющиеся с утра другу и бывшему однокласснику Мише, чтобы он купил водки.

Но я хорошо прогулялся: было тепло, обычно в октябре гораздо холоднее. Когда пришел к Мише, оказалось, что у нас мало денег. Мы встали возле его подъезда.

– Да сколько они потратили на эту жратву, – разорился я. – Мы что, будем жрать, что ли, всю ночь?!

– Я не знаю, зачем они накопили столько.

– Да я знаю! Все потому, что все бабы озабочены едой! Они готовы жрать целыми днями. Я это понял еще в школьной столовой!

– Эй вы! Идемте, что там встали?

Это нас звали две наших одноклассницы. Как раз в соседнем Мишиному подъезде пиршество должно было и пройти у одной из них.

– Ну почему мы все должны вас ждать?!

– Идите сюда! Только вас и ждем! Мы же договорились в восемь!

Миша крикнул, что мы задержимся. Они обиделись, особенно одна из них, не знаю, почему. Наверное, потому, что они, несчастные, там готовят эту еду чертову весь день, прибираются, а мы опаздываем уже минут на двадцать. Послали нас в жопу и пошли в квартиру.

Мы с Мишей стояли и стояли. Из класса будет восемь человек, наверное. А может, девять, прикидывали мы. Четыре пацана.

У нас хватало только на три бутылки водки. Там еще было десять литров пива и много жратвы, которая ни мне, ни Мише вообще в жопу не уперлась.

Мы стояли и стояли. Денег не прибавилось, поэтому мы купили эти жалкие пузыри и пошли ко всем.

В принципе, остальные пили мало, и я прикинул, что нам хватит. Не стоит делать расчеты исходя из своих питейных показателей, и тогда расчеты будут оптимистичней. Сначала было скучно, как я и ожидал.

Да, я вышла замуж, вот колечко. Ребенок, полгода. Была худой, а стала совсем тощей. А я поступил на режиссуру театра: много нагрузок. Актерское мастерство или режиссура с часу дня до девяти вечера, четыре раза в неделю, но зато интересно. А я поступала сюда же, черт. Не поступила, пошла в училище. Когда мы с Мишей курили, он сказал:

– Не знаю, хоть одноклассниц трахай.

Да, заливай, Миша, – думаю. Максимум наорешь на кого-нибудь здесь и, может, еще отлупишь кого-нибудь на улице, после чего пойдешь без особого энтузиазма подергаешь свою полувялую колбасу дома в одиночестве.

– Миша. Одноклассниц. Это же подло, – ответил я, тем не менее поддерживая игру.

– Да мне уже все равно.

– И с кем ты собрался?

– С любой из них.

– А я знаю, что, скорее всего, у меня получится только с Юлечкой.

Я чувствовал, что так будет. Юля. В моем сознании она лежит как игрушка, стройная матрешка на моей ладони, уже раздетая и даже влажная, пациентка, готовенькая к мясному уколу. Но здесь, в мире людей и мебели, она задорная. Не знает, что я уже предсказал исход вечера. Юля, молодец, активистка, чтоб нам не было скучно, стала веселить нас забавными играми. Сначала вывела всех из комнаты, кроме двоих.

– Заходите один, – сказала чуть позже. Я зашел.

Там, замерев, Павлуша и Лена стояли в позе, будто у них секс.

– Что ты хочешь поменять в этом памятнике? – спросила Юля.

А ничего игра – смешная, наверное. Делай вид, что это интересно, и тебе сегодня дадут. Я решил, что Павлуша должен уткнуться лицом Лене в промежность и схватить ее за зад. Павлуша отошел и засмеялся. До меня дошло.

– Ну, вставай на колени и делай все это сам, – сказала Юля.

И так далее. Потом меня девушка Олеся подержала за промежность через штаны. А потом Юля нацепила на всех нас шарик, приклеила ко лбу кнопки на скотч, разбила на

команды и заставила гоняться друг за другом. В таком духе. Наша команда проиграла. Я вспомнил, что Юля учится на тамаду или еще что-то в этом роде. Режиссура театрализованных представлений, прости меня, господи. Такая профессия, ничего не поделать, кому-то приходится в жизни заниматься такими вещами, людей много, а пиздатых дел раз-два и обчелся.

Потом все начали танцевать. Я потанцевал с Юлей, трогал ее за зад. Она одергивала мои руки, но было ясно, что это кокетство, и что ей приятно.

– Ты стала симпатичной, – сказал ей.

– Да я давно уже стала.

– Прости мою невнимательность. Не пойму, куда смотрел.

А голос-то у нее писклявый, как был, так и остался. Но сама, да, взрослеет, становится заманчивой. Или просто я недостаточно искушен в женской красоте.

Я поймал Павлушу, чтобы проверить свою интуицию:

– У тебя же есть презерватив?

– Есть, и что?

– Так я и думал. Дай мне его.

– Не дам.

– Ну, кого ты сегодня собираешься? Неужели собираешься?

– Собираюсь.

– Кого?

– Кого надо, того собираюсь.

Мне казалось, Павлуше нужны были эти презики, как зонт в ясный солнечный день.

– Ну, Павлуша, радость моя, вот что я тебе скажу, помоги мне, – я начал размахивать руками. – Ну, дай ты мне этот вонючий гондон. Помоги моей душе поэтической в минуту трудную. Все равно ведь он пролежит у тебя в кармане твоём, пока срок годности у него не кончится.

Последнее предположение, как я понял по его лицу, я высказал зря. И я пошел по другому, безобидному пути:

– Ну, Павлуша! Дай-дай! Ну, да-а-а-а-ай.

Это его утомило, и он отдал мне презик.

– Ладно, у меня два. На один.

– Ну, Павлуш, мне одного не хватит! Это уж точно!

Он заржал. И пошел выпить. Я усиленно мешал водку с пивом, думая о Нине. А через час или два я сидел уже на балконе Юлечкиной квартиры и смотрел через стекло на комнату, служившую залом. Юлечка расправила диван. А потом зачем-то начала расправлять кресло-кровать.

Я докурил и зашел в комнату:

– А это еще что за херня?

– Что?

– Вот это?

– Это кресло-кровать.

– Я вижу.

Я разделся до трусов и сел на диван. Юля была в ночнушке.

– Слезай, – говорит.

Я встал. И стоя смотрел на нее.

– Хочешь, – говорит, – мой фотоальбом посмотреть?

Мы минут пять посмотрели альбом. Зря посмотрели. Потому что я едва не решил уже с ней ничего не делать, но она была на некоторых фотографиях такой заманчивой, что я не мог себе позволить бездействия. Когда она выключила свет, я сказал с этого кресла-кровати:

– Ну, все, хватит, я иду к тебе.

– Нет.

– Как нет?

Я выдал какой-то невнятный монолог, отключив мозг, после чего она сказала:

– Ладно, бери с собой одеяло и подушку и перелезь.

Так-то лучше. Я перелез.

– Где у тебя эрогенные зоны? – говорю.

– Я тебе все равно не дам, – так вот она сказала. Я положил Юле руку на живот.

– У меня месячные еще не закончились, – говорит.

– Так самое время, – говорю. – Они как раз сейчас закончатся, а это – лучшее время.

И поехали. Я терся об нее, а ей это нравилось. И спустя много минут все еще терся об нее, ей это сильно нравилось, но она почему-то не позволяла мне засунуть.

– Я надену презерватив, – сказал ей.

– Одевай, но я тебе не дам. Только так можно.

– «Надевай», – поправил я. – И что – мы будем тереться всю ночь, как полоумные?

– Не хочешь – иди на кресло!

Ладно, придется обходным путем.

– Хорошо, ты тут главная. Но ты сможешь так кончить?

– Да. А ты?

– Вряд ли. Но как скажешь. Попробую.

Презерватив я все равно надел, потому что ни на секунду ей не поверил. Второй или третий раз в жизни надел, я еще толком не освоил это изобретение. Мы все терлись и терлись, и терлись, и я был умеренно возбужден, не взрывался, все-таки я был заключен в резиновую тюрьму. Плюс она не давала мне вставить. И я уже нашел в этом какой-то восторг. Я покручивал у нее тампакс и все пытался его вытащить, но она говорила «нет». И все заставляла тереться о порог, час за часом, и, похоже, она правда кончила от этой свистопляски, и даже не раз. Не знаю, вроде да. Она стонала, и ее конечности спазматически дрыгались, если это не женский оргазм, то я умываю руки. Я утратил чувство реальности, в голове звучал рассказ моего друга Кости:

«Когда я работал охранником в этом лагере, там был еще парень, медик. Он говорил, что девушки лет до двадцати пяти вообще не испытывают оргазм, а только его

имитируют, особенно девственницы. Еще этот парень каждую ночь трахал такую страшную девушку, что я считал его Иисусом Христом».

Так я терся о Юлю, а Костя примостился у меня на плече и нес эту околесицу, хотя я и не знал, как привязать ее к сегодняшнему дню. Но раз Юлечке нравится так, то я решил, что буду так. И тогда почувствовал себя святым дамским угодником. Это было даже интересно. Треться о клитор и крутишь тампакс, если ты выдержишь этот марафон, тебе дадут согреться в мясистой рукавице. Я впадал в полусон и выпадал из него. Надо работать в предлагаемых обстоятельствах, говорят нам на актерском мастерстве. Я протрезвел и потянулся за неуловимой красотой в темноте комнаты, мой член разбух между нашими двумя животами, и я со стоном кончил в соскообразный клапан, упираясь в Юлин пуп. Голова кружилась от пустоты и свежести, когда вышел на кухню, как в весенней роще выпил воды и выкинул нелепо использованный презерватив в окно – цветок зла, обреченный висеть на дереве.

Я предатель. Ведь совсем недавно, может, неделю назад, мы пили группой пиво в Горсаду. Нас осталось несколько человек. Девчонки сидели на лавочке, я – на корточках – напротив. И тут я увидел, что у Нины (отсюда это было очень хорошо видно) между ног алые разводы. Я заволновался, подошел к Ане Бычковой, отвел ее и жалобно сказал: «У Нины там месячные начались». Аня заботливо отвела Нину, пока я сидел, разговаривал с остальными, и у меня дрожали руки, потом подошла ко мне: «С чего взял?»

«Увидел, но не хочу, чтобы это увидел еще кто-то». И она отвела Нину в туалет, а потом они пришли, и Нина не стала уже садиться, а встала за мной (хорошо, что у нее была длинная куртка) и гладила мои волосы. Ах ты, деточка моя, думал я. А потом Нина рассказывала о своих котах, о всех

котах ее жизни. Какое прекрасное слабоумие, я хотел нежно изнасиловать ее рот, говорящий глупости.

Я вернулся с кухни. С Юлей мы опять терлись, но мне этот бред поднадоел. Я все пытался извлечь из нее этот тампакс, и наконец-то вытащил, бросил его радостно на пол. А она разнервничалась. А потом все рассказала, поведала о своих проблемах.

– И когда я была последний раз у гинеколога, – говорит она, – я вскрикнула от боли. Она спросила: «Как ты с пацанами, тоже кричишь?» Я хотела ей сказать, что мне всегда очень больно, но не сказала.

– Почему не сказала? – Не знаю.

Мы лежали рядом.

– Я, – говорит, – так давно этого хотела. Но не ожидала, что с тобой. Ты у меня был самым последним вариантом.

– Наверное, трудно найти лояльного к таким проблемам ебара?

– Трудно.

Я гладил ее по голове. Она рассказала про своего парня, у которого были очень широкие плечи. Как же она его любила, но он не хотел делать все это дело нормально. И она согласилась с ним через боль. И что это было ужасно. Потом про другого парня, у которого не стоял. Она не понимала, в чем дело – в ней или не в ней. Просто не вставал, может быть, от неловкости. Она могла говорить своим голоском бесконечно.

– А со мной ты когда захотела?

– В десятом классе.

– Черт. Ты уже второй человек, который мне говорит о школе. Где вы были тогда? Почему не спасли меня от спермотоксикоза?

– Ты сидел с Дрюпой. И он весь был такой тощий, а у тебя такие плечи. Сидел в своей бежевой толстовке с такими плечами. И я хотела подойти и потрогать. Мне еще

очень нравится, чтобы от плеч к талии шел треугольник. Не квадрат, как у Миши, а треугольник, как у тебя.

Она сказала что у меня хорошие, пролетарские руки.

– Пацан должен быть пацаном. Пацан должен колоть дрова, таскать навоз. Пацан должен быть сильным, а не каким-нибудь педиком...

Она еще несколько минут смаковала слово «пацан». Возможно, она была не очень умна, но ведь и я не был особенно умен. А потом вдруг вспомнила что-то и надулась. Но скоро снова заговорила:

– А ты сам помнишь, как ты ко мне относился?

– То есть?

– Ты весь такой был из себя. Умного строил. А еще ты мне сказал, что я долго не найду себе парня, помнишь?

– Ладно, хватит. Я тогда был злой и глупый. И всегда страдал от недоеба. Вернее, от полного отсутствия секса. Я был девственником, сечешь?

Она продолжала жаловаться. Как я смотрел, как пренебрежительно отзывался. И тогда я, пристыженный, сделал ей кунилингус, так старательно, как делал только в первый раз. У меня есть знакомые, которые тебе руку больше не пожмут за то, что ты пилоточник. Так что жест с моей стороны довольно щедрый, не правда ли? Еще я надеялся, что она соизволит отсосать в ответку, но этого не произошло.

И вот мы снова вернулись к этим теркам члена о входное отверстие. И вдруг все получилось. Она лежала, сжав ноги, на спине, и получилось. Я решил, что, может, она все это зачем-то выдумала.

– Неужели?

– Что неужели?

– Получилось?

Она засмеялась:

– Ты трешься о мои ноги и упираешься членом в диван.

Ты что дожился, Жука, диван от влагалища отличить не можешь?

Меня немного рассмешило, что она назвала меня Жукой.

– Погоди, значит, я не внутри? Ничего не понимаю.

– Да, тебе нужен перекур!

Мы говорили не останавливаясь. И тут я загнал, куда надо. Она взвизгнула от боли и расплакалась от обиды на собственное тело. Пришлось ее успокаивать. Так и скоротали время.

На рассвете я стоял на балконе в одних трусах и жалел, что у меня нет сигареточки. Тревожно, все-таки есть небольшая вероятность, что придет Юлин папа. Сама она была в ванной. Вообще-то, я изменил часть имен, сами знаете, как это бывает, может быть, даже где-то и сюжет переврал, эта история не пациент, а я не врач, если я сгублю по неосторожности, никто не умрет. Вообще я не пилоточник, пациенты, вы же, это же художественная литература, ха-ха, ну типа от первого лица шпаришь, а на деле этого чувака, «меня», даже не существует в природе.

Ну и кто-то очень серьезно относится к таким вещам: это моя жизнь, ты охуел? Ты рассказал про мои генитальные проблемы, ты рассказал про то, что я шлюха или неверный муж, ты рассказал, что я убил человека в апреле 97-го года. Так что ломайте голову, о чем этот рассказ, может, не было никакой истории о вагинизме, а на самом деле два парня едут в машине, и у одного из них вскочил ячмень:

– Не вздумай обо мне писать, дурень, напиши лучше о девятнадцатилетней телке с вагинальными проблемами.

– Какого рода у нее проблемы?

– Не знаю. Я смотрел передачу, бывает такая тема. Ей больно, когда ты пытаешься запихнуть. То ли смазка плохо выделяется, то ли стенки влагалища слишком чувствительные. Короче, напиши лучше о ней. Как бы ты выкручивался?

Дано: дымящаяся шашка, то есть твой болт, и пиися, в которую не вставить. Такая задачка, найди решение.

Машина останавливается на светофоре, парень трет свой больной глаз.

– Ладно, попробую, – отвечает рассказчик, – но тогда герою придется поработать языком.

И еще мне не нравится, что имен так мало. Редко встречается знакомый, у которого бы было особенное имя. Даже если рассказываешь одну историю, вероятны повторы имен и путаница. Но я не призываю вас называть детей типа «Аполлон» или «Платон». Я просто указал на проблему, решения у меня нет, дорогие ебанные друзья.

Но все это было неважно, когда я стоял на балконе. Думал о том парне, спектакль которого мы по учебе смотрели недавно. Спектакль был такой – в одну каску, то есть моноспектакль по роману Юрия Коваля. Никого кроме парня на сцене не было. И парень был неплох, хотя я первую половину стоял чуть ли не в дверях, мало что видел, и там пахло пердежом. А потом он (конечно, не пердеж, а этот парень – Петр) пришел к нам на занятие по режиссуре пообщаться. Момент прикосновения пера ветра. Очень важно почувствовать его. Это в спектакле было. И об этом мы говорили.

Это было, когда Нина говорила о том, какие у нее были коты. Котята, там, кошки, коты, какие они милые. Я смеялся здоровым счастливым смехом, готовый принять тихое обывательское счастье. А Нина, которой я теперь изменил (или как это назвать?), говорила о своих котятах, быстро и увлеченно. Я чувствовал добро и единство: я и Вселенная заодно.

Это могло бы меня раздражать, но это вызвало во мне умиление. Желание хлопать в ладоши.

Как когда получается написать что-нибудь интересное, стремительное и важное, и простое. Это ощущение, будто

ты огромный счастливый ребенок, который играет со всей этой действительностью, как с утятами в ванне.

Так, вот что. Я бы не стал вам все это рассказывать, если бы не это: стоя на балконе после недополового акта, я испытал секунду подлинного блаженства. Я был счастлив и несчастлив, и силен, и слаб, я был и самым умным, и самым тупым. Мне хотелось прыгнуть с этого балкона, с седьмого этажа, и разбиться. Спрыгнуть и лететь не вниз, а вверх. И мне хотелось жить, как никогда прежде. И я мог сделать все что угодно, ничего не умея делать. А вокруг это утро, холодноватое, чтобы стоять в трусах, и в то же время теплое. Немного туч и никого нет. И мне смешно и грустно. И пронзительно, и радостно. И я смеюсь, зная, что все мы всего лишь нарезаем круги, путаясь в собственных следах, придумывая для себя все новых и новых слонопотамов.

Юлечка вышла из ванной. Туда пошел я. Вышел из ванной голый, но она уже оделась.

– Наверное, вот-вот твой папа придет. Да?

– Может быть. Но вообще-то еще нескоро.

Растерялся. Поторопилась она, слишком рано оделась. Вот и не знал, что сказать.

– Я скоро пойду. Тебе нормально было со мной?

– Да, спасибо тебе.

Я получил нежный поцелуй благодарности – в край рта. И во мне вдруг проснулось то чудесное, немного злое полупохмельное состояние. Решил задержаться. Целовались, и я опять возбуждился. Бросил ее на диван, подтянул юбку и отодвинул трусики. Потом приспустил свои штаны. Снова начал тереться об нее, как утюгом разглаживал ее губы своей алой башкой. Задрал футболку, оголив соски. Мне было обидно. Значит, я из кожи вон лезу всю ночь, а она просто лежит и бычит, если я пытаюсь вставить? И даже минет сделать не может! Если я принимаю правила твоей игры, делаю, как ты хочешь, почему ты не помогаешь мне?

Это у тебя проблемы, а не у меня, почему я должен выкручиваться, стараться в одного? Просто-напросто отсоси, не высохнет от этого твой рот! От обиды я жутко возбудился. Конечно, я виноват был перед ней своим подлым поведением в школе, но черт подери! Если человек отвечает взаимностью на твое отношение, значит, ты нашел к нему правильный подход.

Какая умная мысль! Давление в шланге нарастало. Угадал, ты просто мстительная и злая, а туда же, лезешь на крест. Я терся о Юлю, о ее проблемную вагину, не позволяющую принять меня внутрь, исключаящую возможность соединения, терся радостно, зло и настырно, по-обезьяньи, по-крокодильи, по-слонопотамьи, как кролик, как Иван-дурак на Змее Горыныче, и вдруг ощутил более настоящее, более реальное удовольствие, чем если бы я был внутри. У меня все сошлось, как у одержимого поэта, недостижимая вагина была моей музой, когда я ухватился за Юлину кисть, положил ее пальцы себе на ствол и мошонку. Сработало: я выстрелил длинной белой соплей поперек Юлиного туловища. Повалился на спину, глубоко вдыхая жизнь. Она не успела, я убежал вперед повозки, а ей не хватило считанных секунд, чтобы получить удовлетворение. Она поднялась на локоть, сверкнула глазами, как ведьма.

– Быстрее, – говорит. – Бери любое полотенце и вытирай.

Недовольство, мелкая ложь, суета. О чем мы говорим, когда говорим о запачканном животе?

– Зачем так суетиться?

– Вдруг какой-нибудь упорный сперматозоид доплывет!

Я покрутил пальцем у виска:

– У тебя же месячные. И даже если они только что закончились, я могу кончать еще несколько дней не только на твой замечательный живот, но и в тебя.

– Лучше перестраховаться, – уперлась Юля.

Хотел было рассказать, что в таком случае она может забеременеть оттого, что в жидкости, которая выделяется во время всего этого действия, уже могут быть сперматозоиды. Как профессор кислых щей сказал бы: «Юлия, после первой эякуляции в ходе полового акта в предэякуляте уже присутствует семя». Но решил не говорить. Ладно, сначала усмехнувшись, но быстро поправившись, скорчив серьезное лицо, беру полотенце, сохнувшее на двери, и старательно вытираю мою даму. Она брезгливо трет руку о полотенце, – немного сгущенки попало на ее пальчики. Нормальная девчонка бы облизала их, но только не Юля. Юля вместо этого обиженно смотрит в потолок. Видок у нее тот еще.

– Ну и вид у тебя... отъебанный какой-то, – говорю.

– А у тебя лучше?

– Наверное, нет.

– Как ты говоришь?! Что это такое – вид отъебанный?!

Ага, на это ты обиделась, что за игры.

– Что ты обижаешься? Я же в хорошем смысле слова.

– В хорошем?

– В хорошем. Просто злишься, что я кончил раньше тебя.

– Просто нельзя так со мной разговаривать!

Через секунду она меня выгоняла. Лицо у нее было красное. В дверях я ее поцеловал в сжатые губы. Юля смотрела на меня враждебно. Я широко улыбнулся.

– Я тебя ненавижу, – был ее ответ на улыбку.

– Пока, любовь моя, – сказал я.

Она хлопнула дверью.

Утро было прекрасное. Я шел домой, ощущая себя самым потрепанным мартовским котом. Было просто думать обо всем. Чудесное воскресное утро. Я знал, что, когда я выплыву, мне будет очень грустно. Что я не позвоню Нине, что мы с ней не погуляем. Хотя, может, и решусь позвонить? Но я же не смогу ходить с ней рядом, улыбаться, делая вид, что ничего не случилось. В жопу, сейчас можно было думать

об этом, оставаясь радостным, такое было утро. Я прикоснулся к самой сути, я пока еще помнил, знал и чувствовал, что можно жить, ездить в автобусе, сидеть в туалете, чистить зубы, заниматься чем угодно, но оставаться стоять на балконе седьмого этажа, чувствовать мгновение: прикосновение пера ветра, и играть с утятами в ванной, и быть большим до неба, и маленьким, и хитрым. Можно путаться в своих следах, но быть внутри сути. Этим утром все было так.

СКУЧНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ БАГАЖ

Моим отцам Игорю Алехину и Марату Басырову

1

В начале четвертого ночи прилетели в огромный аэропорт Нью-Дели. Заполнили анкеты с множеством пунктов, с трудом вспоминая английские слова, и получили багаж. Разошлись по туалетам. Я в мужской, жена, соответственно, в женский. В мужском туалете было человек двадцать индусов. Кто-то из них разговаривал, жестикулируя, кто-то просто стоял, кто-то ходил туда-сюда. Как только я был замечен, тут же подвергся самому пристальному вниманию. Что ж, ладно, в детстве несколько раз менял школы, и доводилось испытывать нечто подобное. Просто лишняя минута над писсуаром, чтобы сосредоточиться, пока мой походный рюкзак, как щит, отражает сканирующие взгляды.

Что за сходка в такое время и в таком месте? Под их молчание струя звучала особенно звонко. Как включить кран, понять не смог, потому что занервничал над раковиной. Помыл руки уже в холле, у питьевого фонтанчика, точно такого же, из каких пил двадцать лет назад в пионерлагере. Тем временем один из индусов вышел из туалета за мной и что-то затараторил на хинди или еще каком-то местном языке. Но я сдержался и вместо среднего пальца показал ему оттопыренный вверх большой. Индус засмеялся.

До начала работы аэроэкспресса оставалось полтора часа. Поменяли немного денег – по дико невыгодному курсу – здесь, в аэропорту. Вышли на улицу, было хорошо: приятная ночь, тепло и в то же время свежо. Купили воды в уличной палатке – всего десять рупий, то есть шесть

русских рублей за пол-литра, – сидели, ждали, смотрели, отвечали таксистам, что не нуждаемся в их услугах.

По пути к платформе встретили таксиста и немку. Таксист объяснял, что сегодня аэроэкспресс до города не будет ездить. Немка предложила нам взять такси на троих. Она хорошо говорила по-английски, мы плохо. Нам нужно было в центр, где много хостелов, недалеко от железнодорожной станции. Она достала карту, указала, куда ей нужно добраться. Да, нам приблизительно туда же. Таксист назвал цену – сто пятьдесят рупий, хорошо, меньше ста рублей. Но, когда подошли к машине, он почему-то сказал, что втроем нельзя. Мы отдельно, немка отдельно. Далее подошел второй таксист, помог убрать рюкзаки в багажник и повез нас двоих. Уже отъехав, он поинтересовался, куда нам надо. Ответ, видимо, его разочаровал, сделав маленький круг, второй таксист привез нас обратно на стоянку, откуда отъехал пять минут назад. Он подозвал какого-то совсем молодого парня – третьего таксиста, и тот повез нас в центр, но очень скоро машина заглохла. Третий таксист попросил заплатить ему. Мы сказали, что дадим только сто рупий вместо ста пятидесяти. Он что-то пробормотал. С английским у него было не лучше, чем у нас. Ничего не поняв, я дал ему сто пятьдесят. Пока доставал рюкзак, третий таксист остановил тук-тук – что-то вроде мопеда, к которому приделали кузов малолитражного автомобиля, дал рикше пятьдесят рупий и объяснил, куда нас везти. Дверей у этого транспортного средства не было, то есть они предполагались вроде как, но были сняты, и на сквозняке было почти холодно. Ехали, разглядывали улицы: безлюдно, темно, мусор, собаки, пустые базары. Рикша довез нас до хостела.

Не успели вылезти из тук-тука, как откуда-то из ночи вынырнул человек и давай махать руками. Он говорил несколько раз одно и то же, и с третьего раза я начал понимать его речь.

– Фестиваль, в городе фестиваль. Свободных мест нигде нет. Фестиваль, все занято. Езжайте в Центр путешествий, спрячьте документы и деньги. Никому не давайте свои паспорта, будьте осторожны.

Он буквально затолкал нас обратно в тук-тук.

Трэвел-центр оказался совсем близко. Рикша вылез с нами и стоял рядом, пока я доставал вещи. Решив, что он ждет денег, протянул ему полтинник. Тот жестом попытался остановить меня, не хотел брать. Понадобилась минута, чтобы всучить ему купюру. Позже приду к выводу, что это был самый честный человек во всей Индии. Он завел нас в небольшое помещение – подобие любой маленькой турфирмы в Москве, где нас принял уже другой человек, менеджер. Нам принесли невкусный, но крепкий чай (как я понял, весь хороший чай уходит на экспорт, а сами они пьют дешевый и дрянной), и начался первый сложный и долгий разговор на английском. Менеджеру приходилось все повторять несколько раз, чтобы мы поняли. Нам приходилось долго совещаться, чтобы составить фразу и ответить ему.

Несколько месяцев назад мы решили уехать пожить на море. Пропустить холодный сезон в России с октября по апрель. Индию выбрали из-за цен, к тому же жена (на момент покупки билетов еще просто моя девушка) уже была здесь пару лет назад в отпуске и очень хотела пожить по-настоящему. А я вообще-то хотел забросить себя неизвестно куда, подальше от информационного потока, и вопреки творческому бессилию почитать, поплавать, накопить сил, чтобы вернуться новым человеком и продолжать движуху. Я уже начал изнашиваться в свои двадцать семь и хотел оказаться на море. Море – это жизнь. Но прежде, до моря, мы зачем-то решили помучить себя небольшим путешествием через Индию.

– Сейчас в Дели вы не сможете нигде остановиться, – объяснял менеджер. – Фестиваль, еще два дня будет фестиваль, в Индии сейчас фестиваль, мест нигде нет.

Мы устали и нервничали. Бессонная ночь в самолете и необходимость сочинять фразы на английском вызывали дрожь в руках и желание пнуть кого-нибудь. Менеджер объяснил, что нужно уехать в какой-нибудь небольшой город и переждать там до конца фестиваля. Мы достали карту и объяснили, что хотим в течение недели побывать в нескольких городах. А вообще конечная точка – город Кочин, но до этого нам нужно проехать, например, через Пушкар, обязательно через Мумбаи и пробыть пару недель в Гоа, где живут наши знакомые (вообще-то, знакомые жены). Он говорил, что Мумбаи – невозможно, а в Пушкар только на такси за пятьсот долларов. Проблемы с билетами не закончатся, пока не закончится фестиваль. Можно сразу в Гоа – два билета на самолет обойдутся в тысячу долларов.

Не имею возможности пересказать весь разговор, да и не вижу в этом смысла. Но в его ходе мы совершенно перестали соображать. Менеджер предложил сигареты. Местные сигареты напоминали по вкусу «ТУ-134» и «Стюардессу», которые я несколько раз покупал в отрочестве, имея мало карманных денег.

Я вышел на крыльцо покурить и подумать. Неожиданно быстро рассвело, и солнце освещало смелых крыс, копошащихся в мусоре у обочины.

Нам уже было все равно, куда ехать, хоть куда-нибудь, где бы можно было отдохнуть и помыться. Этим и воспользовался менеджер, ушлый барыга и жулик. С его слов, самый бюджетный и в то же время комфортный для нас вариант был таков: поехать в город Агра, пробыть там двое суток, посмотреть достопримечательности, посетить Тадж-Махал и хорошенько отдохнуть, после чего сесть в поезд А-класса прямехонько до Гоа. Тридцать три часа, и мы на побережье. Тем временем фестиваль закончится, и дальше мы будем предоставлены сами себе, но проблем с переездами уже не случится.

Он называл страшные цены, звонил куда-то, говорил много по телефону и для убедительности писал внушительные числа в свой блокнот. Потом показывал ксерокопии чужих паспортов и чеков, оплаченных туристами. Наконец мы сдались, даже не додумавшись торговаться.

– Подождите десять минут, и я познакомлю вас с водителем. Так мы расстались с пятой частью полугодового бюджета, двадцатью процентами всех наших денег, заработанных кровавым потом и полученных в подарок на свадьбу. Облапошенные, вышли на улицу. Менеджер скоро привел водителя по имени Зафар – крашенного хной и зализанного бриолином дедушку. Зафар был сонный и, казалось, ничего не соображал. Он подошел к машине, почесал голову. Мы стояли на крыльце и смотрели, как Зафар пытается открыть автомобиль. Почему-то он это делал не при помощи ключей, а как автоугонщик – вскрывал дверцу каким-то тонким прутком. Стало даже смешно и интересно, чем это все закончится и куда мы доедем на угнанной тачке.

– Что делает этот человек? – спросил я у менеджера.

– Не волнуйтесь, Зафар забыл ключи в машине, – ответил тот. Город уже проснулся, автобусы и машины ездил по улицам, а местные жители улыбались нам и что-то радостно кричали, проходя мимо.

2

По словам менеджера, путь из Дели в Агру должен был занять три часа. Мы ехали часов пять с лишним. Хотя, может быть, я неправильно понял или, может, Зафар особо не торопился. По дороге он несколько раз просил ждать его и выходил, имея какие-то мутные, думаю, делишки.

В дороге мне нравилось смотреть в окно и дышать сквозняком, но, как только машина останавливалась, приходилось

задраивать окна, а местные жители стучались в стекло, предлагая фрукты, орехи, соки, бусы. Иногда они использовали английский с небольшим вкраплением русских слов, иногда наоборот:

– Привет. Привет, май френд. Посмотри мой маленький магазин, май френд.

Я пребывал в естественном испуге, но жена успокаивала:

– Просто нужно немного загореть. Мы слишком белые.

Перед въездом в Агру остановились позавтракать. Придорожное кафе, и Зафар настаивал, чтобы мы поели. Наверняка он имел процент. Я раскрыл меню и выбрал томатный суп, салат, минеральную воду. Жена попросила тосты и чай с молоком. Ждать пришлось долго – наверное, полчаса. Как оказалось, салат в их представлении – просто нарезанные кольцами помидоры, огурцы, лук и другие овощи, в зависимости от кафе. А минеральная вода – обычная вода в литровой пластиковой бутылке. Еда была не очень вкусная и стоила не намного дешевле аналогичной где-нибудь на трассе в европейской части России.

Нервничал, считал деньги, жена говорила, что это неправильное место, что мы еще доберемся до заманчивых цен и вздохнем свободно.

Наконец Зафар привез нас в гостиницу Agra Mahal – небольшое четырехэтажное здание. Он переговорил с менеджером (наверное, он же хозяин) насчет нашего заселения и пообещал, что приедет завтра в девять тридцать прокатить нас по городу. Покажет достопримечательности. Велел отдыхать. Мы немного огорчились, что в Трэвел-центре впяили какую-то экскурсию, хотя можно было срезать расходы.

Заселились в номер без окон, но зато с узким балконом, выходящим на дорогу. Приняв душ и переодевшись, встали на этом самом балконе, закурили и стали смотреть на местную жизнь. В этот понедельник мы не увидели в Агре

ни одного белого человека. Даже в гостинице жили только индийцы.

Наблюдения с балкона: если кто-то замечал нас, то тут же забывал смотреть на дорогу и поворачивался, пялился – просто пялился или улыбаясь и что-то крича. Если вдоль дороги шли двое и больше людей, первый заметивший нас тут же сообщал остальным и все они начинали шумно обсуждать нас, показывать пальцем и радоваться.

По ту сторону дороги вдоль нее тянулась длинная стена. За стеной уже был самый край, видимо, города Агры: деревья, свалки, кучи мусора, поляны. Приблизительно каждые пять минут – мы специально вычислили средний интервал – на стену мочился местный житель. Либо человек останавливал свой мотоцикл/велосипед на обочине, либо прохожий подходил справить нужду. Позже окажется, что и крупную нужду справить у обочины не представляет для местных никакой проблемы. Я снимал мочащихся людей на маленькую камеру, но быстро утратил интерес к этому занятию. Если бы можно было настроить дату и время, чтобы считать интервалы, эта съемка имела бы какой-то научный смысл, но на моей камерке не было такой функции.

Коровы полноправно ходили по дороге, поедая мусор и оставляя кучи дерьма, совершенно не боясь ни автомобилей, ни тем более мотоциклов. Только автобусы и грузовики могли заставить их разойтись.

Подростки так же ездили на мотоциклах, как и взрослые, без шлемов, и я даже заметил одного, почти совсем ребенка, который ехал, отпустив руль и свесив руки, как сам я в детстве для выпендрежа ездил на велосипеде.

На один скутер или мотоцикл могло уместиться до четырех человек. А если везли маленьких детей, то вполне усаживалось и пятеро.

Ресторан в гостинице порадовал и ценой, и вкусом еды. Да и размером порций. Но расплачиваться нужно было уже

во время выселения, и немного смущали звездочки-сноски, что указанные цены не включают в себя какой-то то ли налог, то ли пошлину.

На сытый желудок мы решили прогуляться и найти магазин с местным ромом Old Monk, который помог бы нам забыться крепким сном. Прогулка эта оказалась чем-то невообразимо страшным. Мне доводилось выступать с рэпом самое большое перед аудиторией около четырехсот человек и перебарывать стеснительность, заливая и закрывая глаза в первых треках. Но прогулка по городу Агра, хоть и не требовала от меня четкого речитатива, оказалась тяжелее самого продолжительного концерта. Каждый человек считал обязанностью поприветствовать нас, что-то прокричать или даже потрогать(!). Старики и дети протягивали руки для рукопожатия, мужчины и женщины куда-то зазывали, пытались что-то впарить беленьким русским дурачкам. Кто-то кинул камнем мне в спину – как я решил, из-за невозможности дотянуться рукой. Жена уговаривала не материться по-английски и не показывать средний палец, а использовать русские слова и желательно при этом улыбаться.

– Заткнись, паскуда! Сам иди в свой маленький магазин! – радостно отвечали мы, при этом внутренне паникуя.

Теперь-то я знаю: главная ошибка была в том, что жена надела короткие шорты. Белые женские ноги – этого местные не могли пропустить ни при каких обстоятельствах.

Через двадцать минут мы нашли первый магазин с алко-голем. Ром оказался не таким уж дешевым (если учесть вкусовые качества «Старого монаха», то он должен стоить раза в два-три дешевле водки, и позже окажется, что в Гоа, например, он так и стоит): здесь 0,375 литра стоили сто девяносто пять рупий. Такая цена была напечатана прямо на бутылке. Но продавец убеждал, что цена – двести пятьдесят. «Taxes, taxes», – твердил этот подлец.

– Думаю, вы шутите, – то ли спросил я у продавца, то ли заявил утвердительно. Он развел руками, убеждая, что никакого фокуса тут нет.

Мы пошли дальше, и совсем рядом нашелся еще один магазин с тем же ассортиментом. Я сразу указал на бутылку и протянул двести, не спрашивая цену. Сдачу в пять рупий получить и не надеялся. Так мы добыли свою первую бутылочку рома и принялись за ее распитие в тот же миг. Как будто снова попал в свое отрочество. Совершенно то же самое по ощущениям, что лето в Сибири моей юности: жара, технический спирт и насмешливые гопники со всех сторон.

Проснулся от шума с улицы.

Откуда-то играла безумная музыка, сливающаяся с ревом грузовиков. Не сразу понял, где нахожусь: темная комната без окон, только маленький просвет из щели под балконной дверью, откуда протиснулся крошечный луч света и грохот с завываниями азиатской певицы. Как будто меня новорожденным бросили в мир, лишенный хотя бы чего-то отдаленно знакомого.

Вышел на балкон. В пять утра было почти светло, и автомобильные потоки текли в обе стороны. Очень хотелось пить, но один бы я не решился отправиться на поиски воды, тем более не решился бы пить воду из-под крана. Жена будет спать еще несколько часов, может быть, до полудня. Или даже до трех, так как прошлая ночь упущена, теперь жене, как малому ребенку, нужно компенсировать пропущенные часы сна. Но нет же – я вдруг с радостью вспомнил, что Зафар придет за нами в полдесятого. Значит, я должен разбудить жену в полдевятого, край – в девять, чтобы мы успели позавтракать. А пока нужно было куда-то деть утро. Я достал электронную книгу и уселся прямо на балконе на теплый уже бетон, немного помешкал, читая какие-то рассказы, но решение было принято: я больше не должен откладывать чтение «Бесов». Раз на мою долю выпал отпуск,

край которого пока не виден, нужно прочесть все главное, до чего не доходили руки. Вот такое получилось утро: индийцы под балконом и грохот их музыки, Достоевский, жажда и смутное предчувствие тоски по родине.

Вчерашний вечер – первый вечер в Индии – был скопан в памяти после рома. От небольшой порции меня вырвало, и позже я хотел выпить пива. Наш коридорный предлагал мне бутылку местного пива за сто семьдесят пять рупий, что было немислимой дерзостью. Помню, как лег спать трезвый, с легкой тошнотой и больной головой, предварительно отругав коридорного и заявив, что все индийцы лжецы и жулики. «Очень плохая карма! Ганди плачет на небесах!»

3

На второй день в гостиницу начали заселяться европейцы. Пока ожидал Зафара, успел увидеть с балкона две белые пары: улыбающаяся семейка, жуткие старички, попавшие в реальность из кинофильма Дэвида Линча, и молодые парень с девушкой, наши с женой ровесники. Я видел, как парень пошел купить сока через дорогу – туда, где около обоссанной стены черный человечек выжимал лаймы за небольшим столом на колесиках. Вместо соковыжималки он использовал какую-то огромную блестящую мясорубку. Парень поторговался, договорился о цене. Черный человечек выжал сок в стакан и тут же опрокинул в маленький полиэтиленовый пакетик, перелил, ловко завязал и протянул парню. Тот растерялся: он не успел объяснить, что хотел бы пить из стакана, как нормальные люди. Недоуменно расплатился, взял сок аккуратно, будто нес аквариумную рыбку, пошел в гостиницу, озираясь на приветствия прохожих, проезжающих местных и на бодрые призывы «такси, такси»

от рикш на тук-туках и трехколесных велосипедах с пассажирскими местами.

– Сейчас я проведу вас по парку и расскажу историю Тадж-Махала, – сказал Зафар.

Мне потребовалось несколько попыток, чтобы донести до него на английском:

– Нет, пожалуйста, не надо. Довези нас, высади у парка, и мы сами прогуляемся. Наш английский очень плох, мы не сможем понять тебя. Мы просто посмотрим, а историю прочтем в «Википедии».

Зафар удивился, несколько раз переспросил, потом согласился:

– Хорошо. Я высажу вас и буду ждать в этом кафе. Никому не верьте, спрячьте подальше деньги и документы. А когда вернетесь, я покажу вам лучшие достопримечательности Агры. – Он остановил машину. – Я буду здесь. – Он еще раз указал на кафе. И повторил: – Никому не верьте. Каждый будет пытаться обмануть вас.

– Что он говорит? – спросила жена.

– Что каждый попытается нас наебать.

– А. Ну это мог бы и не говорить, – ответила она.

Я сказал Зафару:

– Мы вернемся через двадцать или тридцать минут.

– Двадцать минут? Да вам понадобится два часа! И никому не говорите, что вы русские. Говорите, что вы из Франции. Не русские, лучше не говорите, что вы русские.

Да, наши соотечественники своим лихим поведением сильно поднимают ценники во многих туристических местах. Но я и без Зафара старался не говорить местным жуликам, откуда я. Либо же называл Казахстан или что-то в этом роде. Старался назвать такую страну, название которой им ни о чем бы не сказало.

В парке оказалось довольно много белых, пару раз я услышал русскую речь и даже русскую брань. Но гораздо

больше было местных, они пытались продать колокольчики и другие сувениры, рикши-велосипедисты приглашали покататься, не давая ни на минуту остаться наедине со своими мыслями. Предложений было гораздо больше, чем спроса. Природа соседствовала с торговлей. В этом красивом парке щебетали птицы и усталые обезьяны сидели прямо на колючей проволоке, отгораживающей газоны. Сидели, глупые, не боясь за свои гениталии, и мне подумалось, что можно было бы устроить какое-то менее опасное ограждение. Это, предназначенное для людей, приносило страдания обезьянам: наверняка не один самец оставил свои яйца на этих заборах.

За нами увязался мальчик лет четырех, с колокольчиками. Мы быстро шли к Тадж-Махалу, а он метров на пятьсот прилип к нам – показывал товар и говорил что-то непонятное. Улыбались и отказывались, отказывались и вежливо улыбались. Устав от него, побежали вперед. Мальчик остановился и смотрел на нас, смеясь. Мы замедлились до шага, а через минуту увидели, что он уже бежит к нам. Бежит и протягивает на бегу руку со своими колокольчиками. Мы опять побежали, и тогда, поняв, что не догонит, мальчик утратил к нам интерес.

За билетами в храм тянулась огромная очередь. Сам билет стоил пятьсот рупий. Нам хотелось бы попасть внутрь, вернее, жене хотелось бы, а мне было все равно. Я думал так: хорошо, если окажемся, хорошо, если не окажемся, – я всегда был равнодушен к декорациям, а в Индии меня интересовало одно: как можно скорее попасть на море. Место можно узнать, только пожив и поработав там. Но, с другой стороны, раз уж мы здесь оказались, почему нет? Можно и отстоять в очереди лохом, и потратиться на билет, и даже походить дурачком-туристом. Поэтому я сказал:

– Если хочешь, пойдем внутрь. Подумаешь, шестьсот руплей на двоих. У нас медовый месяц.

Но очередь и стоимость билета отпугнули жену. Один из этих факторов она бы приняла, но не два. Поэтому мы просто пошли вдоль высоких стен в поисках места, откуда можно будет хотя бы увидеть храм. Не нашли, зато хорошо прогулялись по совсем безлюдному маленькому парку. Там было много белок, много ящеров и большие попугаи сидели прямо на стенах, цепляясь лапками за щели между кирпичами. А за этими высокими стенами где-то был храм.

Минут двадцать Зафар возил нас по городу. Он что-то рассказывал, но я перестал прилагать усилия, чтобы понять его речь. Просто смотрел в окно. Так что Зафар говорил сам с собой, а мы с женой думали каждый о своем. Наконец Зафар сказал:

– Сейчас я завезу вас в супермаркет.

Он использовал слово mall, и я решил, что это значит «супермаркет». Мы с женой давно хотели пива (чтобы ускорить период акклиматизации и психологической адаптации) и вообще купить себе в номер овощей, фруктов, растительного масла, тарелку и нож, чтобы не тратиться в кафе. Я представил себе огромный mall с множеством отделов – дал слабину.

Однако место, к которому Зафар нас подвез, совсем не напоминало супермаркет. Это был какой-то двухэтажный магазин-особняк с ковром перед входом. Мы подошли поближе, пока Зафар курил возле машины.

Специальный дядя распахнул двери, приглашая. – Пойдем обратно в машину, – сказал я жене.

Но Зафар взял нас за плечи и подвел к входу. Мы зашли в этот магазин – магазин дорогих ковров и ваз. Недоуменно посмотрели на ковры и вазы и вышли. Неужели Зафар считает, что нам нужен какой-то дурацкий ковер, чтобы возить его с собой через всю Индию в поездах и автобусах?

– Зафар, лучше отвези нас куда-нибудь, где мы сможем купить пива. Нам не нужно никаких сувениров, мы не хотим тратить деньги.

Я понял, сказал Зафар. Вы люди небогатые. Middle-class, сказал Зафар. Тут он, конечно, заблуждался. Между нами и средним классом была непреодолимая пропасть. Наверное, он не мог себе представить, что в России есть люди, которые зарабатывают меньше, чем он. Что в России живет множество людей без своей квартиры и сбережений и точно так же, как в Индии, очень мало возможности выбраться из нищеты в твердый средний. Но наши бедняки, да, могут иной раз скопить денежек и отправиться попутешествовать по Азии. Или удаленно работать и чувствовать себя обеспеченными в Гоа, на Бали или в Паттайе.

Я ответил Зафару, что между мидл-классом и нами – великая китайская стена. Он решил, что это шутка.

Но как бы там ни было, магазин с пивом откроется через час, сказал Зафар. Но, может быть, вы хотите немного «гасись»?

– Да, «гасись», чтобы курить. Хотите?

– Нет-нет, Зафар. Только алкоголь. No smoking drugs.

– Хорошо, хорошо. Просто предложил. Отличный гашиш.

Если вы покупаете десять граммов, это стоит три тысячи рупий. Если вы покупаете двадцать граммов – пять тысяч.

Я посчитал: двадцать граммов – три тысячи рублей. Очень недорого. И сказал об этом жене. Сам-то я уже много лет назад с этим покончил, но, может, купить ей немного? Она ответила, что два года назад это стоило в три раза дешевле.

– Нет, Зафар. Нам ничего не нужно, – сказал я. – Лучше отвези нас поесть.

Вчера за множеством впечатлений ужин мы как-то пропустили, а включенный в стоимость номера завтрак состоял всего лишь из чая и тостов. Этим утром в полдвенадцатого я уже был голоден как черт.

Зафар отвез нас обедать, а когда мы вышли из кафе, забежал туда поговорить с хозяином. Наверняка и тут у него был свой процент.

Оказалось, что магазинчик с пивом находится по соседству с магазином, в котором мы вчера покупали ром. Но пивной был совсем неприметен – как место на базаре (хотя город Агра вообще напоминает один большой рынок, как, видимо, и вся Индия) – точка всего с одним небольшим холодильником. Несколько местных играли тут в карты, сидя на пивных коробках Kingfisher, и пили пиво из бутылок 0,65. Я сказал, что мне нужно четыре бутылки. Один из игроков неохотно оторвался от игры, подошел к прилавку и вопросительно уставился на меня. Я показал ему на пальцах: четыре. И руками – высоту бутылки. Сказал: «Kingfisher. How much?» Человек взял калькулятор, ткнул в цифры и показал мне, сколько это будет стоить: четыреста восемьдесят. Цена мне категорически не понравилась. Я махнул рукой, прощаясь. Человек вернулся к картам, я пошел к Зафаровой машине. Ладно, последний вечер в этом городе проведем без алкоголя.

4

В полдень нужно было выселяться. В десять наши вещи были собраны, завтрак съеден. Мы решили сходить за местной сим-картой, пока есть свободное время. До сих пор еще ни с кем не связывались, разве что жена написала эсэмэс с московского номера своей маме. У «Мегафона» одно эсэмэс-сообщение стоит рублей семьдесят в международном роуминге.

Точка продажи сим-карт выглядела, как очередная торговая точка на рынке. Продавец попросил мой паспорт, я протянул. Он долго изучал паспорт, несколько раз что-то спросил у меня.

– Please, speaking slowly, май френд, – ответил я.

Он медленно спросил, где мы остановились. Я сказал, что точного адреса не знаю, но гостиница называется Agra Mahal, и показал, где это находится. Продавец сказал, хорошо, он знает, где это. Но ему еще нужна ксерокопия моего паспорта. Я спросил продавца, может ли он ее сделать. Он ответил, что у него сломался ксерокс, но указал нам место недалеко отсюда. Я начал нервничать. Подумать не мог, что покупка сим-карты представляет собой такую муторную кампанию.

Когда мы вернулись с ксерокопией, продавец сообщил, что еще ему нужна моя фотография. Он бы мог сфотографировать, но не работает принтер.

Я чувствовал себя как непрофессиональный актер в провинциальном театре, потому что все местные жители глазе-ли на нас – белого идиота и терпеливого продавца. Люди замерли, затихли за прилавками и в автомобилях, прохожие остановились у обочины, ожидая развязки.

Я громко высказал по-русски все, что думаю об этом про-давце и сотовой связи в их поганой стране, – русский мат разрядил атмосферу, и все вернулись к своим делам, а мы пошли в гостиницу.

Отдал на ресепшене ключ, и мы сели в холле с рюкза-ками. Ждали Зафара. Вчера он обещал, что в двенадцать тридцать привезет нам билет на поезд, доставит нас на вок-зал, получит «щедрый чаевые» и посадит на поезд. В двенад-цать сорок пять мы начали нервничать. Зафар не приехал ни в тринадцать часов, ни в четырнадцать. Мы сидели с электронными книгами, злились, читали, успокаивали друг друга, опять читали, опять злились, ругали друг друга и про-клинали Зафара. У нас не было даже номера телефона Трэ-вел-центра в Дели, у нас не было номера Зафара, у нас не было ничего. Нас, таких неопытных путешественников, ки-нули в два счета, и непонятно, что теперь делать. Выход был

один – ехать на вокзал и пытаться купить билет самостоятельно. Но мы все еще надеялись, что все как-то разрешится само собой. Менеджера гостиницы не было, так бы можно было попросить его позвонить Зафару – они были хорошо знакомы, как я понял. Я пытался спросить у человека с ресепшена, где менеджер, но никак не удавалось объясниться. Наконец у нас получилось какое-то подобие беседы.

Человек с ресепшена: «Когда приедет ваш водитель?»

Я: «Не знаю. Он обманул нас. Он должен был приехать в двенадцать часов. У нас нет билетов на поезд, они должны быть у водителя».

ЧСР: «Где? Ваш? Водитель?»

Я: «Я. Не. Знаю. Наш. Водитель. Солгал. Нам».

ЧСР: «Вы знаете, где ваш водитель?»

Я: «Не знаю. Позвоните менеджеру. Позвоните главному человеку в этой гостинице, он должен знать, как позвонить Зафару».

Наконец человек с ресепшена понял меня. Секрет был в том, чтобы сказать одно и то же с помощью наибольшего количества разных фраз. Тогда есть шанс, что два человека, плохо владеющие английским, поймут друг друга. Человек с ресепшена позвонил куда-то, поговорил с кем-то.

Он сообщил мне:

– Ваш водитель приедет в пять часов.

Что ж, мы успокоились, оставили вещи и пошли в бар. В баре сидело несколько похмельных индийцев, а пиво стоило сто двадцать рупий за бутылку 0,65. Столько же, сколько во вчерашнем магазине. Я попросил жареной картошки к пиву.

– Ноу фуд, – ответил бармен.

Мы сели под вентилятором. Было хорошо, и пиво казалось вкусным.

Отошел в гостиничный туалет, оставив жену в холле, а когда вышел, Зафар разговаривал с ней, вальяжно сидя на диванчике.

– Хеллоу, май френд! – Зафар оторвался от ковыряния своей стопы и протянул мне зафаченную руку. Помешкав, я пожал ее:

– Где ты был, Зафар? Мы ждем тебя четыре часа! Ты любишь своих друзей не очень сильно.

Зафар объяснил, что поезд отходит только в семнадцать сорок пять и у нас еще достаточно времени. Но я не позволил Зафару помогать нам, сам погрузил вещи в багажник и старался смотреть как можно более строго.

– Тут же всего двести рупий! – воскликнул он. Наверное, таких скупых русских Зафар еще не встречал за свою карьеру. Во-первых, гашиш у него не купили, во-вторых, коврами и сувенирами не заинтересовались, а теперь еще и это. Честно говоря, я бы дал ему больше чаевых, пусть даже пятьсот или тысячу, лишь бы никогда его больше не видеть и не слышать лишнего слова. А жена настаивала на том, чтобы вообще ничего ему не дать. Или дать сотню – как бы посылая его куда подальше, как плохого официанта.

Мы стояли на стоянке железнодорожной станции с рюкзаками на плечах: у меня большой – с вещами жены, у жены маленький – с моими вещами. Зафар стоял напротив, со своим бриолином в крашенных хной волосах и в чуть затемненных очках, – ушлый дедушка в рубашке и сланцах. Шофер и барыга.

– Май френд, май френд, – качал он головой. Я сказал ему, очень тщательно подбирая слова:

– Дорогой Зафар. Твоя компания взять с нас денег столько, сколько я получаю за один месяц работы в Москве. Но мы в Индии всего три дня! Мы потратили очень много денег за эти три дня. Твои чаевые забрал Трэвел-центр. Плохая компания и плохая карма. Мы не мидл-класс. И мы не наркотики. Мы гораздо беднее тебя, май френд.

Зафар еще раз покачал головой и, убирая деньги в карман, сказал:

– Окей, окей.

Несмотря на разочарование, свою работу он доделал. Объяснил, как найти поезд. Нужно было обратиться к специальному человеку в форме с красным верхом. Показать ему билет, и за десятку специальный человек отведет тебя к поезду.

Местный А-класс очень походил на российский плацкарт. Только немного грязнее, только столики чуть поменьше, но расположение мест такое же: купе на четыре места и два боковых. Зато купе отделялось шторками, и здесь имелась розетка. Людей же на этих местах было значительно больше, чем в вагонах РЖД. На одно место легко умещались двое взрослых, не говоря уже о детях. Для детей, видимо, не требовалось отдельного билета. Индийцы чрезвычайно плодовитый народ, это ни для кого не секрет. Они даже не регистрируют ребенка, пока ему не исполнится три года.

Специальный человек показал наши места. Мы положили рюкзаки и сели. Я дал специальному человеку деньги, но он почему-то не уходил. Он что-то пытался объяснить нам. Просто стоял над нами и что-то говорил. Из всех его слов я смог вычленить только «е драйвер». Что он имел в виду? Зафар попросил его взять с нас лишних денег? Я протянул еще купюру, но специальный человек не взял. Он говорил, говорил, даже обратился за помощью к одному пассажиру. Но пассажир то ли не понял специального человека, то ли не захотел прийти на помощь. Мы так и не выяснили, чего от нас добиваются.

Тем временем поезд тронулся, специальный человек расстроено махнул рукой и пошел на выход. Двери были открыты (индийские проводники вообще не закрывают дверей), и специальный человек ловко выпрыгнул из разгоняющегося поезда на платформу.

Наш билет представлял собой распечатку – мятый обрывок листа А4, на котором были номера поезда, вагона и наших мест плюс время отправления. Напечатанное «17:05» было перечеркнуто, и от руки сверху надписано: «17:45». Цена не была указана, мы могли только гадать, сколько стоил проезд и сколько процентов наварил на нас Трэвел-центр в Дели. Оставалось мотать на ус и стараться впредь быть умнее и не давать себя обмануть.

Проводник прошелся по вагону с большой тетрадкой, смотрел билеты и отмечал пассажиров. Все было нормально, наш мятый клочок оказался действительным. Значит, через тридцать три часа мы окажемся в Гоа. У меня уже были сомнения относительно того, стоит ли нам оттуда ехать дальше, в Кочин. Я немного трусил и даже был готов терпеть обилие русских туристов, затеряться среди них, лишь бы не быть объектом назойливого внимания индийцев. Лишь бы в нас не тыкали пальцем. Морской воздух и недорогая еда – главное. Пусть мы не будем изолированы от соотечественников, зато будем жить в более-менее понятном месте.

Я сказал жене о своих сомнениях; оказалось, что ей приходят те же мысли. Да, попробуем остаться в Гоа на пару недель, на месяц или на весь сезон. Весомый аргумент – деньги. Они испарялись куда быстрее, чем мы рассчитывали. Поэтому мы надеялись, что для нас найдется какая-то подработка в Гоа. Хотя бы в баре друзей жены. Сам я готов был выполнять любую мелкую работу – часа на четыре в день, хотя бы даже просто за еду и карманные деньги. Чтобы из скопленных платить только за аренду жилья и скутера.

Да, это хорошая мысль, сказала жена.

Мне еще должны были прийти деньги за переиздание моей книги «Третья штанина», а жене – какой-то расчет за выслугу. Она отработала семь лет в «Мосэнергосбыте» и

теперь вот бросила стабильную работу, которая давно стояла у нее поперек горла.

Я залез на верхнюю полку и принялся за чтение «Бесов». Вечер, ночь, день, ночь – можно было отдохнуть, помолчать и дочитать роман.

Через несколько минут жена позвала меня на помощь. Я свесил голову вниз и увидел, как она лупит тапкой по стене.

– Таракан, – объяснила жена.

А через двадцать минут сказала, что увидела мышь. Я было не поверил. Думал, жена шутит. Но через минуту услышал визг и хохот в соседнем купе. Кто-то пытался прогнать мышь из-под своей постели.

Однако были и неоспоримые преимущества у индийского вагона класса «А» перед российскими плацкартными. Четыре туалета – как раз хватало, чтобы не было очередей. Три из них Indian style – с дыркой в полу. Я прочитал в интернете, что они, как правило, гораздо чище, и это было правдой. Здесь имелся кран, торчащий из стены, и ковшик на цепочке, чтобы подмываться. Четвертый туалет – Western style – был грязнее. Когда из любопытства я решил им воспользоваться, удивился, что унитаз неправильно собрали. Местный мастер почему-то сначала привинтил крышку, а сверху – стульчак. То есть при опущенном стульчаке воспользоваться унитазом было невозможно.

В России я давно уже старался не ездить на поезде, если в пути надо было провести больше суток, особенно зимой. У нас всегда так топят в вагонах, что дышать совершенно нечем, и мне доводилось терять сознание из-за этой духоты. В Индии, думал я, может быть еще душнее. Но оказалось, что, несмотря на плюс тридцать пять за бортом, в поезде приятно, совсем не жарко и не душно. Во-первых, двери были открыты, а во-вторых, в каждом купе можно было включить вентилятор.

Когда нам надоело сидеть в купе, мы выходили в тамбур, садились прямо в дверном проеме и смотрели на проносящиеся мимо пейзажи: пальмы, холмы, деревни, свалки. Мусор валялся повсюду вдоль железнодорожных путей. Со времен, описываемых Ганди в его книгах, мало что изменилось: уборщики выкидывали мусор из своих мешков и ведер прямо в открытые двери, навстречу ветру.

Если не брать в расчет шумевших детей (с нами в купе на двух сиденьях ехала молодая семья из четырех человек) и надоедливых людей, раздвигавших шторы, предлагая «тъяй» и кофе, самосы (местный веганский фастфуд, на который я скоро плотно подсяду) и «омлет, котлет», «колд гуд вотер» и прочее, то можно сказать, что поездка прошла очень хорошо. Выспались и успокоились, и я приближался к кровавой развязке «Бесов».

Наконец Ставрогин записался в граждане кантона Ури и повесился. Я выключил светильник и долго лежал на полке в темноте, прислушиваясь к своим ощущениям. За последние восемь лет я поменял много мест жительства: родительская квартира, общаги и съемные квартиры в Москве и Петербурге, пытался жить в Казани. Каждый раз, приезжая в новый дом, чувствовал себя по-настоящему живым неделю или месяц, обустроивался, находил или не находил работу. Но потом снова как будто засыпал, впадал в кому. А случалось, невыносимо тосковал по тому, чего у меня никогда не было: нормальной жизни, пятидневке, оплачиваемому больничному, собственной квартире, пусть даже взятой в ипотеку; домашней библиотеке, комнате, оборудованной под писательский кабинет и домашнюю студию звукозаписи; ученой степени, развитому интеллекту, сформировавшимся взглядам на общественно-политические процессы. Зажмурить глаза и перенестись в точку, в которой ты – сложившийся человек, в которой начинается финишная прямая. Но, видимо, я хотел этого благополучия не настолько

искренне, как мечтал в отрочестве о том, чтобы иметь секс, писать книги и читать какой-то особенный рэп, имея свою верную аудиторию. Секс, книги, рэп и даже небольшая аудитория – со временем сбылось буквально, но не принесло удовлетворения. Может, если я по-настоящему мечтану об обывательском интеллигентском благополучии, мирно сосуществующем с творческой жизнью, и это сбудется через семь или десять лет.

Понервничать пришлось только в час прибытия. В билете было написано, что поезд прибывает на нашу станцию Маггао в пять ноль пять. Но, поскольку поезд отправился на сорок минут позже, я решил, что приедет он соответственно в пять сорок пять. Просто принял свое мнение как истину и поставил будильник на пять двадцать.

Я почти всегда просыпаюсь за несколько минут до будильника, и, когда проснулся в пять десять, в вагоне уже никого не было, только уборщики и проводники.

Я спрыгнул с верхней полки (жена, естественно, спала) и подошел к дверям.

Поезд тронулся.

И тут я подумал, что я идиот. Ведь исправлено ручкой в нашем билете только время отправления. Время прибытия не было исправлено, нет.

Я быстро вернулся к нашим местам, разбудил жену, и мы собрали вещи. Мы взяли карту и подошли к проводнику.

– Простите, – сказал я, разворачивая карту, – покажите, пожалуйста, где мы сейчас находимся?

Он внимательно уставился в карту. С серьезным видом смотрел туда минуту, потом стал смотреть на меня.

– Скажите, какая станция следующая?

Он сказал что-то непонятное.

Я несколько раз повторил свою просьбу – с разными интонациями, стараясь каждый раз использовать разные слова. Еще раз показал ему карту и спросил:

– Где мы сейчас?

Тогда проводник ткнул куда-то в центр материка. Поводил-поводил пальцем и ответил:

– Мы здесь.

Пока внутренний «я» падал в пропасть, внешний «я» общил жене:

– Похоже, мы вообще сели не в тот поезд.

Наверное, такое возможно в этой стране.

Уселся на чужое место в чужом поезде и приехал жить чужой жизнью. Проводник подозвал еще какого-то человека, они вместе долго изучали карту, потом плюнули и пошли собирать белье.

Мы стояли в тамбуре, смотрели на рассвет и не знали, что делать. Через двадцать минут жена увидела указатель на аэропорт Гоа.

– Все нормально, – сказала она.

Мы просто проехали свою станцию. Когда поезд немного замедлился, жена предложила выпрыгнуть из вагона. Идея была заманчивой, но все-таки мы решили, что лучше доехать до станции. Там у нас будет больше шансов найти автобус до города Marusa, от которого рукой подать до нужной нам деревни. Поэтому я рассудил так:

– Пассажиров в поезде нет. Думаю, следующая – конечная и она скоро будет.

И на этот раз нам повезло.

Это был тот редкий случай, когда привычные законы логики сработали здесь.

Мы вышли на станции Vasco da Gama – по карте это было не так уж далеко от той точки, в которую мы сейчас стремились попасть. Новое утро – утро дня, когда я увижу море. Море было где-то рядом, я чувствовал его свежесть, слышал его запах.

Железнодорожная станция в городе, названном в честь первого португальского колонизатора, была совсем небольшая. Как какая-нибудь, скажем, станция «Воронок» в Подмоскowie. Утренний таксист сразу заметил нас и закричал:

– Такси-такси!

– Чапора. Семьсот рупий, – сказал я.

– Нет, Чапора – тысяча рупий, – ответил таксист.

Я еще раз пересчитал деньги так, чтобы он видел, сколько их у нас.

– Мы имеем только восемьсот. Как насчет восьмисот? Таксист покачал головой:

– Тысяча триста.

Видимо, он иначе смотрел на самую суть торга. Либо это была импровизация – сыграть на повышение. Мы махнули рукой и пошли искать автобус. Таксист даже не попытался нас остановить. Наверное, у него был нюх на нормальных туристов с деньгами, и они пахли совсем не так, как я и моя жена.

Как выяснилось, нам нужно было делать пересадки – от Васко да Гама доехать до Панджима – столицы Гоа, оттуда до города Мапуса (или Мапса, как говорят местные), а оттуда уже до деревни Чапора. Вообще разница между ценой проезда на такси и общественном транспорте в Индии поразительна. Проехать тридцать-сорок километров на автобусе стоило десять-двадцать рупий. Наверное, таксисты здесь относительно богатые люди.

Море было совсем близко. Я чувствовал волнение, что-то вроде того, как в детстве перед днем рождения. Мне не верилось, что сегодня я искупаюсь, и в то же время я знал, что это случится.

Впервые я плавал в море в начале года – после самой удачной в моей жизни халтуры мы слетали в Таиланд. С тех

пор мне постоянно снилась морская вода. С тех пор я думал, что только на море и стоит жить. Наверное, я был слишком наивен и слишком большое значение придал пустяку. Но зато в ближайшие несколько месяцев я буду жить на море. Конечно, должен быть какой-то подвох, я это прекрасно понимал, но впервые за долгие годы позволял себе наивную радость. И когда первый автобус, в который мы сели, выехал на побережье, у меня что-то взорвалось внутри яркими мыльными пузырями. Мы сидели с рюкзаками, в духоте, единственные белые среди набившихся утренних индийцев, но сквозь них было видно утро и море, и я радовался вопреки всегдашней привычке оценивать происходящее со знаком минус.

Мы решили снять самую дешевую комнату, какую только можно будет найти, взять напрокат скутер, а потом сразу заняться покупкой сим-карты и позвонить знакомым жены. Но сначала нужно было принять душ и скинуть рюкзаки.

В первом гестхаусе не было свободных номеров, зато с нами сразу же познакомился какой-то паренек. Я угадал в нем русского еще до того, как он сказал свое «привет».

– Я Саша, – представился он. – Вы хотите снять комнату? Вот и я хочу.

– Только приехал? – спросил я.

– Нет. Я уже две недели тут.

– А где жил до этого?

Он объяснил, что спал под деревом:

– Там хорошо. Я покажу вам это дерево. Но теперь хочу поспать немного в постели.

Саша был немного не в себе. Мы пошли в другой гестхаус, и он увязался за нами. Рассказал, что остался без паспорта и путешествует уже несколько месяцев. Ходил из Непала пешком. Тем временем мы нашли дешевую комнату – двести рупий в сутки. Выглядела она не очень вдохновляюще,

зато здесь был отдельный душ и туалет, хотя за такую цену обычно получаешь лишь спальню.

Саша зашел с нами, когда нам показывали комнату, и, увидев, что тут две кровати, сел на одну из них:

– О, как прикольно. Настоящая кровать, как давно я не спал на кровати. Я буду жить с вами.

Мы переглянулись. В наши планы не входило жить с наркоманом и безумцем.

– У нас вроде как медовый месяц, – сказал я.

Я заплатил сонному индусу за два дня в гестхаусе и дал Саше денег, чтобы он сходил за пивом, пока мы принимаем душ и раскладываем вещи.

– Надо скорее слить этого парня. Он явно не в себе.

Мы выпили по бутылке пива Kingfisher (пятьдесят две рупии бутылка 0,65) и пошли завтракать. За завтраком Саша еще рассказал о себе. Нес он совершеннейшую чушь. О том, что взял друга в горы и сделал его богом. Друг не умел распоряжаться энергией, Саша сделал его богом и теперь жалеет об этом. И еще о том, что его (Сашина) мать – это земля, а других родителей у него нет. А еще он сказал, что есть мир материальный и нематериальный и он смешал два этих мира, переспав с женщиной. На этом месте мне пришлось сообщить ему, что я сомневаюсь в его адекватности и умственных способностях.

Жена предположила, что Саша несколько лет назад побывал на Казантипе и там все и закрутилось. Да, согласился Саша. Наркотики помогают ему, если правильно их использовать.

Рядом с кафе, в котором мы позавтракали, был прокат скутеров. Там было всего два свободных. Я спросил, можно ли снять скутер на два дня? Нет, как минимум неделя. Человек из проката указал на задрипанный Honda Activa – тысяча пятьдесят рупий за неделю. И на более-менее новый, желтенький и красивый Honda Dio – тысяча пятьсот рупий.

Ладно, я сказал, что мне годится задрипанный. Саша сказал, что, пожалуй, тоже возьмет скутер. Я отдал ксерокопию паспорта, сделанную в Агре во время неудачной попытки приобрести сим-карту, и деньги. Оригинал паспорта даже не понадобился.

Саша попросил:

– У меня же нет паспорта. Сними скутер мне. Я заплачу.

Вообще мне всегда сложно отказывать людям. Но снимать на свое имя скутер для наркомана, у которого нет паспорта, – от этого я смог отказаться.

Недавно женился, поэтому смог. Не будь я половинкой ячейки общества, воспитывающим в себе конформиста молодым мужем, возможно, поступил бы иначе.

– Не выйдет, Саша, – максимально мягко, насколько смог, сказал я. – Я вижу тебя впервые. И мне это на хрен не надо.

Я предложил ему садиться с нами третьим и показать, где пляж. Саша был немного разочарован, но, видимо, сейчас оставаться одному ему совсем не хотелось. Мы втроем уселись на скутер и поехали.

– Если полиция вас остановит, придется платить! – крикнул вдогонку работник проката.

Стаж вождения скутера у меня был всего четыре дня. Помню, как не хотел снимать его в начале года в Таиланде. Мне казалось, что я угроблю себя и, главное, свою жену (тогда еще девушку). Но как только сел за руль – успокоился. Водить скутер оказалось проще, чем играть в автосимуляторы, а только в них я и играл в свое время.

И сейчас первые пятьдесят метров было непривычно везти двоих пассажиров, но я быстро втянулся. Наркоман и гомосексуалист Саша весил килограммов пятьдесят пять, а моя жена едва ли сорок пять, так что на скутере нам хватало места.

Вагатор оказался огромным пляжем, усеянным индийцами. Автобусы привозили сюда их из других городов, и

стоило одному автобусу отъехать, как тут же подъезжал другой. Я даже немного разочаровался в море, но нужно было просто преодолеть первые двадцать метров. На глубину индийцы не заходили, здесь дежурили спасатели, одетые по типу спасателей Малибу, только маленькие и черненькие, они смотрели за этим: белым людям можно было заплывать куда угодно, жителям Индии – нельзя. Они не умели плавать.

Так что, заплыв дальше плещущихся в «лягушатнике», я успокоился и просто плыл. Пытался сохранить этот момент, но он оказался чуть слабее, чем его ожидание. Ладно, говорил я себе, это не единственный пляж, ты найдешь хороший пляж, будешь ездить туда каждый день, плавать и вдыхать жизнь, здоровье твое поправится, ты вернешься домой крепышом с бычьей шеей и больше не будешь падать в обморок в душных поездах и клубах.

Под предлогом назначенной встречи со знакомыми, мы спросили Сашу, куда его отвезти, и отвезли к Джус-центру. Самому тусовому месту в Чапоре, где с раннего утра до поздней ночи можно выпить дешевого свежавыжатого сока, съесть в долг кукурузину и дальше ждать, пока кто-нибудь угостит тебя наркотиками.

Нам нужно было как-то купить сим-карту. Но я решил, что на сегодня хватит впечатлений и я морально не готов этим заниматься. Жена тоже не особо горела желанием. Она сказала, что можно попробовать найти бар, принадлежащий ее знакомым, но, скорее всего, бар еще закрыт. Поэтому я предложил просто сесть возле магазина, купить пива или вина и смотреть на дорогу. Сейчас такое времяпрепровождение, казалось мне, стоило целой жизни.

Не успели мы присесть на бордюр, как знакомые жены сами подъехали к магазину. Это были парень и девушка – Игорь и Маша. Жена представила нас. Игорь и Маша предложили позавтракать вместе (для нас уже пообедать)

и за трапезой рассказали, какие здесь нас ждут карьерные перспективы.

7

Стоит где-то обосноваться, и время тут же начинает стремительно утекать. Когда я просматриваю свои видеозаписи, то понимаю, что только первые дни в Индии остро чувствовал, как протекает мое существование. Каждый день что-то снимал – по нескольку скетчей, фиксировал пейзажи, запечатлевал туалеты, свалки и здания. Вел дневник своего скромного путешествия. А спустя неделю уже не прикасался ни к видеокамере, ни к файлу с заметками.

Так же и с памятью. Первые дни яркие, а дальше все воспоминания спутываются в один клубок, хронология нарушается и интерес к систематизации гаснет. Но я знаю, что нужно преодолеть себя и немного углубиться, и все начнет выплывать из пелены, как оно есть.

Мы поселились в уютном доме, куда вскоре должны были подселиться два бармена. Так что платить нам нужно было только половину денег – шесть тысяч рупий в месяц. Но первое время, две недели, дом был полностью в нашем – моем и жены – распоряжении. Три комнаты и кухня, два туалета и чтение электронных книг на матрасах под вентиляторами.

Хозяина звали Джон, приятный молодой индеец-трезвенник. На его территории было два дома – в одном жила его семья, второй теперь сдавался нам. В каждой комнате был небольшой молитвенник со светящимся крестом и Иисусом Христом. От португальцев большинству гоанцев досталась католическая вера. Дом был расположен на стыке деревень Анжуна и Ассагао, напротив заведения под названием Superbar, в пятнадцати минутах езды от лучших

пляжей, в десяти минутах езды от города Мапса, где можно было купить все или почти все, и в пяти минутах езды от клуба, где мы скоро начнем работать.

Но пока клуб еще ремонтировали, и мы просто проматывали деньги, помимо чтения ездили на пляж, а по вечерам пили местное пиво и дешевый джин. Я был единственным белым, кто вечером и ночью заходил в «Супербар». Жена ложилась раньше, а я переходил дорогу, здоровался с хозяином, как со старым приятелем, подходил к холодильнику, доставал бутылку Kingfisher и смотрел телевизор в липкой вони замечательного локал-бара в компании стареющих местных пьяниц.

В Гоа много таких грязных уютных баров, где алкоголь стоит не дороже, чем в магазинах, и унылые пенсионеры просиживают здесь каждый вечер перед телевизором со стаканом в руке. В индийских фильмах бравые усачи храбро дрались, влюблялись в отбеленных красавиц с первого взгляда, пели, танцевали, но никогда не целовались – только невинные объятия. Представлял, что я уже в Москве, много работаю в очередном офисе или на складе и тоскую по этой деревенской жизни и супербару, которые очень скоро отойдут в прошлое.

После «Бесов» прочитал переписку Толстого и Ганди, все романы Джона Кутзее и еще несколько книг. В книге Лимонова «В плену у мертвецов» наткнулся на хорошую систему ежедневных тренировок и тщательно следовал ей каждое утро. Можно было использовать это свободное время и написать книгу, но я находил себе оправдание: у меня нет письменного стола.

В целях экономии решил соорудить стол самостоятельно. Несколько дней (а в Индии по неписаному закону все происходит очень медленно) мне понадобилось, чтобы найти доску. Я заезжал на лесопилку, но работники не понимали английских и русских слов. Искал на свалках, и

даже присматривался к дорожным знакам – снять и увезти домой, – и наконец нашел отличную доску в придорожном мусоре. За нашим домом отыскал палки, из которых можно было изготовить ножки стола. Потом купил дрель в супермаркете Oxford (пригодится, подумал), но дрель оказалась никуда не годной. Магазин отказался вернуть за нее деньги, но зато согласился обменять на продукты. В конце концов соорудил маленький столик при помощи ручного сверла, которое мне дал Джон. Стол получился неустойчивым и слишком низким, неудобным для того, чтобы за ним «работать». Можно было перекрутить ножки, но делать это еще раз вручную было выше моих сил.

Я разломал мою поделку о каменный забор и купил в Мапсе складной столик, удобный и простой, всего за семьсот рупий. Протянул веревку в коридорчике между комнатами и кухней, отгородился покрывалом, и теперь у меня появился писательский кабинет. Пытался проводить в нем хотя бы пару часов в день за работой по издательству «Ил-music» (мои первые шаги в малом бизнесе) и писательством. Но работы по «Ил-music» было мало – вычитать и сверстать одну книгу, а для писательства я снова как будто не был готов.

Иногда мы ездили в соседний штат на Парадиз-бич. Нужно было сорок минут ехать до парома, потом с множеством других мотоциклистов пересечь реку (паром перевозил бесплатно). А еще через пятнадцать минут мы оказывались на воистину райском пляже: широкая полоса белого песка, уходящая вдаль, и восхитительное голубое море.

В сидячем поезде мы на два дня съездили в город Горкарна, на пляж Ом-бич. Это тихое место, где сдаются бунгало на берегу за двести пятьдесят – пятьсот рупий и можно съесть лучшее в Индии Veg. Thali. За восемьдесят рупий – большая порция риса плюс лепешка чапати, а также несколько соусов и разных миксов из печеных и жареных овощей. Что-то вроде местного бизнес-ланча. В Гоа я

ел тали по пятьдесят рупий, но на Ом-бич оно было действительно вкусным и сытным. А еще здесь у меня появилась мечта. Наверное, солнце немного выжгло мои мозги, и однажды, когда мы загрузились в лодку, чтобы доплыть от пляжа до сердца Гокарны, к базарчикам и домам, я вдруг понял, что должен купить лодку. Да, лодку, мест на пятнадцать, и перевозить людей с пляжа на пляж. Сейчас я сидел в качестве пассажира, рукой разрезая морскую гладь, и завидовал хозяину этой лодки, его, как мне представлялось, значительной, но простой и понятной жизни, его здоровью и знанию(?) твердых принципов существования. Я был бы по-настоящему счастлив, будь у меня лодка и такая работа.

Пока мы с женой гуляли по базарам и осматривали Гокарну, я чересчур эмоционально делился своими планами: на последние деньги купить лодку и мотор, проконсультироваться у Игоря и Маши, давно тут живущих и знающих, как договориться с полицией о таком бизнесе и сколько за это нужно платить, и перевозить людей с пляжа на пляж в Гоа. Каждый день несколько пляжей: Вагатор – Морджим – Ашвем – Арамболь. Редкие непредвиденные ситуации, но в целом понятная и хорошая работа, дарующая вселенское спокойствие.

Жена отнеслась к моей мечте скептически.

– Если бы это было просто, кто-то уже давно бы это сделал. Почему в Гокарне такое есть, а в Гоа нет? – спросила она.

Жена напомнила мне о прошлом моем проекте. Несколько дней назад я придумал продавать возле Супербара суперсуп. Каждый день готовить огромную кастрюлю супа и продавать его по низкой цене, так же, как местные жители продают фастфуд и кокосы. Первый раз давать на пробу бесплатно. Мне многие знакомые говорили, что в плане овощных супов я непревзойденный мастер, и я хотел использовать этот свой талант.

Три дня я рекламировал свой проект и говорил, что скоро его запущу. Но оказалось, что я не могу себе даже представить, как это будет выглядеть. Что, поставлю стол с этой огромной кастрюлей перед супербаром и встану там как ишак? Я спасовал, так и не попробовав.

Но с лодкой – совсем другое дело. Мы немного поругались на этой почве, и я сказал жене, что ей не удастся вот так погубить светлую мечту. Она должна разделить ее со мной, и тогда все получится.

Тогда жена скрестила пальцы и сказала:

– Давай. Я в тебя верю.

Но когда мы вернулись в Гоа, оказалось, что клуб вот-вот откроется.

Скоро мы приступили к работе: мыли посуду и помогали по бару. Смешивали простейшие коктейли и собирали пустые стаканы. Я представлял себе все совсем иначе: тихое заведение на берегу, несколько часов работы в день и мечтательное утро, посвященное себе. Но заведение оказалось немного другого плана: ненавистная мне музыка в стиле техно и толпа постоянно обнюханных кокаином и накушавшихся MDMA людей. Я вдруг оказался в безумном зоопарке, почти без выходных работая с восьми-девяти вечера до шести-восьми утра. Зарядке и писательскому кабинету больше не было места в жизни, зато по голове барабанили сумасшедшие наркодиджеи, а желудок постоянно был наполнен коктейлями, которые я прежде никогда не пробовал.

Лодка потонула.

Должен признаться, несмотря ни на что, сначала мне это нравилось. После месяца безделья мы с женой нажились

на работу, как голодные, труд освежил нас и заставил организм вырабатывать эндорфины.

Был декабрь, самый разгар сезона, и каждую ночь в зал набивалось много людей. В основном это были индийские примодненные пикаперы и просто богатенькие красавчики, арт-директора других заведений и сутенеры, мелкие барыги и бездельники, европейские туристы и вечные студенты, застрявшие тут на несколько лет, а также русские или украинские девушки. К моему сожалению и стыду, водились среди них и легкодоступные, которых можно было увидеть чуть ли не каждый вечер в новых объятиях. Было неудобно за своих соотечественниц, но местным ловеласам это было очень на руку – белые цыпочки и их свободные европейские нравы.

Вся эта пелена дыма от косяков с гашишем и мелкого порока делала мир нереальным, здесь не было ничего от взрослой жизни, это было бесконечное отрочество. Постоянные посетители проводили тут почти все вечера и ночи, как школьники на дискотеках, будто у них только началось половое созревание, будто они просто не знали, что делать со своей неуклюжей сексуальной энергией.

Я был немного озадачен: прежде я не сталкивался с такой жизнью, и то, что для кого-то это может представлять интерес, было для меня странно. Сперва я старался каждую смену понемногу говорить с посетителями по-английски, чтобы дотянуть свой уровень знания с «тройки с минусом» хотя бы до «твердой тройки». Но быстро понял, что мне лучше работать в режиме молчаливого робота. Хотя был высокий симпатяга индеец по имени (почему-то) Иван, с которым я охотно поддерживал беседу. Он обычно, приходя, обнимал всех нас, работавших в клубе, и, казалось, действительно искренне любил нас. Будь я в зале или за стойкой, он, очень высокий, мог дотянуться со своими объятиями до самых труднодоступных мест. Обнимаясь, он говорил:

– Я убью тебя своей любовью. Во мне чрезвычайно много добра и любви.

Он выпивал несколько бутылок «Туборга» и пьянел на глазах, иногда спрашивал о впечатлениях от Гоа, о России, о том, чем я занимался там, и о том, сколько я зарабатывал/зарабатываю там и здесь. Потом он обнимал весь персонал на прощание и уходил.

Мы просыпались в середине дня, ехали есть (так как работы было очень много, платили нам хорошо по местным меркам и сносно – по московским; мы могли позволить себе не только ежедневно есть в недорогих кафе, но и откладывать деньги), потом недолго купались, возвращались домой и валялись с книжками на постели. Вечер наступал очень быстро, и скоро нам надо было ехать на базарчик за фруктами и овощами. Купить для бара бананы, клубнику, лаймы, огурцы, томаты черри, мяту, базилик, апельсины, яблоки.

Открывали клуб, нарезали лаймы, мыли остальные фрукты, готовили лимонный сок и сахарный сироп. Приезжал Игорь и подключал аппаратуру, врубал музыку. В первые часы – один-два посетителя, а потом все больше и больше; вот уже кто-то пляшет, а кто-то уткнулся в пивную бутылку. Мы с женой мыли и собирали стаканы в зале и мешали простые миксы, когда бармены – девушка Женя и парень Ваня – не успевали.

Должен признаться, что жена гораздо быстрее осваивалась – начинала понимать, чего хотят клиенты, и охотно поддерживала разговор, когда я не мог ничего разобрать в сомнительном здешнем английском сквозь музыку. Наверное, сказывался опыт: она сама прошла через подобное в годы юности – легкие наркотики, танцы и большие вечеринки, все это ей не было ново – музыка техно, транс и драм-н-басс. Я с ужасом наблюдал, что моя жена даже улыбается и пританцовывает. Я немного побаивался, что

она начнет здесь употреблять наркотики, – посетители постоянно предлагали нам угоститься кокаином или еще какой-нибудь гадостью, не говоря уже о косяках, которые раскуривались не реже обычных сигарет. Но жена уверяла, что я могу быть спокоен: все эксперименты с наркотой остались в ушедшей юности.

Благодаря ее собранности и дружелюбию, ее полюбили клиенты и оставляли много чаевых. Даже у меня появлялись свои поклонники среди алкашей, хоть я был угрюм и молчалив.

Заметил, что пьяницы привязываются к барменам, как маленькие. Особенно к Жене – она была главной в баре: восьмилетний стаж, бесконечный коктейльный перечень в голове и прекрасное знание английского. «Дикость, – думал я, – работать барменом столько лет подряд». Но, приглаждаясь к ней, постепенно понимал, что она уже слишком зависит от любви посетителей, что, поменяй она профиль, ей будет тяжело смириться с собственной незначительностью и полным отсутствием признания.

В общем, я старался много не работать с клиентами. Больше следил за тем, чтобы всего хватало, подкладывал бутылки, бутылки, бутылки, когда что-то заканчивалось, прыгал на скутер и ехал в один локал-бар за водкой, соком, ред буллом или разменять крупные купюры. У нас постоянно что-то заканчивалось, и неквалифицированной работы хватало. Но иногда доводилось оставаться одному в баре – в тяжелые часы, когда остальные улизнули на улицу и не желали возвращаться в эту душную рутину, – как в клетке, и голодные руки тянулись со всех сторон.

А случалось, например, что ты идешь по залу, толкаешься во мраке между пляшущими потными людьми, относишь пустые стаканы в бар, быстро подкладываешь пиво и безалкогольные напитки в холодильник, выходишь на улицу подышать ночным воздухом или скурить сигаретку, как вдруг

кто-то протягивает тебе бутылку воды. Действительно, хочется пить, и ты машинально тянешь бутылку ко рту, но в последний момент одергиваешь себя и спрашиваешь:

– Что это?

– Это димыч, MDMA! – радостно отвечают тебе. – Нет, нет, спасибо.

Я смутно себе представлял, что это за наркотик, его тут многие потребляли, растворяя в воде или алкоголе. Я часто слышал что-то подобное:

– Тебе нужно попробовать димыч. Это лучше, чем алкоголь, он прояснит твоё сознание, сделает тебя счастливее, но без тяжелого опьянения и без похмелья. Эйфория.

Мне такое описание не очень нравилось. Обычно я отвечал:

– Спасибо, я лучше сделаю зарядку и искупаюсь в море.

Часов в пять утра гости начинали расходиться. И последние часы мы работали в спокойном режиме, все чаще выходили на улицу отдохнуть и наконец встречали утро и конец смены. Получали деньги за работу, иногда вдвоем ехали на пляж, перед тем как лечь спать. Ранним утром особенно приятно помочить ноги или просто посмотреть на волны. Волны разбивались о камни, море завораживающе гудело, и отголоски минувшей вечеринки утопали в этих умиротворяющих звуках природы.

– Ладно, поехали домой, – говорила жена.

И я вез ее на скутере. Местные жители готовились к Рождеству и Новому году. Украшали гирляндами свои жилища, кто-то выставлял Санта-Клаусов и искусственные елки, кто-то украшал пальмовые листья. Эти рождественские декорации выглядели очень странно в таком климате. Скоро наступит 2013 год, как всегда буднично, и все забудут разговоры о конце света.

За несколько дней до конца оплаченного месяца в доме мы с женой выехали на поиски нового жилья. Решили перебраться в город Сиолим. У него были следующие преимущества перед остальными населенными пунктами:

- дешевое жилье;
- одинаково близко до работы и до пляжа Ашвем – лучшего в Гоа;
- в Сиолиме было заведение Tato's с самой вкусной местной едой и лучшими ценами;

– в Сиолиме было меньше наших земляков-матрасников.

Ну и вообще нам немного надоело жить и работать с одними и теми же людьми. Нужно было отдельное жилье, без этого любой брак развалится.

Но проблема в том, что я очень стеснялся разговаривать с незнакомыми людьми. Понятно, что в таких местах, как Гоа, повсюду сдается жилье, но мне было не по себе. Начать разговор – самое тяжелое, дальше будет проще.

Мы просто ехали и смотрели.

- Как насчет этого?
- Слишком хороший дом, давай дальше.
- А этот?
- Слишком убогое жилье, живи там одна.
- Мы так ничего не снимем. Надо спрашивать.
- Спрашивай.
- Спрашивай.

Ладно, я сказал, что хочу зайти в первый закоулок рядом с моим любимым заведением и уверен, судьба приготовила для меня отличную квартиру. Которая только и ждет меня там, за Tato's, и обойдется нам всего в восемь тысяч рупий (меньше пяти тысяч рублей в месяц). Так мы оказались в уютном аппендиксе за придорожной свалкой и встретили недоверчивую бабушку-индуску.

– We looking for flat, – сказал я. – Флэтфорент.

Она позвала какого-то парня, видимо, своего сына. И я повторил, что нам надо. Парень подвел нас к дому с несколькими отдельными входами. Мы поднялись по внешней лестнице на второй этаж. Он открыл дверь. Это было то, что нужно. Совершенно голая квартира с двумя маленькими комнатками, крошечной кухней, душем и туалетом.

– Годится, – сказал я. – Мы хотим здесь жить.

Но жена сомневалась. Она сказала, что согласится здесь жить, только если действительно цена будет не больше восьми тысяч. – Двенадцать тысяч в месяц, – сказал парень.

– Как насчет восьми? – спросил я и удивился собственной наглости: торгуюсь, как самый что ни на есть ушлый тип! Заправский барыга!

Парень думал секунд тридцать и сказал, что готов уступить за девять. Мы сказали, что подумаем до завтра и вернемся. Я уже сел на скутер, когда он вышел за оградку и крикнул, что согласен на восемь.

– Что вам нужно? – спросил он. – Кровать и печка?

Мы ответили, что даже печка не нужна. Мы не будем питаться дома, поэтому – только кровать. Парень сказал, что соберет кровать сегодня же.

На следующий день мы въехали и неплохо зажили. Все было рядом. Все нужное продавалось чуть ли не во дворе. Кокосы по двадцать рупий, и в каждом целый стакан напитка и сытная порция мякоти. На сто рупий можно было очень плотно пообедать в Tato's. В двух минутах ходьбы мы обнаружили интернет, пожалуй, самый быстрый во всей Индии. И тут же, совсем рядом, вкуснейшая выпечка. Овощные булочки за десять рупий, грибные слойки за пятнадцать, и к ним жена брала ісе-кофе за двадцать, а я сок по той же цене.

Когда у нас были свободные часы между пляжем и работой, я писал эти заметки или читал книги. Жена купила

себе деревянные болванки для матрешек и разрисовывала их: хотела сделать пару оригинальных вариантов, чтобы продавать в баре. Одна серия матрешек – девушки разных национальностей, вторая – индийские божества.

На работе, однако, с конца января атмосфера начала накаляться.

Вообще-то у нас было два владельца. Игорь и некто А., который постепенно отжимал клуб у Игоря. Я собирался обойти стороной эту щекотливую тему, но, похоже, придется все-таки завернуть в этот темный коридор истории, ведь теперь (спустя, естественно, некоторое время после описываемых событий) мне известно, что Игорь безвозвратно лишился клуба.

Про А. ходили и ходят разные слухи. Известно, что он родился в Израиле, где делал первые шаги в преступном бизнесе. Позже владел борделем в Таиланде. Согласно легенде, которую мне рассказал бармен Ваня, этот бордель был одновременно и наркопритоном для евреев, на входе в который висело меню и прайс-лист на иврите: расценки на проституток и наркотики. Бордель-наркопритон был снабжен тайными подземными ходами, через которые можно было уйти в случае облавы. Когда тайское заведение прикрыли, А. бежал в Индию, где пару лет сидел тихо, даже выучил английский (только устный, читать и писать он совершенно не умел), а потом взялся за привычный бизнес. С индийскими полицейскими дела оказалось вести проще. Взятки брали все. Несмотря на это, А. все-таки присел на полгода в мумбайскую тюрьму. Но потом вышел, так как вещественные доказательства (несколько килограммов кокаина) были утеряны следствием. Якобы насекомые съели порошок, и стало невозможно доказать, что это был кокаин.

Игорь открыл клуб два года назад и два сезона был его единственным хозяином. Он арендовал заброшенное зда-

ние у местной женщины – приветливой, темной, жадной и лживой. Игорь сделал ремонт, наладил связи и устраивал, по мнению многих поселившихся в Гоа полунаркоманов, лучшие вечеринки, которые часто прикрывались посреди ночи: для проведения ночных мероприятий с музыкой нужно было купить лицензию или хотя бы постоянно давать деньги полицейским.

Потом появился А. и предложил Игорю стать совладельцем. Он сказал, что вложит хорошую сумму в развитие и не станет мешать Игорю заниматься своими делами, а прибыль они поделят поровну. Игорь отказался, но что он мог сделать? Когда вернулся из Москвы к началу очередного сезона, счастливая хозяйка (которой А. дал на руки сорок тысяч рупий) поставила Игоря перед фактом: теперь А. тоже хозяин клуба.

Первое время А. действительно не вмешивался в дела. Более того, благодаря его связям с полицией, нас перестали закрывать ночами. Понятное дело, клуб нужен был А. как прикрытие, чтобы он мог показать свои чистые руки. Но со временем в клубе начало появляться все больше странных людей. И вот уже какие-то мутные типы стали ошиваться здесь постоянно, просили коктейли по выгодной цене, говоря, что они «друзья босса». И вот уже посетитель спрашивает у меня:

– У вас здесь можно купить кокаин?

Первый раз я очень удивился такому вопросу и послал человека куда подальше. Потом просто пожимал плечами какое-то время. А потом стал отвечать, что такие вещи лучше спрашивать у кого-то на входе.

В нашем подсобном помещении теперь тоже постоянно торчали темные люди. Подельник А. – нашего призрачного босса – уже в открытую продавал на кухне. Люди пробовали товар, занюхивая дороги на белых тарелках. Некоторые стеснялись персонала, другие чувствовали себя совершенно

свободно. Я лишь окидывал эти шайки брезгливым беглым взглядом, не отрываясь от дел.

Зимние ночи были холодными, особенно холодно было по утрам ехать на скутере домой. Но это был уютный новый дом в Сиолиме.

10

По будням посетителей стало меньше, и теперь у нас было больше свободного времени. Мы пересчитывали накопленные деньги и прикидывали, куда поедет дальше. Скоро сезон закончится, работа закончится, мы сможем продолжить путешествие через пару недель. Гоа уже стоял у нас поперек горла, во всяком случае у меня, ведь я человек не очень социальный, в отличие от жены. На каждый день насыщенной общественной жизни мне нужна неделя заперти. Посетители все больше нервировали меня, я все хуже их понимал. Как только я освоил свои незатейливые функции, довел их до автоматизма, то утратил интерес и начал деградировать. С алкоголем я тоже завязал, даже сам запах вызывал отвращение, особенно запах крепкого бухла, пока я мешал коктейли. Мечтал о тихом одиноком времяпрепровождении, перед тем как вернуться на родину и поеду в тур с музыкальной группой. Пока же мы выбрали для себя такой маршрут: отсюда лететь в Непал, из Непала в Таиланд, из Таиланда в Камбоджу, потом во Вьетнам и домой. Двадцать первого апреля мы окажемся в Москве, спустя ровно полгода, как покинули ее. При медленном индийском интернете на покупку билетов ушел целый выходной. И теперь, когда билеты были у нас на руках, каждая рабочая ночь тянулась дольше обычного. Если в самый пик вечеринки (по выходным все еще случились настоящие party) я вдруг оставался один за баром и мне со всех сторон кричали: «Rum & coke!

Mojito! Two Tuborg!», то я уже особо не спешил. Я знал: чем размереннее ритм, тем легче нервам.

А., наш босс и местный наркобарон, был недоволен снижением сезона и уменьшением выручки. Похоже, он подозревал нас в воровстве и теперь задерживал наши деньги. Мы получали свое не в конце смены, как прежде, а через день или два. Под стойкой стояла коробка – касса, куда мы бросали крупные купюры, мелкие лежали в другой, маленькой коробке, на стойке – деньги на сдачу. И была отдельная коробка для чая. Прежде, если вдруг заканчивался размен, я брал деньги из большой коробки и ехал в соседний дешевый бар поменять купюры. Теперь А. додумался установить вместо коробки деревянный ящик с прорезью на крышке. Мы бросали купюры туда и не могли достать. А если у нас заканчивался размен, мы брали деньги из собственного чая или нужно было идти к помощнику босса, чтобы он открыл ящик ключом. Естественно, мы быстро додумались оставлять часть крупных купюр в «малой кассе». Но поделник босса раз в час стал заходить и забирать их. Потом А. все-таки позволил увеличить прорезь в ящике-кассе – так, чтобы рука могла пролезть и взять купюру. Но запретил нам хранить крупные купюры в «малой кассе». В общем, я рассказываю все эти подробности, чтобы хоть как-то пролить свет на противоречивую личность одного из наших боссов. Внешне А. походил на наколокаиненного дьявола, худого и жилистого прыткого дьяволенка, иногда ласкового, иногда агрессивного. Он часто говорил со своим еврейским акцентом, дико картавя, смешивая времена и вообще путая все правила:

– I'll broke him face!

Или, если речь шла о свершившемся факте:

– I broke him face!

Он не стремился говорить правильно. Его «р» звучало, как «г», он был немного смешным, но это не делало А. менее опасным. Один раз он действительно «слома

лицо» русскому туристу прямо перед клубом за то, что тот дал одной из его девушек (тоже русской) каких-то плохих наркотиков. Русский ничего не успел сделать, он получил по лицу, упал с мотоцикла, собрал свои разбитые окровавленные очки, уехал и больше никогда здесь не появлялся.

Иногда А. нужны были деньги и он отказывался выделять их даже на закупки, иногда мог выдать на закупки из собственного кармана – если накануне удачно набарыжил наркотой. Но в целом сток наш оставлял желать лучшего. Иногда мы писали мелом на доске: «Все закончилось!» – и среди ночи пытались докупить что-то в соседних барах по мере поступления денег в кассу. Это был хаос. Игоря же совсем отодвинули от хозяйства и от счета денег, он получал в собственном клубе зарплату по итогам выручки, да и то с опозданием. В последние смены он вообще старался подойти забрать из кассы собственные деньги, до того как А. приберет их к рукам. Атмосфера накалялась.

В связи с переездом в Сиолим появилась одна мелкая проблема – дорожная полиция. Вечером можно было наткнуться на них по дороге на работу, или же можно было наткнуться, если мы раньше заканчивали. Где-то с десяти вечера до часу ночи они стояли на участке дороги, который было никак не объехать. В Индии для вождения скутера нужны права.

Обычно полицейский просит заплатить ему штраф – тысячу двести рупий, не дает тебе никакой квитанции и отпускает. Это завышенная цена, можно сторговаться на пятьсот. Разговор происходит так:

- What is your language?
- Russian.
- Тысяча двести. Ноу судья. Тысяча двести сейсяс.
- Sorry, I have only five hundred.
- Okay. Give me five hundred.

Я заплатил штраф по этой схеме только однажды. В другое время просто объезжал полицейских. Но иногда объехать не удавалось, полицейский мог выйти на дорогу и прямо броситься под колеса. Тогда я говорил:

– Sorry. I forgot my drive license at home.

Полицейский отвечал, что все равно придется заплатить. Тогда я говорил, что денег у меня нет. Или же говорил, что все мои деньги забрал другой полицейский двумя-тремя часами ранее. Их интересовало, сколько забрал другой полицейский. Я отвечал: пятьсот. Хорошо, езжай, говорили мне. Но я почти никогда не садился за руль выпившим или пьяным, поэтому легко отделялся. Насколько мне известно, тем, от кого разило алкоголем, приходилось платить больше, чем тем, кто просто катался без прав.

В мою последнюю рабочую ночь я возвращался домой часа в три. Полицейских я уже не рассчитывал встретить и удачно проехал опасный поворот. Но через километр они вдруг – двое – подрезали меня на здоровом мотоцикле, тот, что сидел сзади, выставил какую-то палку, и я чуть не улетел в кювет. Это был будний день, жена отдыхала дома, я ехал один.

– Где твои права? – спросили у меня.

Я ответил, что забыл их дома. У меня попросили тысячу. Я сказал, что денег совсем нет, и это было правдой.

– Поехали в участок, – сказали мне полицейские.

Тот, что был сзади, все время внимательно следил за мной, пока мы ехали. Ехали мы очень медленно, и я понял, что им лень заниматься мной, они ждут, когда я улизну. Но мне даже стало интересно, и я хотел прокатиться. Они сделали небольшой круг, потом остановились.

– Завтра имей с собой тысячу рупий. Я буду ждать тебя, – сказал легавый-пассажир.

На следующий день Игорь сообщил, что они с А. окончательно поругались. А. орал:

– Ты уволен! Вы все уволены! Вы не умеете делать бизнес! Теперь Игорь будет искать для себя новое место и откроет его уже в следующем сезоне. Мы должны были отработать перед отъездом в Непал еще несколько смен, но они отменились. Конечно, можно было остаться доработать в клубе, но Игорь нам был гораздо симпатичнее, чем А. Так что последние дни мы провели как обычные туристы: гуляли и выбирали подарки для друзей. Если мы встречали кого-то из постоянных клиентов клуба, те говорили, что ни за что не посетят место, которое по праву должно было остаться за Игорем. И высказывали надежду, что я и моя жена через полгода вернемся в Гоа и будем работать для них в новом клубе, который будет еще лучше, еще дружелюбнее, еще безумнее. В ходе одного из таких разговоров я вдруг подумал, что действительно уже хочу вернуться. С одной стороны, не терпелось уехать, с другой – хотелось скорее вернуться. Я часто тосковал по стройкам, магазинам одежды, складам, офисам и вообще всем местам работы, отдыха и городам, в которых жил.

11

Чтобы сэкономить и напоследок откушать колорита, мы поехали в аэропорт на автобусах. Первый, Сиолим – Мапса, довез нас быстро и без давки. Мы сели впереди, уложили рюкзаки под ноги, взяли по сумке на колени. Жену немного укачало, и я посоветовал ей смотреть в переднее окно, а не в боковое. В Мапсе мы пересели на автобус до Панджима. Салон уже раскалился, приближался полдень. Кондуктор все стучал по кузову и зазывал людей. Людей становилось все больше и больше, автобус нагревался все сильнее и сильнее. Водитель одновременно газовал и тормозил, на борт запрыгивал новый человек, автобус делал рывок, но опять

останавливался. Гул вокзала уплотнял пространство до невыносимого, а кондуктор и водитель все не хотели упустить мифического последнего пассажира. Так они водили нас за нос полчаса. Каждый раз казалось, что автобус уже обязан рвануть в путь, чтобы сквозняк ворвался в салон. Мне стало душно, я часто теряю сознание от духоты и опять был близок к тому, чтобы свалиться под сиденье. Но мы наконец поехали. И тут же стало хорошо. Водитель беззастенчиво выезжал на встречную и грозно сигналил, разогнав автобус до восьмидесяти километров в час. Стало свежо от его опасной езды и воздуха, лезшего из окон и щелей.

В Панджмиме на вокзале мы перекусили самосами, которых я съел штук пять, ведь, возможно, в жизни больше не доведется их поесть. Быстро нашли автобус до аэропорта. Кондуктор считал, что белым людям нельзя стоять, и, вопреки нашему *it's okay*, заставил индийцев потесниться на задних местах. Проезд на трех автобусах обошелся нам в шестьдесят рупий. Такси бы стоило ровно тысячу.

Мы сдали рюкзаки в багаж, а в рюкзаках была вся наша одежда. – В Дели вам не нужно забирать багаж, – сказала сотрудница аэропорта. – Только в Катманду. Только. В. Катманду.

В самолете поняли, что сглупили. Кондиционер работал во всю мощь, было холодно, но на рейсе Гоа – Мумбаи – Дели пледы не были предусмотрены. Мы тряслись в своих шортах и терли друг другу конечности. Самолет взлетел и через час приземлился в Мумбаи. Добрал пассажиров и через два часа приземлился в Дели. Так мы опять оказались здесь. У нас была остановка двенадцать часов до самолета на Катманду, и в это лишнее время хотелось погулять по городу. Но было очень холодно. Восемь градусов, не больше, на улице ветер пронизывал до костей. У нас были лишь запасные футболки, которые мы тоже надели на себя, но это не очень помогало. Мы пришли в справочную нашей

авиакомпании и за десять-пятнадцать минут смогли сформулировать свою проблему на английском:

– Нам нужны вещи. Вещи в багаже. Нам нужно получить багаж сейчас, в Дели, а не в Катманду, и потом снова его сдать.

Сначала мы рассказали это молодой девушке. Она несколько раз нас выслушала, поняла, что мы не отстанем, сколько бы она ни разводила руками и ни пожимала плечами, и позвала женщину постарше. Женщина постарше в свою очередь выслушала нас и позвала мужчину в черной форме. Тот по черному телефону позвонил в багажный отдел, пять минут говорил на местном языке.

После чего он положил трубку и сказал нам: – Impossible.

Почему мы не взяли одежду, спросил он. Мы ответили, что в Гоа уже теплые вечера. Работник в черной форме строго посмотрел на нас и сказал, что он был в Гоа. В конце февраля и начале марта там еще холодно вечером. Нет, ответили мы. Последние вечера были очень теплыми, можно гулять в шортах и футболках, и мы не подумали о том, что в Дели будет холодно. Но он не доверял нашей истории. Ладно. Мы махнули рукой. Я проматерился и успокоился. В аэропорту было не намного теплее, чем на улице, поэтому мы решили выбрать из двух зол большее. Раз мы попали в Дели, мы прогуляемся по его улицам. Вышли из здания аэропорта и побежали к автобусу. Куда нам? Мы не знаем. Хотим посмотреть город.

Кондуктор спросил:

– Что вы хотите посмотреть? – Не знаем. Дели.

Семьдесят пять рупий, сказал он. За одного или за двоих? С каждого. Ладно, я дал ему сто пятьдесят рупий. Баснословные деньги. Два обеда в Tato's. Такая же фашистская система, как и в российских аэропортах, за все дерут три шкуры. Автобус стоял с открытыми дверями, и мы мерзли. Мне уже не хотелось смотреть этот чертов город Дели. Жена тоже

его уже ненавидела. Второй раз мы здесь, и второй раз все через задницу.

– Может, попросим наши деньги и вернем билетик? – спросил я.

Жена смотрела на меня, взвешивая. Но тут автобус поехал. Окна были заперты, щелей не было, и стало теплее, когда двери закрылись. Мы смотрели в окно, ничего там особенного не видя. Ехали вдоль фонарей по трассе. Темный вечер. На остановках мерзли и обнимались, ехали дальше.

Я резко сказал:

– Не хочу гулять по этому вонючему городу. Объявляю ему бойкот.

Жена согласилась:

– Валяй. Мне уже все равно.

Когда мы увидели в окно станцию метро, то встали с мест.

Кондуктор сказал:

– Вы куда? Еще рано! Скоро приедем в центр Дели!

– Нет, спасибо. Fucked up, – ответил я, имея в виду, что отношения с городом у нас не сложились.

На входе в станцию метро ветки Airport Express нас просканировали на предмет наркотиков и оружия, обыскали и пожелали хорошего полета, попутно удивившись нашему летнему наряду. Мы сели в очень чистый поезд. Здесь было намного теплее, чем в автобусе, и я крепко уснул на двадцать минут. Поэтому от последующих часов в аэропорту у меня ощущение как от холодного непонятного утра. На последние рупии мы купили на двоих Veg. Thali в кафе, оно стоило ровно в четыре раза дороже, чем в Tato's: двести сорок. Жена поела, накрыла ноги сумкой от ноутбука и уснула, сидя за столом. Часа два я изобретал себе ложе из стульев, ложился, не мог уснуть, вставал и искал новую позу. Удалось поспать и мне. Местные жители расстилали себе одеяла и спали на полу по всему аэропорту.

В самолет мы шли с надеждой: вдруг там будут пледы. И да, международный рейс Дели – Катманду сулил нам относительно теплый и уютный, но снова недолгий сон.

А потом началось: хмурое утро, серый воздух долины Катманду, анкеты, фотографии на визу, обмен денег, получение багажа. Мы прошли через все препятствия, и тысяча таксистов дикими собаками набросилась на нас. Каждый из них пытался перекричать другого и пихал свои сомнительные услуги нам в лицо. Мы безуспешно отмахивались, «спасибо, не надо!», мотали головой и делали жест «фейспалм», но они не унимались. Тогда мы взялись за руки и побежали от этого навязчивого гвалта. Выбежали за территорию аэропорта и обернулись: за нами весь путь бежал лишь один таксист. Остальные сошли с дистанции. Значит, он был победителем.

– Будда стоуп! Фо хандред рупий! – сказал я.

Таксист запротестовал. Не четыреста. Шестьсот минимум.

Мне не хотелось спорить, ведь я уже снял рюкзак. Но жена сказала, что теперь мы опытные путешественники и не имеем права переплачивать.

– Фо хандред, о гуд бай, – сказала она таксисту.

Хорошо, подумал я. Теперь мы опытные, и каждая новая страна будет проще для нашего понимания. В нашем маленьком багаже прибавится уверенности в себе, и все пойдет как по маслу.

Таксист сдался, мы загрузились. Машина тряслась по кочкам в направлении тибетского района, пока мы пытались разглядывать что-то через облака пыли, которые плотно покрывают этот город.

БЕЗАЛКОГОЛЬНЫЙ ДНЕВНИК

2 сентября. Первые часы без алкоголя

Благодаря сериалу «Луи» немного легче проходит отходняк. Вот что самое жуткое – невозможность организовать быт. Легко можно смотреть кино, читать, даже делать какую-то не очень нервную и не очень тяжелую работу (хотя помню я как-то работал бензопилой в один из отходняков, и ничего, управился, плотно пообедал, попил, это даже было легче, чем просто сидеть дома и пытаться себя вылечить подручными средствами). Но вот тяжело расправить постель. Решить, надевать ли носки? Я вторую ночь не застилаю постель, сплю на голом матрасе. Если я осилю это, все будет норм. Еще проблема – добиться нужной температуры воздуха. Решить, нужно ли открывать форточку, накрываться ли одеялом или лежать просто под простыней. Спать ли в одежде или раздеться. Одновременно холодно и жарко, и еще можно не разобраться, что готовить, и остаться голодным. А голодный отходишь гораздо тяжелее, жрать надо много, потому что организм пытается выгнать всю заразу, обмен веществ разогнан на максимум, при общей слабости и головокружении испытываешь какие-то сумасшедшие эрекции. Необходимо по 3–7 эякуляций на один день отходняка, чтобы не мучиться от постоянного стояка. Понимаешь: надо приготовить поесть, иначе просто в картонку превратишься, но нервы, как струны. Достоешь кабачок и смотришь на него. Хуле тебе надо, дядя, говорит кабачок. Ты что Василий Шукшин? Любишь русскую тоску, так давай расхлебывай. Топишь города в разгуле и развроте, ну вот тебе, жопа с ручкой! Прости, кабачок. Я не буду тебя есть. Или буду его есть? И че мне с ним делать? Картошка? И че? В пароварку засунуть или на сковороду резать? Начинаешь

резать ее, нет, это невыносимо, зачем мне эта картошка. Откладываешь, возвращаешься к попытке заправить постель. Потом начинаешь проводить рукой в каких-то местах, нюхать, недоумевать, чесаться. И не понимаешь: был ли уже в душе в последние пару часов или пора опять сходить? Но самое мучение желание спать, которое невозможно удовлетворить. Стоит лечь, ничего не получится. Каждый шорох причиняет тревогу и страх, путь, который еще придется пройти через жизнь, шокирует. Застонешь, укусишь наволочку, чтобы не будить соседа, пригодишься беззвучно плакать, но тут же забудешь, что собирался плакать. Спыхватишься, включишь новую серию, или рассказ новый «отца» Марата. «Луи» спасает, хороший и добрый сериал, посмотрел сейчас третий сезон. Особенно понравились серии про внутреннее устройство шоу-бизнеса. Последние серии третьего сезона как повесть в сборнике. Очень похож на хорошую прозу его метод. Все лучше и лучше.

Ладно. Это всего одна из ночей, потом будет еще одна, а потом я буду почти здоров. Я смогу обучиться каким-то вещам. Что-то писать, ходить, думать, спать. Главное спать. Это самое полезное умение. Привет.

3 сентября. День 1

Снится, что снимаюсь в сериале, и там ставится комическая сцена, где нужно плавать с крокодилом. Меня на надувной лодке спускают в бассейн, малюсенький бассейн, два на два метра, и хоть я знаю, что этот крокодил добрый и он хорошо знает текст (крокодил читал сценарий! все окей, это лучший актер из крокодилов), все же мне страшно. Я чувствую спиной, как моя резиновая лодка опускается прямо ему на хребет. Даже самый воспитанный крокодил может обидеться. Но меня уже зовет реальность: разряд в сердце,

и я просыпаюсь в своем холодном поту. Один из побочных эффектов: тебе холодно и жарко и ты барахтаешься в этой луже отравы: водка, пиво, вино, виски, хорошие напитки, которые мы потребляем, чтобы раскрепоститься, чтобы расслабиться после работы. Я знаю меру, говорим мы. Давай, выпей со мной после работы. Короче, вот я просыпаюсь, думаю, что же не так? Я плохо прописал сцену? Что-то с крокодилом не то, надо переписать этот сон, блять. Это не смешная комедия, должна же быть какая-то связь с реальностью? Я что, несся через пучину треша и угара ради того, чтобы придумать это? Но я уже в другом сне, мне снится, что я не еще не вышел из запоя. Я не могу это смотреть, сердце пронзает жуткий страх. Опять быстро выбрасывает, одеяло невозможно на себя удобно уложить, кто их делает эти одеяла? Для кого? Вот я человек среднего роста и худой, и для меня нет подходящего одеяла. Сука, в этой банке, в этой комнате заперли одного комара. Надо включить свет и достать его, но сил на это может не хватить, мне еще сегодня надо совершить одну поездку. Одну поездку, скорее всего, на метро. Какие комары, спи. Если я не вырублюсь на несколько часов, я проебу пробы на маленькую роль (моя последняя надежда!) в новой романтической комедии модного молодого режиссера и кровопийцы Романа Каримова. Звуки улицы проникают в дом, мелькают флешбэки, катай свои саночки, пидор, катай их, почему у меня разбит кулак? Я бил стену или человека? Когда я уже перейду к другим людям? Чтобы напрямую причинять насилие? Зачем делать это через свое тело? Это потому что солидарность. Надо постирать постельное белье, подумал я и начал день. Лучше бодрствовать, пока не усну. О нет, я забыл, как я всю ночь ходил мимо соседа? Моего соседа тоже зовут Алехин. Какой еще сосед Алехин? Ты что ебнул, дядя? Нет никаких соседей. Кто-нибудь отредактирует этот текст? Мой внутренний голос сбивается, путается во временах, я перехожу с

настоящего на прошедшее. Ладно. Даже Сенчин так иногда делает. Мы с редактором Викторией решили не указывать Сенчину, в каком ему времени писать. Господи, вы летали «Победой»? Если бы меня не отправили победой. У меня там отобрали полторы тысячи за то, чтобы я сдал книги в багаж, личного моего гонорара. Какой твой гонорар, за что? За то, что ты плакал в обнимку с девками в Омске? Бля, парень, да тебе там точно переплатили. Ты сколько треков то отчитал, дядя? Но у меня всего 8 тысяч до конца месяца. А мне надо написать список правил. Не пить алкоголь, не пить алкоголь, не пить алкоголь, делать зарядку, заниматься языками, учиться, учиться. Но нахуя учиться дураку в 30 лет? Нет, можно же уйти в запой. Есть такой эффект у запоя. Когда ты из него выходишь, организм черпает последние резервы. Ты не можешь связать двух слов, пес, донести до рта стакан воды не можешь, не можешь понять, как положить вещи в эту ебучую стиральную машину, зато вдруг вскакиваешь посреди тремера, садишься за стол и пишешь реп-текст. Ты истощен, ты вместо школы выбрал кабак, вместо любви саморазрушение, и теперь есть такая награда. Можно было бы месяц провести за учебником. Взять интервью, побеседовать с самой умной феминисткой, до которой доберешься, чтобы написать хороший реп-текст-утопию о феминизме. Да в рот я ебал. Я уже написал два прошлых альбома полностью трезвым. И хуле? Разве это помогло монетизировать реп? Дядя. Список на каждый день. Если ты такая тряпка. Берешь ручку, бумагу, пишешь список, приклеиваешь на стену. Что сперва? Сдать Кирилла Рябова в типографию. Внести в верстку все финальные правки, сдать книгу. Дальше че? Доредактировать реп? Дальше че? Решить с короткометражкой. Будешь ты ее снимать, пацан? Какая короткометражка. Мне бы воды стакан до рта донести. В этот день он смог сходить в магазин. Он достал белье из стиральной машинки. Помыл посуду. Решил, что по-новому понял Сэлинджера! О, побе-

дитель! Он думает, что не такой идиот, что может что-то понимать в литературе! Может быть, лет через 10! Один такой запой в год, и с этим парнем случится 10 озарений! Я бегу к финишу! Матрас все еще не застелен, но у меня под рукой феназепам, о да, перелет через ленту. 10 похмельных озарений вместо сотни учебников и тысячи книг! Вместо иностранных языков и путешествий! Это будет война и мир! Малыш спит, одна рука под головой, другая в паху. Это будет и мир, и война! 10 таких лет! Но завтра его ждет потеря как последствие таблеточки. (Пока не будем рассказывать об этом Жуке, ладно, ребята?! – хитрое подмигивание – но он будет смотреть на мир через толстый слой киселя, его и без того вялые мысли, будут валяться на лужайке головного мозга, как задыхающиеся рыбины).

Занавес.

5 сентября. День 3

Ничего выдающегося не происходило. Кроме того, что ездил к Маргарите Захаровой монтировать клип с Антоном Секисовым (а с кем же еще?) в главной роли. Клип, который сняла Рита Филиппова.

И по дороге – хуяк – почувствовал дикую слабость. Начал чихать, кашлять. Ну да, простуда подбиралась ведь. К тому же после безумного лета и пьяного начала осени никаких у тела сил не осталось. Но ничего, Маргарита предоставила мне малиновое варенье и уйму бумажных полотенец, я сморкался и тыкал пальцем, пока она, знай себе, монтировала Секси Секисова в рапиде. И у нас вроде бы получился странный клип и даже хороший. Счас осталось сделать цветкор и пару фишаков, и Антон Секисов станет еще чуть моднее, еще чуть читаемее среди любителей унылого репа. Потом еле добрался от Маргариты домой.

Ну, я думаю, хуле валяться, надо делать полезные дела. Пора же думать о хлебе. Пусть о скромном, о корочках хлебных. Но надо. Переиздавать свои книги, например. На них есть спрос, они закончились, если я их переиздам (кроме КМ – это я открыл, и у меня уши покраснели), я получу немного денег и (если буду экономить и давать реп-концерты изредка) смогу дописать новую книгу, чуть лучше или такую же унылую о своей унылой жизни и унылой жизни некоторых моих друзей. Я знаю, бывает и неунылая жизнь, кто-то проживает веселую жизнь, но я об этом писать не люблю и не умею. Может, даже выдумаю пару пару унылых событий, со мной такое иногда случалось, хоба, и на пустом месте что-то выдумал. Что-нибудь да будет. Главное, же как это преподнести, ну похуй же, че рассказывать, главное – найти пару фишаков. Дело прошлое, короче взялся я верстать, параллельно попивая терафлю. Вроде все нормально вышло. Сверстал «Ни океанов, ни морей» 120 на 180 в-pocketbook-формате. Но смотрю – шрифт не тот. То есть я всю дорогу был убежден, что использую PT Serif, а я его не использовал. Но это еще не все. Сверстал-то я книгу за пару часов, но потом не мог вспомнить, как верстать оглавление. Ну раньше я частенько забывал такие вещи: как верстать оглавление, как там сделать колонтитулы через маркеры разделов, чтобы не создавать лишние новые шаблоны. Но тут я совсем затупил. Мало того, что последние мозги пропил, так еще и простуда отупляет. Я стал открывать виде-уроки, но почему-то сраный ютуб ничего не показывает. Адоб плеер обновлял, он все равно ебланит. Читал какие-то сайты, наконец вспомнил. Я забыл про табуляторы, господь всемогущий. Табуляторы, надо указывать отдельно, сначала поджариваешь оглавление через заголовки, а потом досыпаешь, типа как молотый перец, отточия через табуляторы. Такая система, но мне понадобился битый ебанный час, чтобы это понять.

Но день был хороший. Что-то происходит. Как-то привязываю себя на оборванные во время пьянки нити. Хотя по утрам было желание не перемещаться никуда из постели. И тогда это был бы день, в который ничего не происходит, и это был бы другой день.

6 сентября. День 4

В первой половине дня ничего особенного не произошло. Болел, лечился, чихал, сморкался, кашлял чутка. Доверстал книгу.

В середине дня в гости пришел сам Антон «Секси» Секисов, покушали гречи, овощей и фасоли, поговорили о нашем будущем. Забились пойти в спортивную секцию и дописать по книге к концу осени. Я придумал рассказ с названием «Колыбель», накидал план. Писать-то пока голова не варит, но зацепки делаю. Пишу не шедевры, но моему папе и небольшому ряду людей иногда нравится.

Вышли на улицу, встретили Сынка, все вместе пошли на Даниловский рынок, там, не поверите, проходила книжная презентация. Я живу в десяти минутах пешком оттуда.

Среди овощей отыскал Кирилла Маевского, он показал, где наши столы. Разложились, побарыжили книгами «Il-music».

Меня знобило, я сказал, что долго не задержусь. Потом Кирилл рассказывал о нашей издательской кухне, Котомин, Крюков, Фальковский, Сенчин тоже немного поговорили в микрофон, а я стоял в стороне, втыкал. Попробовал что-то вякнуть про Сенчина, почему, собственно и как я его издал, но совсем уж сопли залили мозг. Отдал микрофон. Попрощался, с кем успел, ушел домой.

В клубе «Дич» сейчас как раз начинается афтерпати. Сыграет группа «Ленина пакет», а еще выступят какие-то кай-

фовые люди. Можно будет найти, ухватить за штатину даже Котомина и Куприянова, великих людей в нашем невеликом бизнесе.

Если бы не заболел я, мы с «макулатурой» выступили бы тоже.

Еще Александр Снегирев подарил мне свою последнюю, хорошую, книгу. «Вера». Вообще, пользуясь случаем, отправлю ему ответный поклон (он вчера мне щедро соснул на фейсбуке, и я с радостью сделаю ответочку) – пишет он все лучше и лучше, и отношения у нас все нежнее и нежнее, хотя он уже не тот «солнечный мальчик», как его назвали в давнишней критической статье. А взрослый пацан со своей жизненной мудростью, сходу зрящий в корень и сущий на стереотипы.

Так прошел очередной хороший день без бухла. Кипяток как раз остыл до 80 градусов, лью его в чашку на лимон, варенье из шишек и пакетик шиповника. Хуярит дождь.

7 сентября. День 5

Хорошо выспаться пока не удается. С утра лежал в постели, пытаюсь вспомнить дурные физические ощущения от недавнего отходняка, чтобы взбодриться.

Внутренний саморазрушитель предлагал побухать недельку, чтобы освежить память. Не поддался соблазну. Между тем, почти прошли сопли и кашель. Хотел сделать зарядку, но подумал, что лучше купить сигарет. После завтрака купил «Галуаз», скурил пару штук. Сельдерей Отец сказал, что они все-таки не тестируются на животных, а более достоверного источника у меня нет. Первую половину дня маялся. Разглядывал свои конечности. Потом посмотрел порнографию, действие которой разворачивалось под водой. Девушка вытаскивает трубку, минуту сосет член парня,

а то и полторы, пока все пузыри не выдохнет, потом опять вставляет трубку в рот, дышит, отдыхает, потом опять за дело. Потом они приступили, собственно, к вагинальному сексу, даже чуть слышно было их мычание в этом булькающем глубоководном бассейне. Потом она снова вынула трубку. Парень кончил девушке в рот, она выплюнула, и все это походило на зиму в стеклянном шаре. Талантливая актриса. Мне пришлось искать другой способ коротать время. Установил себе программу-лупер DM1 по наводке Вовы Седых. Простая, говорит, программа, даже моя жена разобралась. Как бы то ни было, мне было непросто разобраться. Все же настукал примитивный трек. Потом, к счастью, пришло время ехать к Маргарите довести до ума клип на песню «счастье». Съездил. Монтировали, делали цветокоррекцию, я даже вник в процесс. Пили чай, разговаривали о работе, карьере, призвании. Я все высказал быстрее, чем даже допил чай. Послушали новые песни «макулатуры», подумали, каким может быть очередной клип. Закончили «счастье», я вернулся домой.

Нашел в себе мужество приготовить ужин. Съесть его не составило труда. Счас буду либо дочитывать биографию Сэлинджера, либо досматривать «Луи». Пока печатал, подумалось: какая хорошая жизнь, и как странно, что я ею всегда недоволен.

9 сентября. День 7

– хозяйка квартиры снова не брала трубку, не отвез ей квитанции

– раз одно дело сорвалось, то и плюнул на ряд остальных дел (маршрут-то был продуман): не поехал забирать веганские витамины у Сынка, не поехал забирать книги Сенчина в «Фаланстер», все дела перенес на завтра

- голова квадратная весь день, потому что ночью маялся, уснуть не мог, делал афиши, читал и просто тупил, славная была ночь
- ходил прогуляться, надо было взять фотоаппарат, это был лучший момент дня
- а в целом побочный эффект с хорошим настроением закончился
- кот устроил мне странное испытание: насрал в душевую кабину
- вышел из дома за кротом для труб, но вышел без ключа и захлопнул дверь
- провел час на улице в шортах и длинных носках
- купил имбирь и киви
- сейчас еще прочищу канализационные трубы, отмоюсь и сделаю чай из имбиря
- завтра вечером с Сынком летим в Мурманск, мерзнуть, гулять по сопкам, смотреть достопримечательности, или уж не знаю, какую нам культурную программу подготовили Андрей Пизда и организатор Кирилл

10 сентября. День 8

Приходится писать отчет раньше, потому что вот-вот уже поем и надо будет ехать в аэропорт.

Проснулся в хорошем расположении духа. Решился съездить в ИКЕА. Нужно было купить одеяло, пододеяльник и наволочку. Добирался полтора часа. Сперва зашел в «Ашан», купил там мисо-супы быстрого приготовления и пленку для заворачивания предметов. Есть вещи, которые пылятся, надо их поскорее завернуть в полиэтилен. У «Ашана» остановился сожрать картофельный чебурек. И где-то потерял пленку. Но я об этом даже не думал, пошел себе искать одеяло и прочее. Магазин ИКЕА быстро расправил-

ся с моим хорошим настроением. Это сложный лабиринт, странно, как я раньше в нем ориентировался. Может быть, ИКЕА «Теплый стан» устроена иначе – сложнее, чем остальные магазины? Все проклял. Еле отыскал там то, что надо, потом рванул на выход. Зашел купить какое-то имбирное печенье по акции, тут меня и нагнал охранник: вы забыли столик на кассе. Да, прикроватный столик, я же его еще купил и чуть не забыл на кассе. Когда-то торговые центры расслабляли, я туда ходил отдохнуть, посмотреть на людей, поугорать, как Джейсон Ли в Mallrats. Сейчас никакого веселья, одна паника, удушье и головокружение.

Как хорошо было выбраться оттуда, вернуться домой, отмыться, съесть мисо-суп быстрого приготовления с нежнейшим шелковым тофу, потом закинуть кукурузу в пароварку. Кукурузу возьму с собой в самолет, а то эти ссанные фашисты почти перестали подавать на внутренних рейсах нормальную человеческую еду, без говна, трупчатины, молочки вонючей.

12 сентября. День 10

С утра прилетел из Мурманска. Долго добирался из аэропорта, там сейчас опять перекрыли метро на зеленой ветке. Ходит бесплатный автобус, но второй раз вход в метро платный. Последнее время я не прыгаю на халяву в метро, но тут возмутился, пристроился за каким-то дядей. Вышел на Павелецкой, шел пешком. По дороге встретил местного бомжа, у которого изо рта торчит пурпурная опухоль, как больная мошонка. И все ебло в маленьких опухолях. На бомже был свежий оранжевый плащ, но я все равно отругал себя мысленно. Нехуй, сказал я себе. «Кто счастливее трехногого пса? Четвероногий пес». Дома обустроивал быт, досмотрел четвертый сезон «Луи», лежал под одеялом, смотрел в одну

точку. Съездил в «Ашан», купил соевое мясо, тофу, чечевицу, крюки настенные (2 пачки по 3 штуки), рулон полиэтилена (чтобы завернуть матрасы и всякие местные пыльные штуки) и еще ряд какой-то хуйни. Что-то завернул, отмыл плитку. Остался пятый сезон, наверное, сейчас и досмотрю. Хотел съездить в клуб «Смена», Феликс Бондарев звал, он там выступает. Я собрался, оделся, но в дверях передумал. Надо пользоваться возможностью не бывать в клубах. Очередной день вот-вот испустит дух.

13 сентября. День 11

После унылого утра решил погулять. Сводил приезжую знакомую во «Второе дыхание», ей там очень понравилось. Сам употребил баночку газировки. Потом еще погулял, в 22:30 мне нужно было в бар на Китай-городе, там была сегодня смена. Я играю персонажа по имени Озицкий. Меня одели в брюки, рубашку, галстук и жилетку и вытолкнули на улицу. Мы с главным героем стояли перед витриной бара, я разматывал киномонолог о ебле, пока красотка Ксюша за стеклом вертелась на шесте, почти что голая. Несколько кадров сняли нормально, удачно и быстро, несмотря на зевак и комментаторов, проходивших мимо. Воскресная ночь была тут как тут, синих на улице становилось все больше, процесс съемки замедлялся. Рядом начался махач, и между дублями пришлось подсказывать к чуваку в спортивном костюме, орущему «он меня пидорасом назвал, а я Чечню прошел!», осаживать, оттаскивать, чтобы он не убил совсем несчастного тупого парня-алкаша. Если бы чувак был не в тапочках, а ботинках, от его пинков весь скудный мозг алкаша растекся бы по Большому Златоустинскому переулку. Почему-то чувак даже уважил меня (может, из-за короткой стрижки, жилетки и галстука) и сказал: «Клянусь,

я больше его пиздить не буду, чисто лещей надаю». Все это меня освежило, отвлекло от моего уныния и тяжких размышлений о личной жизни. Вдруг неожиданно смена закончилась, меня на такси отправили домой, но я вышел у «Сэндвичей 24», прежде называвшихся Subburger, это наш здешний поддельный Сабвей. Съел на ночь овощной саб, выпил зеленый чай. Хотя я стараюсь не пить чай, ничего тонизирующего, но замерз сниматься у бара, надо было въебать горячего. Теперь вот уже началось 14-ое сентября, и этот день будет сложным, так уж сложилось. Привет тебе, ебанный день.

18 и 19 сентября. Дни 16 и 17

Решил чуть больше суток пожить без мобильной связи и интернета.

Прокатился на велосипеде моего соседа Алехина: проехал все Садовое кольцо. Ушло на это часа два или меньше.

Потом смотрел кино, потом спал, потом дочитал биографию Сэлинджера, люто делал зарядку в перерывах.

Потом все-таки не удержался купил сигареты и давай дымить.

Потом снимали видео с Маргаритой для клипа, потом был концерт в «16 тонн», потом поехали на пьянку к Сергею Миненко, я там один, как уебок, шарохался трезвый.

Потом еще погулял на райончике в 6 утра, а сейчас вот пришел и теперь, знай себе, не могу уснуть.

А уже всюю 20-ое число идет, то есть уже восемнадцатый хуярит.

Такие были последние два дня без синего.

22 сентября. День 20

Ходил гулять. Купил себе в «Седьмом континенте» манты с картофелем, фасоль и банановый нектар. Манты были вкусные, я их съел, как бомж, сидя у памятника Пушкину. Брал руками (немытыми, само собой) и запихивал в пасть. Потом из пенопластовой коробочки сделал подобие ложки и сожрал фасоль. Фасоль была не очень, но я с ней, такой мандой, все равно расправился. Пил банановый нектар, пока не подурнело. Потом появился Секси Секисов, сходили в сад «Эрмитаж», попиздели немного, и разъехались. Оказался дома, нужно только выбрать, какой фильм/какие фильмы из ряда имеющихся посмотреть.

Вчера было 23 сентября.

Сначала это был день 21 без алкоголя

Утром снимался в короткометражном кино. Реплик у меня не было, просто надо было пялиться в электричке на главного героя, как на говно. Собственно, сели в электричку на Белорусском вокзале, час ехали, вышли, я присел на корточках, закурил и поплакал, аккуратненько, придерживая пальцами (чтобы на них текли слезы) глаза, а то на ебале была пудра, пока никто не палит, опять сели в электричку, опять час ехали. На этом смена и закончилась. Приехал домой и думал поспать (ночь до этого не спал), но не получилось. Сидел в интернете, договаривался насчет концертов на ноябрь, это ебаное дело, планировать туры, изматывает, точно говорю вам. Отвечал на аск.фм. Пошел за кроссовками в пункт выдачи «Ламода», но кроссовки мне не понравились. С меня, однако, пидоры все равно взяли 150 рублей за примерку. После чего я пошел в сторону Парка Горького встретиться с Лео. Но не дошел до парка, даже до Октябрьской

не дошел, потому что увидел сосущуюся парочку – повернул обратно. Я еле сдержался, чтобы не напасть на них, так хотелось раскрошить их ласковые ебальники. В общем, дошел до магазина «Вкусвилл» и купил сидр. Денег у меня было дохуя, мог себе позволить выпить сидра с Лео. Лео сам подъехал на скейте, мы выпили по две бутылки сидра и по одной – пива. После чего пошли съесть осетинские пироги. Был уже вечер, а я совершенно забыл поесть в этот день, только каких-то орешков. Но мне это даже нравится, пытаться нащупать свой живот, но нащупывать пустоту и думать: «посмотрите, у каждого поэта есть невозможная баба и тьма, из которой он на нее смотрит». Мы поговорили как раз с Лео о поэтах и бабах, я пожаловался, что тяжело быть занудой. Бабы не любят нас, зануд. Вот если бы я был сутенеристым мудаком, как муж Эми Уайнхаус, тогда было бы другое дело. Но такого говноеда слишком легко прищемить. О, как мне хочется набить ебальник такому человеку, господь, сделай, пожалуйста, так, чтобы он мне встретился сегодня вечером, такой необходимый человек. Короче, пришли мы с Лео в осетинские пироги, а там: ебать конем. Поэтические чтения. Это же какая радость, если бы я был счастлив в любви, я бы никогда не попал на это мероприятие. Одно нас очень расстроило: нет осетинского пирога со шпинатом, но без сыра. Я очень люблю шпинат, но сыр не ем. Пожалуйста, дорогие осетины, сделайте пирог со шпинатом, но без сыра. Это может быть шпинат-картофель, а? Как вам такой микс? Почему вы не делаете пирог со шпинатом и картофелем для веганов, было бы заебись.

Обнулился
28 сентября. День 1

Вернулся из Воронежа, дел много.

29 сентября. День 2

Ночка опять какая-то адовая вышла, принял феназепам, думал, выплюсь, как пес. Но не тут-то было. Позвонила плачущая подруга. Приезжай, говорит, приобожди меня, а то конец мне. Я говорю, ну ладно, я никуда выехать не могу, чтобы с тобой посидеть, хотя понимаю, что иной раз такое нужно, но я уже вот-вот вырублюсь, но можешь сама приехать, только я уже одной ногой сплю. Она приехала, выпили по стакану воды, и мне пришлось ответить на вопрос «зачем жить?», придерживая при этом пальцами веки и еле выплевывая слова. Я говорю: ну как, есть у тебя все, ты не инвалид, есть физическое здоровье и есть некая проблема (в ее случае – биполярное расстройство, о котором я знаю только по сериалу «Бесстыжие»). Она, плачущая подруга, кстати уверяет, что у меня та же самая болезнь, что она рыба видит издалека.

В общем, я че-то промышчал про то, что можно только давать пиздюлей каждому дню, делать любое дело, одно за другим, и ждать просвета, ждать, как что-либо озарит темень мрака, по которому все мы разбросаны. И радоваться, если еда в тебя лезет, если есть форточка, в которую можно высунуть ебло, потому что у кого-то даже нет ни ебла, ни форточки.

Потом пришлось напомнить о своих делах, отправить ее спать и самому уютиться где-то с краю. Однако сон был тревожен и нарушен. Даже если где-то рядом кто-то ворочается и страдает, изо всех сил пытаюсь тебе не мешать, он действует, как раздражитель. Но подруга рано ушла на работу, после чего я хорошенько поспал целых пару часов. Но проснувшись по будильнику, тормозил. В результате не выспался, с утра тупил. Мне нужно было сделать сложное дело. Снять деньги, которые выслал мой друг детства, встретить оптовика, который бы привез три больших коробки

сигарет и отправить все это на Север, в населенный пункт Лабитнанги через компанию «ЖелдорЭкспедиция». Но была такая проблема: пока я снимал деньги, то захлопнул дверь, а ключ оставил дома. Если бы у меня с собой был паспорт, все было бы норм, поехали бы в «ЖелдорЭкспедицию». Оптовик должен был подъехать с минуты на минуту, а потом он бы довез меня до места отгрузки. Была только одна возможность забрать еще ключ – он был у знакомой, которая должна была вписываться у меня, пока я был не дома, и вообще, пока ей это необходимо. Но знакомая, видать, вернулась к своему парню или еще как-то зажила, вписка ей была не нужна, ключ, сука, вожденный второй ключ, был сейчас лишь у нее. Скоро мне привезли эту партию сигарет, я проверил, все ли на месте, и остался на улице с 1500 пачек сигарет в трех коробках. Мне казалось, что я выглядел подозрительно в черной кофте, черной куртке с капюшоном. Вот я и маялся с этой оптовой партией сигарет, пытался дозвониться до данной знакомой бабы, чтобы узнать, где она. Короче, я пасся, ебать, это же три коробки, сейчас меня накроют и арестуют, подумал я, потом затащил их в подъезд, на этаж, и стал думать, че делать.

Наконец, вызвонил Сынка, попросил его сесть в такси, взять паспорт и заказать такси мне, чтобы мы приехали в эту окаянную компанию по отправке груза. Выбрали самый близкий к его дому филиал – на Варшавской. За мной такси сразу приехало, таксист мне даже помог дотащить, хороший попался дядя. Потом я доехал до транспортной компании и, пока сынок все еще не приехал, оформил все без паспорта. У меня не спросили паспорт за эту отправку. Можете, что угодно отправлять, наркоту, все будет чики-мони. Такое дело. Я позвонил Сынку, дал отбой, он лишь на 5 минут в итоге провел в такси, так долго оно ехало до его дома. (А я там минут 40 маялся с этими накладными). Потом ездил и гулял, пытаюсь вызвонить бабу-ключницу. По ходу зашел в

«Ходасевич», забрал там бабки, которые нужны, чтобы оплатить тираж книги «Клей».

Но меня тревожило, что я не успеваю в типографию. (Туда-то меня не пустят без паспорта). Я хотел сегодня ночью ехать в СПб, но в результате пришлось отложить все на завтра. Че, делать было нечего, обошел весь центр, купил себе билеты на день позже. Потом еще пересекся с Сынком в метро, забрал у него немного необходимых мне книг «Ил-музик» и сборник с дневниками и «Парижским сплином» Бодлера. Тут наконец-то написала баба, что отдаст мне ключ через два часа, еще прогулял час, потом просидел один час, пил огромный чай в одном месте на районе, читал «Парижский сплин», спиздил один образ и накатал какой-то стишенок. Несколько его кривых частей теперь хранятся в папке Drafts в моем «Нокио». Потом додумался созвониться с хозяйкой, чтобы отдать ей квитанции, которых скопилось уже очень много, и это дело выгорело на вечер. Потом я уже запутался, в какой последовательности эти шары летали, и заодно пришлось отложить на завтра забирание книги из типографии. И такое облегчение испытал, что удалось отпиздить этот идиотский день, что я даже поблагодарил этот день, что он вытряхнул меня из кокона. Уже отпизженному дню помог подняться, пожал руку и сказал:

– Спасибо за бой, пес.

30 сентября. День 3

Ночью, когда я уже почти заснул, позвонила знакомая. Вот такое второй раз подряд, не поверите. Но, к счастью, не плакала, и ехать никуда не звала и даже не собиралась ко мне. Зато у нее был день рождения, невыносимый для нее праздник, она напилась и решила (осмелилась) немного поделиться со мной. Ты, говорит, отличный писатель (не думаю,

что она хорошо разбирается в литературе), репер (здесь я согласен, что у меня есть потенциал) и добрый (даже к ней со своей стороны не замечал такого) человек, зря ты себя окунаешь в дерьмо. Вот у меня с детства, говорит одно дерьмо (не буду вдаваться в подробности, че хотите, то представляйте, но я не по-доброму охуел, пока слушал о ее жизни), а у тебя все хорошо. Но ты его везде ищешь, окунаешься. Вместо того, чтобы задрать подборок и подумать: «я пиздат», и тем самым сотворить себя таким. О нет, пришлось перевести тему. Обсудили что-то, и разговор закончился. Отвлекся от своих тревог на ее тревоги, но и от сна тоже отвлекся. В результате чего проебланил часов до 3-х, чередуя Бодлера с перепиской ВК. Потом, все-таки выпил полтаблеточки, но все равно не получалось уснуть еще долго.

Утром надо было в типографию. Проснувшись по будильнику, решил отложить поездку на пару часов, но сон не вернулся. Малыш, давай же, подзывал я его. Типография никуда не убежит. Хуй тебе, отвечал он. Поехал, хуле, на Текстильщики. Накануне договорился, что позвоню от проходной, а мне помогут – подкатят книги куда-нибудь на рохле, а я вызову такси и не успею ошалеть от тяжести. Однако менеджер, которая имеет со мной дело, забыла вчерашний разговор, просто взяла деньги, дала пропуск на выход, и подвела к стопке книг. Забирайте и уходите, сказала она.

Я не стал ерепениться, лень было капризничать. Прикинул, 200 небольших книжек, не знаю, уж сколько они весили. Эти рассказы ведь почти что мои, я издал их, это мой друг Кирилл «Сжигатель Трупов» Рябов, и я с его книгами пройду через любые испытания. Две пачки по 30 штук сунул в рюкзак (спина болит до сих пор, сучка), остальные 140 упаковал в большую черную сумку. И медленными шагами пошел к проходной. Там набрал такси «Максим» (номера другого такси у меня не было), и мне предложили подождать 25–30 минут. Тогда я решил, что лучше сэкономить.

Добирался долго и тяжело, но это такая терапия. Давай, хули, вчерашний день был жесток, но ты его одолел, сегодняшний день гораздо легче, но хотя бы дарует такую славную физическую нагрузку.

В общем, чтобы не зачахнуть дома, отдыхать долго не стал. Взял уже всего 30 книг Кирилла Рябова в рюкзик плюс еще 10 каких-то и прошел пешком маршрут: «Серпуховская-Циолковский-Ходасевич-Фаланстер». И так же обратно. Еще купил старенькую книжку «Френни и Зуи», по-моему «Зуи» я давно не перечитывал, уже лет 8. Хотя в 2012-м пытался перечитать все повести о Глассах, Зуи я тогда упустил (ну и «16-й день...» читал всегда только кусками). Меж тем уже настал вечер. Собрал вещи, которые нужно взять в Петербург, скоро на поезд. Надеюсь, этот день выкинет какой-нибудь внезапный финт, который оглушит меня, свалит с ног и отправит в крепкий и сладкий сон. И таким образом, я, упав на верхнюю полку в плащике, как на маты, все же одолею данное, 30-е, сентября.

1 и 2 октября. Дни 4 и 5

Ноутбук с собой не брал, а у Максима Тесли, у которого я ночевал, не работает клавиатура. Пришлось делать пометки в блокноте, как это делает большой мастер прозы Александр Снегирев.

Короче, в четверг приехал в Петербург. Проснулся, уже когда люди выходили из вагона. Наконец поспал без всяких таблеток. Сон в поезде, конечно, это не совсем пиздатый сон, из-за духоты. Просыпаешь, как будто ватой набитый, но зато проспал необходимые семь или восемь часов. Потом гулял, хотя это было и нелегко со здоровенной сумкой книг. Нужно было скоротать время до 12-ти, в 12 передать посылку и съесть «антикризисный обед» за 150 рублей в Las-Veggies

на Владимирском. Посылку передал, обед съел, надо признаться, он меня не очень впечатлил. Раньше там был вкуснее обед, раньше там был лучший из веганских обедов, год всего лишь назад. Но и цену за этот год они подняли всего на 15 рублей, так что удивляться тут нечего. Сейчас уже выбирать салат нельзя.

Потом я занес книги во «Все свободны» и пошел к Максиму Тесли реперу из групп «Он Юн» и «Щенки», человеку с моторчиком в жопе. Принял холодный душ (горячей воды не было) и почалился.

Потом сидели с Максимом, Феликсом Бондаревым и Кириллом Рябовым в «Маяке». Они неспешно выпивали водку, я – гранатовый сок. Сожрал две порции картошки с горошком, и еще порцию риса с изюмом. Я много дней хавал плохо и тут вдруг разогнался. Оттуда Феликс поехал домой, а мы трое пошли презентовать книгу Кирилла «Клей».

Пришло человек двадцать, мы с Кириллом перед ними неловко расселись. Я сказал что-то, Кирилл что-то сказал. Вот такая книга, такая серия, такое издательство. Но тут подоспел Валера. Книгу он еще не успел прочесть, но у него на спине есть специальные ручки-крутилки, я выкрутил «реализм» на 90, «нуар» на 40, «любовь» на 70 и еще несколько кнопок нажал, так что из Валеры потекла речь, и он спас вечер, рассказывая о Кирилле и его прозе. Он робот-оратор.

Потом я погулял еще с Валерой, излил ему всю душу, о своей сложной любви рассказал, короче, про то, что я прячу между строк этого идиотского дневника, и ночью пошел спать к Максиму. Максим был пьян, как бог, и мы еще погуляли. После этого он показал мне по серии хороших сериалов, которые я не смотрел: «Массовка», «Жизнь так коротка» и «В норме». Еще мы смотрели стенд-апы Дага Стейнхоупа, это действительно великий человек.

После чего я лег спать на полу на матрасе. Максим разговаривал во сне. Я постоянно пытался ему ответить, но

оказывалось, что это он сам с собой. Потом вдруг он соскочил со своего кресла-кровати, наступил мне на голову, я сказал:

– Мудила, ты мне на голову наступил!

Он тут же лег обратно и, кажется, даже не проснулся. Я на всякий случай оттащил матрас подальше и хорошо выспался без происшествий. Правда, мы спали слишком долго и не пошли на суд над Павленским, на который Максим очень желал сходить.

Ладно, мне нужно было сделать ряд дел, съездить в один магазин, потом в клуб «Мод», обсудить реп-план «макулатуры» с нашим директором Мишей, потом забрать бабки из «Все свободны». Вернулся к Максиму, почитал Бодлера, пока Максим опять вырубился с похмелья. Наконец, приехал Феликс, и мы принялись делать реп-музыку.

Сначала час слушали черновики Феликса, потом полтора часа собирали из них треки. Собрали 6 черновых треков для нового EP «макулатуры».

Пошли в «Ионотеку». Там Максиму и Феликсу бесплатно наливают. Встретил там знакомого Леху, который в прошлой жизни спас меня от 15-летней девочки. В «Ионотеке» можно курить, там играл какой-то нойз или построк, я не разобрал, потому что трезвый начинаю паниковать в таких местах, еще этот сигаретный туман, мрак и куча пьяных людей. Мы вышли на улицу, стояли там, разговаривали, и тут меня узнал какой-то парень, лет 18-ти, выходящий из «Ионотеки».

– Женья! – говорит. – Я купил твою последнюю книгу. Ты меня разочаровал. Вот «Камерная музыка»...

– «Камерная музыка» – параша! – говорю я.

– Она лучшая!

– Ладно, считай так, – говорю, пытаюсь спрятаться от парня.

– Дай хоть обнять тебя, – отвечает он.

– Так разочаровал же, – отрезаю, и все прячусь от него за стоящим рядом человеком, как за деревом.

– А как же кемеровский андеграунд?! – крикнул мне парень, когда его друзья или девушка (я уже тут разволновался, что не понял ничего, да и темно уже было) уводили.

В общем, я решил лучше погулять перед поездом. Не торчать в таком месте.

Но такой ветер хуярил, что я съел в какой-то столовой вегетарианский борщ и ржаную булочку с чесноком и пошел в метро. Приехал на Ладожский вокзал (так вышло, что уезжал оттуда), почитал немного Бодлера. Дождлся поезда. Залез на верхнюю полку, зачем-то подумал о жизни, уснул. А что еще мне оставалось?

7 октября. День 10

Очень хорошо выспался впервые за долгое время. Потом принялся за уборку. Снял со шкафа какие-то местные пылящиеся штуки, обернул их в полиэтилен, чтобы не пылились. Потом вытащил из шкафа и сложил аккуратно все вещи, разобрал книжную полку, протер пыль, все отпидорасил, собрал заново, помыл плитку, помыл полы, постирал шторы, сменил постельное белье, отжался, и настало время ехать на книжную презентацию. В одном вагоне метро заметил подряд двух мужиков с книжками Макса Фрая (разными, но из одной серии в похожем оформлении). Я был фанатом в подростковом возрасте, собственно, это то, с чего я начал читать книги в 99-ом году. Даже перечитывал («Гнезда химер» и «Мой Рагнарек» прочел раза по 4, почти все книги серии «Лабиринты Ехо» по 2 раза) но сейчас почитал немного из-за плеча второго мужика, не заманило совершенно. Доехал до бара «Дич». Там мы как-то провели презентацию с грехом пополам. Сынок че-то поговорил, Антон «Секси»

Секисов поговорил, великий Сенчин поговорил, я сказал пару слов, продали 14 книг, выпили водки (я пил чай) и разошлись. Секси пошел ночевать ко мне, дошли пешком от Китай-города до Серпуховской. Еще успели в «Дикси», купили там мороженных цветной капусты и брокколи, а еще овощного сока. Поужинали, пытались посмотреть фильм «Двойник» с Джесси Айзенбергом, но словили тухляка. Посмотрели две серии «Жизнь так коротка», на том решили послать этот день подальше и лечь спать.

Из небытия появляется ванная комната. Маленькая, с полутораметровой, собственно, ванной и раковиной и одним краном. Он ржавый, таким я его вижу, а, возможно, воображение обмануло память, добавив деталь – ржавчину. У крана есть два неестественных положения и одно естественное. Естественное – когда он смотрит прямо, и если его включить, вода польется на пол, затопит квартиру и дальше потечет к соседям на первый этаж, расширяя вселенную. Два других, неестественных положения – для того, чтобы лить воду в раковину или в ванну. Но это унижительно для крана, так вкривь он льет воду по краю, как будто пытаясь дотянуться каждый раз, как нищий. Если бы он сразу мог стрелять в центр мощным напором, если бы он был длиннее и увереннее в себе, это было бы слаженное существование, геометрически верный союз: кран–раковина–ванна.

Тем не менее мы не льем воду на пол, а наливаем в ванну. Я пока еще не знаю, кто такие «мы», я пока даже не знаю, кто такой «я». Но уже вижу, как вода течет по краю, сначала заливает дно, а потом ее становится все больше в ванне. Знаю откуда-то эту комнату, могу представить отчетливо даже то, что не попало в фокус, детали, осознаю их – они мне знакомы. Но только сейчас я научился вмещать их во вдруг сдвинувшееся с места время и сохранять в его течении.

Ванна уже наполнена больше, чем наполовину. И в воде сидит сестра, вдруг оказывается, что она здесь, напротив, глядит на меня. Взгляд сестры, непонимающий и испуганный. Я знаю, что она не могущественное существо, – потому что она голая и небольшая, – любопытное ко мне и пока еще не несущее разрушение и боль, не претендующее на мою собственность. Сейчас она боится меня, хотя я знаю, что обычно все происходит наоборот. Резко появляется

звук, до этого вселенная была беззвучной, – это крик. Кричу я. Со звуком все ускоряется, начинает жить, исчезает возможность разглядывать все, как на стоп-кадре. Я не владею информацией, почему кричу, – только догадываюсь. Скорее всего, причины две. Первая: сознание начало работать, начало записывать реальность, создавать мою собственную базу данных. То есть это крик новорожденного сознания – сам ребенок родился два года назад. Вторая: в ванной что-то плавает. Ребенок видит, как в ванне что-то плавает. Это я вижу, что в ванне что-то плавает, и первое сложное чувство, которое я запомню, – отвращение. Появляется мама. Это могущественное существо, от которого я завишу и которому я принадлежу. Ее я зазываю своим криком, это становится понятно. Она протискивается мимо корзины с грязным бельем, заслоняющей почти все свободное место в этом тесном кубе ванной. Мама с недоумением что-то говорит сестре. Я пока не понимаю их язык. Но когда мама обращается ко мне, я разбираю слова:

«Да замолчи ты!» – первые слова, сохраненные в памяти.

Они обнаруживают раздражитель, и мама каким-то способом убирает нечто из ванны. Тут записывающее устройство дало сбой, способ изъятия этого нечто не сохранен. Но мы все еще в ванне, вода уже почти набралась, но я продолжаю кричать. Я бью по воде, потому что это плохая вода, ее нужно заменить.

– Да что ему надо?

Мама что-то пытается выяснить, не понимает, трясет меня.

– Ничего нет. Все чисто, посмотри.

Замолкаю только, когда она догадывается слить воду. Плохая вода утекает, я становлюсь спокойным. Моя первая победа, я пробую ее. Она получена нечестным путем.

Последующие двадцать четыре года я буду думать (хотя и не буду в это верить), что это нечто было моим собствен-

ным дерьмом. Что я обосрался, когда меня купали в одной ванне с сестрой. Как они догадались купать меня с восьмилетней сестрой? Восемь лет – это немало. На две трети женщину, наверняка желавшую мыться самостоятельно, посадили в ванну с куклой, неразумным существом. И только обосравшись, существо стало человеком, получило сознание, разбудило его собственным криком. Мое первое воспоминание – позор. Так буду думать, пока случайно сестра не расскажет мне эту же историю.

– Омерзительным капризным брезгливым ребенком, вот каким ты был.

Скажет:

– Я помню, как нас купали вместе в детстве. И ты орал двадцать минут из-за того, что в воду упал маленький паучок. Отказался мыться в этой воде. Брезгливый и капризный, вода тебе больше не нравилась. Тебе двух лет еще не было. И так было во всем. Еще удивляешься, почему я тебя била.

Она не смогла понять, что я орал не только и не столько из-за паучка. «Я» орало, родившись. С сестрой мы были разными. Не стоило нас купать вместе.

Книги издательства «Ил-music» как правило можно купить в магазинах:

- «Фаланстер», «Ходасевич», «Циолковский» (Москва);
- «Все свободны» (Санкт-Петербург);
- «Смена» (Казань).

По почте вы можете заказать книги через сообщество реп-группы «макулатура» на «вконтакте»:

- <https://vk.com/makulaturabrat>

ПТИЧЬЯ ГАВАНЬ

Е. Алехин, 2015

Ил-music, 2016

корректор – Аглая Топорова

обложка – Вова Седых

верстка – Chonyatsky